

ЛИДИЯ СЫЧЁВА

Эх, славяне!..

Статьи о культуре

**ЛОТОС
Москва
2008**

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос-Рус)6
С 95

Сычева Л.А.

С95 Эх, славяне!../ Статьи о культуре. — М.: «Лотос», 2008,
— 150 с.

В данном издании автор исследует современное кино, телевидение, литературу, образование, социальную жизнь. Можно ли вернуть «человеку природному» былое могущество и влияние? Как противостоять новым цивилизационным угрозам? Каково место национальной и классовой борьбы в нынешних реалиях? Поиски ответов на эти нешуточные вопросы, надеемся, будут интересны читателям.

ISBN 5-86829-006-X

© Сычева Л.А., 2008
© «Лотос», 2008

В ПЛЕНУ У БИОРОБОТОВ

Прошлой зимой выдалось достаточно времени для чтения. Из всех читанных и перечитанных книг запомнился Фицджеральд. Поразило его предвидение о том, что литература по сравнению с кино лет через двадцать будет напоминать ларек рядом с сетью супермаркетов. «Так и вышло!» — думалось мне тогда.

Начинал Фицджеральд романом «По эту сторону рая», закончил автобиографическим эссе «Крушение». В конце жизни он подвизался киносценаристом в Голливуде, много пил... Киногрёзы сбили его с истинного пути — с пути писательского призвания. Пусть у него был «ларёк», но он был в нём хозяином. А в «супермаркете» Фицджеральд оказался «обслуживающим персоналом».

И всё-таки кино зовёт и манит. Одно смущает: почему так тяжело становится на душе после выхода из кинозала?! Всегда — и когда фильм хороший, и когда из рук вон. Всё-таки кино — демонстрация наглядно зримых образов — эксплуататорское искусство. Даже когда оно действительно искусство. Оно эксплуатирует душу человека. Ради чего?

* * *

А живем мы в мире, искаженном информацией, под завалами ненужных сведений и слов. В культурном мусоре эпохи. Перекормленные информацией, мы часто не имеем сил, чтобы разгрести насыпанный над головой «холм» культпродукта, и окинуть мир собственным оком. Сконструированная обстоятельствами «нелюбопытность» дорого обойдется нам и нашему будущему.

Так я думала, листая журнал «Менеджер кино». Мы вот кричим: Америка! Америка! Штаты то есть. А США, оказыва-

ется, по кинопроизводству лишь на 4-м месте в мире (в среднем — 385 фильмов в год, считай, каждый день — премьера). Впереди — Индия (839 лент), Китай с Гонконгом (469), Филиппины (456). Сразу после США — Япония (238), Таиланд (194), Франция (183).

Что же получается? Если кино — искусство эксплуататорское, то пусть уж лучше эксплуатирует человека родное государство, чем пришлый «дядя Сэм». Именно там, где кинорынок наиболее защищен (Индия и Китай) наблюдается «державный рост», связанный, кстати, с ростом народонаселения. Даже в крошечной Южной Корее в год в среднем выпускают 63 фильма (у нас — 46). Даже в бедном Иране — 62 (на Украине — 6).

США ежегодно производят около 10% всех фильмов, а в общемировом кинопрокате собирают 70% всех средств. Вот это эксплуатация! В Чили, Коста-Рике, на Кипре американские ленты занимают 95% показа. Пока не пал бастион Ирана — здесь доля лент США в общем импорте — не более 7%.

А впрочем, может быть «печатная культура» — книги, газеты, массовый всеобуч — среда более эксплуататорская, чем продукция «фабрик грёз»? В конце концов, обработка дешевым кинозрелищем азиатско-тихоокеанского региона никак не повлияла на тамошнее «здоровье нации». А переучившаяся ещё во времена Просвещения Европа тихонько меняет цвет — с белого на тёмненький...

* * *

Кино — прекрасный материал для социальной психологии. Что бы там ни говорили «чистые эстеты», но в искусстве отражается народная душа. Даже по коммерческим поделкам (литературным или киношным) можно кое-что понять. Чего же говорить о произведениях, которые, так сказать, «претендуют». На «Оскара» или на «Золотого Георгия». Кинофестивали — бурляевский «Золотой Витязь» и михалковский Московский международный дают материал для размышлений.

Весёлого мало — во всяком случае, для России. Искусство отображает не жизнь, а лишь душу художника. Даже «информационный продукт» вроде газеты «Московский комсомолец» в первую очередь отражает «коллективную душу» редакции, а потом уже всё остальное. Да и «отклик» на то или иное произведение искусства есть не только мера технологий (реклама, пиар, ТВ-влияние образов), но и во многом действительное состояние народной души или «атомизированной массы», которая осталась вместо народа. И потому я верю, что многим кинокритикам действительно понравился слабейший, скучнейший, временами пошлый, невыносимо тягучий и глупый (на мой взгляд) фильм Алексея Учителя «Космос как предчувствие», получивший на Московском кинофестивале-2005 главный приз. Я увидела в этой картине уродливых людей, уродливую действительность и нищету воображения главного режиссера, замахнувшегося на эпос (но вряд ли ему по силам сделать даже добротную короткометражку). А, допустим, Александр Сокуров (еще один «голый король» нашего кинематографа) отзывается о фильме так: «Серьезная работа, которая, безусловно, будет интересна людям, ищущим и чувствующим кино. Стоило столь активно работать в кино — чтобы, наконец, снять такую картину». Может быть, многие из хвалителей и лукавили — и это не имеет значения. Значит, люди готовы лгать — истина для них ничто не значит... Но что они могут создать и что они могут сделать для искусства?!

...В метро я смотрела соотечественников, упоенно поглощающих очередную порцию «желтых» книг. У нас была советская власть, следила за «вкусом». Давала неплохое образование. Почему же «вкус» так быстро обрушился?! А всё дело, кажется, в том, что властвовала эпоха безбожия. Именно потому, когда пали внешние советские скрепы, внутренний «вкус» не удержался на должном уровне. Захотелось чего-нибудь лёгонько-жёлтенького.

Только не надо думать, что «элита» умнее метрополитеновских «масс». Если 70% атомизированной массы приветствуют низкопробное произведение искусства, то и 70% элиты

по своим нравственно-эстетическим качествам ушли не дальше «низших», какое бы «фи» они не высказывали при этом.

* * *

С другой стороны, чего я так обрушилась на фильм Алексея Учителя?! У картины есть и достоинства — повествование вяло, малоэнергично и большого вреда, скорее всего, не нанесет. Не то — картина Валерия Огородникова «Красное небо. Черный снег». Уж тут «художник» самовыражался, как мог. Давно у нас на экране не появлялось таких широкомаштабных больных полотен. Агония сознания.

Действие картины происходит в советском тылу в 1943 году. Угадывается Челябинск, директор знаменитого «Танкограда» Исаак Зальцман. Экран кишит ворами, эвакуированными, блататой и прочей шушерой. Ужас, ужас! Невольно возникает вопрос: если люди тогда были такими безумными, как же они смогли победить в жестокой войне?! Как им удалось перестроить завод в условиях военного времени за 32 дня (!) на выпуск нового танка? (Сходный вопрос можно адресовать и Алексею Учителю: каким образом общество духовных уродов смогло первым отправить человека в космос?) Но исторические реалии «художников» не волнуют — они тешутся «самовыражением», выплескивая на зрителя свои психоконфликты. Задача — подсознательная или сознательная — одна: раздавить «гадину», то есть советскую родину. Раздавить в себе даже ростки «родственного» чувства, если они, конечно, там когда-то существовали. Слиться на полную катушку с мировым космополитизмом, чтобы никто не мог упрекнуть: мало, мало плюнули в прошлое!

Ну, правильно, сказал же Александр Сокуров: «Искусство всегда дистанцируется от народа. Главное для художника — выражать себя». За народные деньги, между прочим. Но важно не кто работает, а кто распределяет. Меня почему-то поразила простая и давно известная мысль о том, как сильно космополиты любят деньги: будут платить, снимут «обличе-

ния», дадут деньги — и «патриотизм» проявится (своеобразно, конечно). Потом ещё чего-нибудь... Вот и весь смысл жизни.

Валерий Огородников со своим «Красным небом» ещё задержался в «обличениях», а Алексей Учитель с «Космосом» — уже в «патриотизме». А мы и не поняли! Но нам объяснят. Я долго размышляла на тему: кому нужен Московский Международный кинофестиваль в его нынешнем виде? Киношникам? Они в любом случае следят за кинопроцессом. Искусству? Оно не рождается в суете. Бизнесу? Одни убытки пока. Похоже, ММКФ проводят для организаторов (сами себе рабочие места создают), и, главным образом, для прессы, ненавязчиво формируя у неё космополитский «вкус». А пресса потом будет «формировать» страну. Дмитрий Орешкин, один из участников «интеллектуальных посиделок» на кинофестивале, заметил: «Народ использует те слова, которые ему преподносят элита». Поправим: не народ, а атомизированная масса. Потому что подлинная элита (аристократия) использует те слова, которые ей дарит народ (вспомним хотя бы Пушкина).

Но у нас не народ, а остатки населения, и слова им преподносит элита — производительница «желтых» книг и хвалебных рецензий на пустые или истерические фильмы. А при таком общественном строительстве «высшие» те же рабы, что и «низшие». Только более подлые и жестокие.

* * *

Руководил жюри на Московском кинофестивале-2005 сценарист Валентин Черных. Разумеется, присудить «Космосу как предчувствие» главный приз без его согласия было бы невозможно.

А он и не возражал! Меня поразили «откровения» этой нашей оscarоносной звезды (за фильм «Москва слезам не верит»). «Я конъюнктурный прагматик. (...) Я считаю, что всё конъюнктура. Книги, которые сегодня требуются, — это конъюнктура, иначе бы их не написали и не продали. Одежда, которую носит улица, — это конъюнктура. Мода — конъюнктура. Работа художников — всегда конъюнктура, им всегда

работу заказывали — папа римский, короли, большевики, Гитлер... Моя конъюнктура заключается в том, что я сам чувствую, о чем пришло время писать...»

Ну да, вот и склепал в прошлом году телесериал «Дети Арбата». Пришло время писать — за это платят. И сценарий к очень слабому фильму «Свои» (лауреат ММКФ-2004) тоже написал. Малохудожественными средствами призывал любить евреев: они, мол, «свои», наши. В фильме есть эпизод, когда герои картины (речь идет о Великой Отечественной войне) убегают от преследующих их немцев. Лившиц, один из центральных персонажей фильма, ранен. Он остается, чтобы прикрыть товарищей. Те же бегут изо всех сил. И вдруг один из героев останавливается, начинает рыдать. «Ты что?» — «Лившица жалко». Можно ли поверить в этот внезапный приступ сентиментальности, когда по пятам движется сама смерть, овчарки лают?! Поверить нельзя, но сценарист почувствовал, «о чем пришло время писать...» — иначе «работу не продашь». Пришло время жалеть Лившица, а когда-то зрители плакали над русским Ваней, сыном Захара Дерюгина, из кинофильма «Судьба». Неужели В. Черных и тогда конъюнктурил?! Вполне возможно. А вот Евгений Матвеев — нет. И Петр Проскурин — тоже. И именно потому фильм до сих пор смотрят.

Но В. Черных, как истинный конъюнктурщик, считает, что всё хорошее в той же «Судьбе» — от него, а всё плохое от тех, кто не научился ловко угождать «заказчикам». Он говорит: «Когда я в своё время прочел «Судьбу» Проскурина (он тогда был очень популярным, особенно в провинции), то я понял, что никакая это не литература». (Ну понятно, а «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова — великая литература!) Но мог ли Проскурин сказать о себе: «Я — конъюнктурный прагматик». А Шукшин? А Лев Толстой? Нет, понять трепетную (при виде денег) душу кинокосмополита нам никогда не будет дано.

* * *

Когда я смотрела современные российские фильмы, мне почему-то всё время виделась гигантская, кровавая, старая ра-

на. А в ней сладострастно копошатся жирные черви — наша «элита».

Московский международный кинофестиваль — государственное мероприятие, деньги на него выдают из бюджета. И вот в рамках ММКФ проходит «круглый стол» на тему «В поисках (!) патриотизма».

Звучали самые экзотические определения заявленного предмета обсуждения.

Александр Митта, кинорежиссер: «Я не понимаю слова «патриотизм». Другое дело — «чувство родины».

Юрий Богомолов, кинокритик: «Сегодня патриотизм — это жуткая архаика. Это постыдная заплатка, которой хотят залатать большую дыру. Мы должны быть наднациональными».

Дмитрий Орешкин, аналитик: «Патриотизм — это расширение коммуникативного пространства». И дальше: «Мы бедные не потому, что у нас есть несправедливо богатые. От разгрома ЮКОСа мы богаче не стали».

Виталий Манский, кинорежиссер: «Патриотизм — отсутствие комплекса, нормальный патриотизм возможен только у людей, не живших в империи».

Но особо отличилась неведомо почему оказавшаяся на этом киносмотре литературовед Мариэтта Чудакова. «В патриотизме много простой физиологии. Одни могут здесь жить, другие — нет». И дальше: История — это огромная методологическая ошибка... Мы памятник Сталину не дали поставить в юбилейный год, мы его не дали упомянуть в день Победы, а уже это имя готово было с уст слететь... Русские, как и немцы, должны покаяться... Мы — страдали... За космополитизм...

Наверное, гусеницы, дожирающие кочан капусты, тоже находятся в «поисках патриотизма»: где бы найти новую плантацию для прокорма?! Потому что у червей, гусениц, навозных мух, действительно, «много простой физиологии».

Есть ли в мире еще такая страна, где женщина (!), призывавшая в 1993 году «раздавить гадину» (своих обобранных чубайсами соотечественников), и через десять с лишним лет будет за бюджетный счет изгаляться над государством, которое худо-бедно её поит, кормит, даёт престижную работу

(преподавание в Литинституте)?! Нет, «я другой такой страны не знаю...».

Но победителей — не судят. И если, мы, допустим, видим умирающего человека, в ране которого копошатся черви, то кто, с точки зрения «конъюнктурного прагматика» выше?! Разумеется, черви. Во-первых, родина — одна, а космополитов — много. Во-вторых, они её всё равно сожрут. Чего ж противиться?!

* * *

Больная страна. Больные люди. Больное искусство.

Культура — культ Ра — поклонение египетскому богу Солнца (однажды я слышала такое определение). Но, может быть, культура — это огромное поле, возделанное народом, а произрастающие на нем злаки как раз и дают людям пищу духовную (не хлебом единым!)?! Лучшие же «зёрна» станут «семенным фондом», без которого невозможно наше будущее. Но если народ изранен, измучен, полуубит реформами, если остатки его сил уходят лишь на то, чтобы поддерживать жизнь в полуобъеденном червями государственном организме, до культурного ли поля ему?! И тут появляются новые работники, существа даже более высокого порядка, чем космополиты. Назовем их биороботами.

Космополит — продукт капитализма, отечество для него там, где меньше налоги. Биоробот — дитя постиндустриального общества, придаток информационной «машины», мутант с измененным геномом. Он в принципе не представляет, что такое природосообразный человек, и считает, что народы, национальное искусство, национальный характер — лишь отголоски древней «этнографии» (всё это годится для придания «колорита»).

Биоробот в принципе лишен человеческих эмоций (в «поиски» патриотизма пускаются космополиты, биоробот никогда не знал сильных переживаний, тем более связанных с какой-то «территорией»).

У биоробота сохраняются короткие, похожие на импульсы, зачатки чувств. Биороботам не нужны ни смыслы жизни, ни их поиски. Они заинтересованы только в функционировании и своевременном сервисе (не случайно в последнее время в прессе стали часто говорить о том, что государство, это, оказывается «сервисная услуга населению»). Биороботы-производители рассматривают искусство как сервис, бизнес или информацию. Биороботы-потребители воспринимают культуру в виде фотозаставки на экран компьютера, в виде мелодии для мобильного телефона, в виде «шоу», зрелища, развлечения и пр. Искусство как поиск смысла жизни биороботам не нужно, и даже опасно — это некий «вирус», аномалия. Зато востребован футбол, теннис, бокс, спорт вообще, как один из видов коротких (и чужих) эмоций.

Общество биороботов основано на чисто рациональных положениях. Нужен средний класс и средний возраст, люди, способные потреблять и производить для потребления. Мегалополисы — модели общества будущего, где живут существа со взаимозаменяемыми частями, индивидуумы, которые легко клонируются, копируются.

Дети и молодежь, лишенные пищи духовной с народного поля культуры, перекормленные «целлофановым культпродуктом», как раз и пополняют генерацию биороботов.

Кинофорум «Золотой Витязь» проходил в 2005 году в Челябинске. Все основные конкурсные программы можно было посмотреть в культурно-развлекательном комплексе «Мегалополис» (символичное название!). Четыре кинозала, боулинг, бильярд, ночные клубы, кафе, грохочущая музыка — дорогое (даже по московским меркам) место развлечения «золотой молодежи». Кинофильмы, естественно, американские, музыка — англоязычная, еда — «синтетическая»... Показательно, как по-разному оценили это место «досуга» участники фестиваля. Народная артистка России Екатерина Васильева обронила: «Эта несчастная молодежь в «Мегалополисе...». Валерий Золотухин был другого мнения: «...Сейчас есть такие замечательные комплексы, как «Мегалополис»! У нас все талдычат со сцены, что, мол, как замечательно было раньше, какие были вре-

мена, но в то же время восхищаются всей этой красотой, которая окружает нас сейчас. Очень любят люди нашего поколения пустить слезу по прошлому и обязательно отметить, что общество разрушается, что сейчас всё гораздо хуже, чем раньше. Но ведь разве раньше у ребятшек был такой комплекс, разве у них были такие условия? Вот так-то, мы говорим, а ребята делают!»

Да, и ребята делают! Новая генерация биороботов сняла «Ночной дозор», «Турецкий гамбит», «Бой с тенью», «Личный номер», «Побег» и собрала хорошую «копеечку». И еще снимут и еще соберут. «Космосу» А. Учителя и «Красному небу» В. Огородникова такая касса, разумеется, не светит — доверчивые поклонники космополитического искусства большей частью уже вымерли, доконали их шизофренические слепо-регрессивные реформы. Но космополиты сделали свое дело — проложили дорогу «прогрессу». И ныне передовые наши продюсеры восхищаются Швыдким: голова, не дал ограничить американский ширпотреб (у нас ведь не дикий Иран, а правовое государство!), прокатчики понастроили кинотеатров, теперь есть где показывать «отечественное», сборы растут с каждым днём... Уж где-где, а в российском кино ВВП вот-вот удвоится!

Но что-то мешает радоваться процветанию отрасли. Подлинное искусство для биороботов — «неформат». Наши новейшие кассовые фильмы — «зрелища», виртуальный наркотик, бесстыдное эксплуататорское действие, снятое на потребу дня. Но это — больше, чем конъюнктура В. Черных. Это единственная и конечная сущность продукции, которую могут производить и воспринимать биороботы. «Зрелища», как известно, стали «последним культурпродуктом» Римской империи, но в нашем случае, я думаю, биороботам ничто не угрожает — целлофановое искусство губительно только для остатков рода.

Искусство принадлежит народу, биороботам — бизнес, пиар, деньги, слава и пр.

По большому счету, гордиться валом «генетически модифицированного искусства», это всё равно, что ликовать: вы-

росли поступления от продажи водки, пива, табака и лекарств. На наших глазах на культурном поле вместо золотого колоса буйным цветом расцвела сначала космополитическая «белена», а теперь ей на смену приходит злак-мутант, возвращенный биороботами по отработанной конвейерной технологии. Мировая тенденция...

* * *

...А настоящее искусство даёт человеку ощущение полноты и красоты жизни, в нём есть незримое присутствие Творца. Коммерческие же произведения странным, но очень жестким образом низводят жизнь до функций и действий, напроць лишенных одухотворенности. Убить в живом человеке одухотворенность — сделать его навсегда несчастным. Одухотворенность — это то «внутреннее видение», которое и преобразует мир. Особенно сильно развито это чувство у поэтов:

*Я снова здесь, в семье родной,
Мой край, задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.*

Сережа Есенин! Наш, родной. Не надо ничему специально «учиться», не надо быть в «поисках патриотизма», надо жить и чувствовать:

*Седины пасмурного дня
Плывут всклокоченные мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.*

Есть врожденное чувство прекрасного. Оно всё реже и реже встречается в людях. А должно бы! Не каждый человек может сам написать музыку, но каждый может пережить чувство Творца, слушая Георгия Свиридова (то же — и с кино, с литературой). Множество людей с врожденным чувством прекрасного как раз и образуют народ, культуру, традицию. По-

чему и как убивают это чувство — гармонию? Когда это происходит? С чего всё начинается? Может быть, в ту пору, когда младенец вырастает без душевного тепла близких (памперс не заменит колыбельную, а «сумма благ» — подлинную родительскую любовь)?! А дальше — больше, и жизнь в асфальтовых джунглях, среди современной целлофановой культуры, приводит к убиению этой величайшей ценности — врожденного чувства прекрасного.

Кинобум последних двух лет, связанный, в первую очередь, с массовым нашествием молодежи в кинотеатры — это не только «мировая тенденция». Это — побег юношества от повседневной бессмысленности, попытка восполнить духовный голод. Но сверхэксплуататорская продукция биороботов способна только на «забор энергии» (и денег!), а не на её аккумуляцию. Мировой Потребитель пожирает человеческие души, убаюкивая расслабленные тела в комфортных креслах мультиплексов.

Правда, пока не всё культурное поле под контролем биороботов, кое-где сохранились и индивидуальные «огородишки». Некоторые «непокоренные» (их немного) пытаются идти собственной дорогой.

* * *

Любопытный дебютный фильм — «Город без солнца» — снял молодой режиссер Сергей Потёмкин. Продюсер картины — Виталий Потёмкин, и, конечно, многоопытный отец помогал сыну.

Фильм сделан в идеологии «соцреализма», и этот воскренный метод, уже изрядно подзабытый и читателями, и зрителями, в общем-то, работает — публика воспринимает картину благосклонно. При том, что есть и отдельные актёрские неудачи, и «ямы» в сценарии, и в операторской работе не заметно открытий... Напомню, что суть соцреализма состояла в некоем изначальном атеистическом оптимизме. Исходная точка отсчета для художника была такова: окружающая действительность и люди у нас — хорошие, но в жизни встреча-

ются отдельные недостатки, омрачающие общий позитивный фон, с которыми нужно обязательно бороться и по возможности их изживать.

В «Городе без солнца» такой недостаток — наркомания, которой страдает главная героиня Люси и её брат Алекс (новая роль Сергея Безрукова). Борьбу с пороком начинает представитель современного «среднего класса», инженер с табачной фабрики Егор. Он влюблён в экстравагантную Люси — художницу и актрису. Безусловная удача фильма — демонстрация нравов и типов «наркотической богемы», жертвой которой становится талантливый фотограф Алекс. Мысль о декадентствующем искусстве, как об искусстве мертвом, хотя и не нова, но совершенно верна, и в нынешних обстоятельствах повторить её вовсе не грех. Другое дело — шаткость «спасительного плана», предложенного авторами картины зрителям. Егор приводит Люси в храм — но для неё, полуверующей, гораздо более действенной оказывается «арт-терапия» — спектакли в полупрофессиональном театре, где звучат стихи Хармса и Мандельштама. Впрочем, в «городе без солнца» (Санкт-Петербурге) труппа не находит отзывчивых зрителей, и тогда артисты на маленьком грузовичке, под водительством режиссёра (очень натужная и фальшивая игра Семёна Фурмана), уезжают в странствия по провинции. Грузовик куплен на деньги Егора, который оставил карьеру на табачной фабрике...

Увы, метод соцреализма (достаточно убедительный в прежней жизни, она ведь и впрямь была другой) невольно вступает в конфликт с нынешними реалиями. В самом деле, если окружающая действительность хороша, а наркомания отдельный недостаток заблудших людей, то зачем же бежать из Петербурга — города высокой «капиталистической» культуры?! Но в том то и дело, что нынешняя жизнь устроена несправедливо и неправильно (оккупационный режим), а наркотики — разновидность генного оружия (вместо былых концлагерей), которым «обрабатывают» уцелевшее население. Да и произведения Хармса с Мандельштамом весьма непрочная духовная опора в экстремальных обстоятельствах (выбор по-

этических персоналий вполне объясним — он в духе соцреалистического интернационализма).

По большому счету, дебютный фильм Сергея Потёмкина отражает стремление к духовной стабильности, существовавший во времена социализма. Разумеется, эти желания и чаяния сохраняются лишь у небольшой части нашей творческой интеллигенции. Сей благой порыв имеет перспективу только в одном случае — если художники обретут мощные народные и национальные «опоры». Но рассчитывать на эти перемены в среде киношников (людей, как показывают их творения, в массе своей малообразованных, зависимых и конъюнктурных), похоже, не приходится.

Подтверждение тому — фильм Алексея Балабанова «Жмурки». Автор «Брата», «Брата-2», «Войны» — безусловно, один из самых талантливых современных режиссеров. Но после его картин всегда остаются «вопросы». И вовсе не из разряда вечных. Дело даже не в духовной неразборчивости автора. (В «веселых» «Жмурках» — 28 трупов). Отвратительных по сути типов, бандитов-убийц, режиссер «лепит» с любовью, и они получаются у него обаяшками — пусть и дурными, дубоголовыми. Но, может быть, лучше любить хотя бы преступника, чем быть вообще неспособным на это чувство?! Вот Алексей Учитель своих героев не любит — ни Ивана Бунина из «Дневника его жены», ни повара по кличке Конёк из «Космоса как предчувствия». Герои для него — не люди (и не образы), а лишь средства для донесения до зрителя своих весьма убогих мыслей.

Балабанов снимает русское кино о русских. Но так, будто нет уже русских ученых, русской интеллигенции, русских рабочих и русских крестьян. Интеллигенция у нас безграмотная или продажная, заводы закрыты — пролетарии перекалифицировались в охранников, село — спилось... «Рабочий и крестьянка» — символ «Мосфильма» — сегодня маргинальные герои в кино. Остались только русские бандиты, которые должны быть беспощадными, если хотят выжить. Бандитство — это наше «русское гетто» сегодня, это наша сила, наши герои и патриоты. Они, как революционеры, ничего не боятся

(да и революционеры ведь были бандитами!). В общем, в этой мутной балабановской идеологии есть небольшая сермяжная правда — уничтожить нынешний бесчеловечный режим можно только насилием (ну не парламентской же борьбой!). Для акций гражданского неповиновения, как в Индии при Махатме Ганди, наш народ слишком слаб и разобщен. Балабановская бандитская полнокровная энергичность — это всё, что у нас осталось от когда-то великого русского кино...

* * *

А теперь посмотрим, что происходит вокруг архипелага «Россия». Не надо быть провидцем, чтобы понимать: чем больше шоковой терапии «анестезиологов» в той или иной стране на пространстве бывшего Советского Союза, тем печальнее «художественный результат».

Любопытна Белоруссия — маленькая страна, бросившая вызов «всему цивилизованному человечеству». В сфере идеологии, конечно. Иран тоже «бросил вызов» (со своими 7% американского кино в прокате), но там нефть, религия и высокая рождаемость. А в Белоруссии — только информационный «фильтр» для СМИ и работников «культурного фронта». Попытка называть белое — белым, чёрное — чёрным. Стремление сохранить социальную справедливость, ограничить бесовство либерализма, сузить социальную базу для клонирования биороботов. Но, наверное, все эти благие начинания — до времени. Слишком неравны силы, враждебно окружение. С одной стороны — больная Россия, с другой — «зоопарк» Европа. Из-за океана Буш размахивает ракетой. Говорят (байка такая), будто дядюшка Джордж, прилетевши в Москву на празднование 60-летия Победы, заявил «гостеприимным хозяевам»: как хотите, но я с диктаторам Лукашенко на одной трибуне сидеть не буду! Ну, вроде как брезгую. Батьке будто бы сказали, что его присутствие нежелательно, он и полетел назад, в Минск. Чтоб не отравлять «победителям» праздник своей харизматической тоталитарностью...

Такие дела! А в новом белорусском фильме «Глубокое течение» (режиссеры Маргарита Касымова, Иван Павлов) есть эпизод, когда партизаны выходят на связь с Центром. Радист радостно кричит: «Нас слышит Москва! Нас слышит Москва!» Это, конечно, иллюзия. Москва не слышит и не видит. Не может и не хочет...

Фильм «Глубокое течение» был снят к юбилею Победы. Показывали его на «Золотом Витязе» в Челябинске. Картина имела явный зрительский успех и являла собой полную противоположность нашему «Красному небу» В. Огородникова. В принципе, Россия и Белоруссия, как показали эти работы, являются собой два полюса, две крайности состояния народного духа на пространстве СНГ. С одной стороны полная деморализация сознания («в поисках патриотизма»), с другой — спокойное достоинство людей, ощущающих за собой силу государства.

Белорусская картина, созданная по мотивам произведений Ивана Шамякина, повествует о партизанском отряде «Полесье», действовавшем на оккупированной немцами территории. Удивительное дело: режиссерская работа в ленте неровная, молодым актерам в игре не хватает глубины, сценарий, наверное, мог бы быть более «стройным», спецэффектов в фильме нет, а всё же «Глубокое течение» забирает зрительское внимание. Фильм очень эмоционален и держится только на одном — на любви к своей земле и к тем, кто отдал жизнь за родину.

И всё же некоторая закадровая тревожность в этом фильме есть. Очень уж заметно в ленте умирание художественности, как излишнего, слишком «сложного» и длительного процесса. Особенно в молодых актерах. Художественность — качество, прямо связанное с творческим воображением, которое, в свою очередь сопряжено с прогностическим историческим мироощущением народа. Умирание творческого воображения — общецивилизационный процесс, вызванный наступлением «целлофановой» культуры, которая подменяет истинное искусство высоким «дизайном» или конвейерными «гамбургерами». Белоруссия — слишком европейская страна, она

сильно истощена генетически (в Великую Отечественную здесь уничтожили каждого четвертого жителя), чтобы противостоять внешнему давлению биороботов только с помощью информационных «фильтров». Нужны иные пути. Цивилизация зашла в тупик, и тут следует искать другой, не только «белорусский» тип построения жизни. Впрочем, на мой взгляд, уход Лукашенко (в какой бы форме и когда бы он ни произошел), будет иметь для будущего страны самые трагические последствия.

Еще одна сестра-славянка, Украина, тоже находится в лучшем, по сравнению с Россией, положении (если судить по её кинопроизводству). Здесь мало снимают, в основном «самостийное» кино, вроде «Мазепы», но «хохлы», вынужденные скитаться в поисках заработка по всему миру, к «москалям», несмотря на художественную пропаганду, относятся, в общем-то, ровно. Но зато из-за бедности (чтобы либералов содержать, надо иметь «копеечку») украинское общественное сознание ограждено от «элитарности» Сокурова, «философичности» Учителя, истеричности Огородникова. Ленты украинских студентов — добрые, светлые (и снятые очень дешево), внушают оптимизм — творческое будущее у страны есть! Замечательной миниатюре, мультфильму Оксаны Черненко «Плохая примета», в Челябинске рукоплескали даже члены жюри. В общем, в Малороссии не всё потеряно, и ситуация здесь будет зависеть от того, насколько рьяно мировые архитекторы возьмутся за перестройку Украины в духе «евроремонта».

* * *

Западная цивилизация зашла в тупик, потому что слишком часто голос души человека заглушался слаженным хором тех, кто мечтал превратить этого человека в «перманентного покупателя», бездонного потребителя множества ненужных вещей — от игровых автоматов до «культурного мусора» — коммерческих книг, фильмов, шоу... Человек онемевший, оглушенный технократической поступью «коммерческой жиз-

ни» втягивается в гибельный цивилизационный тупик, который, конечно же, вовсе не будет бесконечным.

Горькое предчувствие новых мировых потрясений, вызванных «человеком измененным», ощущается в фильмах лучших режиссеров Казахстана и Узбекистана. Опасность, которую несут своей продукцией биороботы, высока, и ей пытаются найти «противоядие». Показателен в этом смысле фильм молодого казахского режиссера Наримана Турибаева «Маленькие люди».

Два молодых человека, два друга — казах Бек и русский Максим — занимаются в большом городе сетевым маркетингом. По существу, обманывают людей, «впаривая» им совершенно ненужные вещи — терки для овощей, брелоки, фонарики... Оба несчастны, и оба беззащитны перед наступающим монстром виртуального существования, где «никто никому не нужен». У Максима, правда, есть мечта — выехать на ПМЖ в Германию. Но ему отказывают в визе за «недостаточностью оснований», да и фирма их в конце концов терпит крах. Друзья из большого города возвращаются домой. В принципе, этот фильм можно трактовать как развернутую метафору, где наивный и цельный Бек — «Казахстан», а красивый, пытающийся прикинуться циником Максим — «Россия». Авторы фильма справедливо полагают, что путь домой, то есть путь к себе, у Бека будет короче и легче. Хотя бы потому, что у него родина еще осталась, сохранилась. Как и у героев узбекского фильма «Девичий пастух» (режиссер Юсуп Разыков). Здесь один из персонажей, занятый «отхожим промыслом» в странах Европы, говорит: «Что там хорошего?! Везде мы будем людьми второго сорта!» Такое признание возможно только в том случае, если сохранился народ, а у народа — свой дом. А в России практически уже нет людей, которые бы сказали: дома — хорошо! Потому что дома — нет.

Эта тема — родина в эпоху глобализма — очень болезненна для наших недавних соотечественников, кинематографистов Казахстана и Узбекистана, сохранивших (во всяком случае, в лице своих отдельных представителей) и разум, и национальную идентичность. В России этот вопрос фактиче-

ски «закрыт». Однажды мне нужно было съездить по делам в подмосковную Коломну. Автобус подали «повышенной комфортности», со «стюардессой», которая продавала в пути пиво, «отвёртки», чипсы, а для того, чтобы пассажирам стало еще радостней, поставила дивиди-диск с американским кинофильмом «Если свекровь — монстр». На нескольких мониторах одновременно демонстрировалось это пошлейшее, примитивнейшее действие, удостоенное, между прочим, призывного анонсирования на радио «Культура» (что, впрочем, как раз и неудивительно).

В самой Коломне я купила местную рекламную газету. После обычных рубрик купли-продажи, пошли частные объявления «Он ищет её», «Она ищет его»... Смесь откровенной содомии, изощренного разврата и грязи. Боже мой! Древняя Коломна! Там, где Дмитрий Донской собирал войско для битвы на Куликовом поле. Кто мог подумать, что всё может так переродиться?!

Забвение в человеке идеального и высокого косит народ, как чума. Деградация страшная, хотя, подумаешь, какая-то там мысль!.. Какое-то кино, какие-то объявления!.. Но и молитва — тоже мысль! И над подновлёнными куполами старых храмов вдруг обрисуетя антихристианское мурло государства и искусства. Кто сильнее? Кто победит?

* * *

Наверное, что-то большое и важное значила Россия для мира, если нынешняя её болезнь так тяжело сказалась на вчерашних союзниках. Любопытно наблюдать, как в зеркале кинематографа бывших соцстран отражаются корчи их идейных предательств. Постановка вопросов мелкая, уродливая. 1,5 мысли, 1,5 извилины. Чешский фильм «Хроники обыкновенного безумия» (режиссер Петер Зеленка) — тоска и абсурд космополитичной пустоты в маленькой стране, совершенно потерявшей себя. Болгарский фильм «Украденные глаза» (режиссер Радослав Спасов) — одномерная публицистическая «толерантность». Мол, практика охристианивания местных

турок при социализме — плохая и порочная. Так никто и не спорит... Но тема «прав человека» не заменит достоинства человека и народа.

От России — ушли, к сытому Западу — не пришли. «В мире животных», — думалось мне после просмотра кинематографически красивого (картинка!) итало-германского фильма «Желанная жизнь». Якобы о любви. Хаотичное (тоже в поисках, только не патриотизма, а сильных ощущений) прыганье по койкам главных героев. Но снято с размахом — «животные», так сказать, на просторе, в «национальных парках». А в бывших европейских соцстранах — животные зоопарковые. В малых и больших клетушках, в ожидании подачек от либералов. Душно в их искусстве.

Что же касается Большой и Сытой Европы, то она перevalила в эпоху цивилизации без ощутимых вроде бы потерь — человек измененный живет там тихо и комфортно. Сартр, Камю, экзистенциалисты прокричали своё «до свидания» культуре, и Европа шагнула под диктат денег и комфорта. Не то — у нас, в России. Жертвы бездуховного молоха будут огромными — многие, слишком многие неспособны жить в пространстве пластмассовой культуры. «Старые русские» задыхаются в ней и умирают. Многие даже не успевают понять настоящих причин своего ухода...

* * *

Искусство — зеркало (только не действительности, а народной души), но искусство — это еще и предчувствие. Завтрашних бурь, бед, радостей и дорог. Искусство — предвестник будущего.

На Урале, в Миассе, побывала я в Музее минералогии. Помимо камней, там есть большой зал Мертвой Жизни — чучела животных и птиц, засушенные растения и травы. Сделаны с большим старанием, и, наверное, очень похожи на оригиналы. Из текстовых пояснений-табличек можно было узнать, что некоторые виды уже не встречаются в природе, другие — весьма редки. Я ходила, рассматривала экспонаты и думала о

том, что сходные процессы происходят и в литературе — остались одни «чучела» прошлого — сильные типы и герои, в жизни они почти не встречаются. Ну, разве в каком диком углу, куда забредет охотник-писатель. А так они давно уже стали персонажами из «Красной книги» по имени История, да еще произрастают кое-где, притаившись, чахлые ростки целебных трав, которые когда-то определяли природный ландшафт... Зато новый человек разводит (и даже клонирует) нужных животных, рыб, птиц. Выращивает в космосе кристаллы. Не довольствуясь природной гармонией, создает новую, искусственную среду обитания. При чём тут биороботы?! Просто такова поступь «прогресса»... Техносфера всё «сглаживает». Через 50 лет не будет нефти, выберут самоцветы на Урале, люди исчерпают земные запасы угля, золота, воды, воздуха... Родины (национальных государств) тоже не будет. Может быть, где-нибудь в Москве откроют музей Мёртвой Жизни Народов — с чучелами «национальных типов», с макетами их «хижен», аулов, хатёнок. С уцелевшими образцами искусств... Наверное, так и будет.

В мире, который строят биороботы, нет места природе, человеку и Богу. Но биороботы — образец техногенной продукции — смертны, а человек — вечен. Правда, лишь в том случае, если он не утратил творческое воображение, которое и способно соединить его с Богом.

Исчерпанность творческого воображения современных художников (и писателей, и кинематографистов) — пожалуй, главная беда нашего времени. Наверное, она связана с умиранием, убиением природы, с заменой живой жизни на «чучела». Потерянное воображение пытаются восполнить с помощью документов, видеоплёнок, «дизайна», вещей и т.п. Но что-то не смыкается и не соединяется. Утрата художественности обедняет, обворовывает человека, и, по большому счету, делает нашу жизнь глубоко несчастной. Личный психоконфликт вопиёт из каждого кадра «чутких» художников-космополитов. Да, уже не собственный внутренний мир (эгоистичное исповедальное искусство), а только лишь собственный психокон-

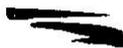
плекс (болезнь, истерика) транслируется в качестве «художественных произведений».

В литературе и искусстве по-настоящему элитарными произведениями становятся те, где присутствуют достоверность и подлинность, помноженные на чувство. Поскольку именно эти качества биороботами искореняются наиболее последовательно.

Кинорежиссер Сергей Урсуляк побывал на Екатеринбургском фестивале документального кино и ощутил громадную тоску по подлинности — увиденное оказалось для него настоящим художественным потрясением. «В лучших документальных фильмах гораздо больше подлинного искусства, чем во многих игровых лентах. Документальное кино милосердно, что сегодня об игровом кино ну никак не скажешь. Особенно его необходимо смотреть актёрам, так как сейчас на экране, и не только в сериальном кино, в основном выморочные фигуры, которых выдают за живых людей. Это какие-то андроиды, клоны, матрицы, что угодно, но только не живые люди. Они даже не похожи на живых людей. У живых рефлекссы и чувства другие».

Другие? Да, другие, потому что подлинное искусство не терпит лжи. Вроде «забетонируешь», «замаскируешь» её, а всё равно любая подлая или грязная мыслишка проявится, не скроется. Ничего не поможет. Искусство — праведный земной суд. И никакое «целлофановое», завернутое в обложку «подлинности» (так называемые реалити-шоу) его не заменит. «Не жалею, не зову, не плачу...» Эти простые, в чем-то даже обыденные слова — такие поэтические и щемящие — только русский поймет — сразу и безусловно...

2005

ВО ИМЯ ЛЮБВИ И ЖИЗНИ

Доброта и мужественность, красота и честность. Тысячелетиями природа и общество гранили в человеке эти качества. Суровые мастера — войны за существование и выживание, борьба с голодом и болезнями — выковывали в народах «опорные конструкции», позволяющие сохранять энергию и жизнестойкость. И — постоянный труд — тяжелый, повседневный — в семье, в государстве — чтобы поддерживать огонь жизни, создавать задел будущим поколениям, оправдывать звание человека.

Настоящие поэты, художники, музыканты — драгоценные кристаллы, выращенные временем, камни, ограненные трудом многих поколений народа. Естествознание рассматривает даже неживую природу как результат длительного эволюционного пути, что же говорить о человеке, о тайнах его сознания, о его пути к истине, о «предшественниках» этих озарений и открытий?! Поэт (и художник вообще) принадлежит народу, и горе «зазнавшимся», оторвавшимся от почвы певцам, беда тем, кто уцелел, а народ его пал на поле истории, а трагическая «невстреча» народа со своим поэтом во времени равнозначна наивности дикарей-аборигенов, променявших на стекляшки колонизаторов родовые драгоценности...

Так думаю я, размышляя о судьбе поэта Валентина Сорокина. Талант его — уральская горная река, стремительно мчащаяся по камням жизни, осыпающая холодом прозрачных искр, то шумящая водопадом, то вдруг стихающая на равнине, но всегда наполненная целебной водой живого слова. Талант его — обжигающий, ревуший огонь мартена, и спокойный, прирученный огонь деревенской печи, и — костер в лесу, ласково согревающий влюблённых, искавших уединения и уюта в одиночестве жизни. Талант его — ветер странствий, беспокойства, ветер беды и горя, славно погулявший над Ру-

сью XX века, ветер, летящий от древних славянских курганов до заброшенных русских обелисков в опустелых деревнях «неперспективной России»...

*Березы, желтые березы,
Тоска обветренных полей!
Едва я сдерживаю слёзы,
Следя за стаей журавлей.*

*Вон машут крыльями печально
Сквозь ночи длинные и дни,
О как тревожно, как прощально
Кричат над сёлами они!*

Написал это молодой, двадцатидвухлетний парень, в других стихах чуть бравирующий своей, тяжело добытой самостоятельностью («мы — простые парни, работяги, дышим вечным пламенем отваги»), конечно же, знающий Маяковского, но влюблённый в полузапрещенного Есенина... «Я последний поэт деревни», — рязанский пророк оказался прав, пусть даже родное его Константиново уцелело. А вот казачий хутор Ивашла (и еще около 70 других из одного только Зилаирского района Башкирии, откуда родом Валентин Сорокин) сгинул, растворился после Великой войны. Журавли потеряли ориентиры — вырублены леса, пропали болота — некуда им возвращаться. Да и не нужны они теперь — на всякую перелетную птаху «цивилизованный человек» смотрит сейчас взглядом даже не охотника — ветеринара... Но кто же угодней Богу — ни в чем не повинные птицы, или так называемый «царь природы», променявший доброту на жадность, мужественность на бесполость, красоту на «стильность», а честность выкорчевавший у себя из души с корнем?!..

* * *

Что есть поэт? Как должен жить писатель? И для чего человеку дано слово? — простые, повседневные вопросы, и, кажется, что ответы на них давно известны, но почему же че-

ловечество так заблудилось, сбилось с пути, устраивая жизнь на планете Земля? И почему народы, достигшие высот в искусствах, так быстро покидали «историческую сцену» — словно бы они выговаривали, выбалтывали главную тайну своей жизнестойкости?

*Вечер теплый, вечер снежный,
Вечер лунный и большой.
Как мне быть с такою нежной,
Непослушную душой.*

*То поёт она, то плачет,
То звенит во тьме густой.
По равнине тройкой скачет,
В небесах горит звездой.*

В московском метро взгляд мой упал на иллюстрированный журнал в руках немолодой, скромно одетой женщины. На фотографиях — свадьба в Кремле — дочь олигарха выходит замуж за сына бизнесмена. Четыре фургона подарков, загородный дом, квартира в два уровня в центре Москвы, друзья «скинулись» и купили дорогой автомобиль... Наверное, молодожены, задаренные роскошной недвижимостью, не менее счастливы, чем поэт, который написал такие стихи. Но богатый жених, увидев, что назойливые журналисты пытаются фотографировать свадебный кортеж, остановил машину и слегка «помял» оператора с телекамерой. А поэт богатство своей души нерасчетливо тратит на всех: состоятельных и бедных, святых и грешных, завистливых и щедрых.

Молодые, но уже не юные, жених и невеста вряд ли задумываются — по труду ли им почести. Как же, папы «заработали»... А я вспоминаю село Рассказово в Тамбовской области. Сельский клуб. В зале — местные жители, интеллигенция. Был литературный праздник, посвященный юбилею Сергеева-Ценского — писатель родом из этих мест. И как ни пытались люди принарядиться к торжеству, придать своим лицам соответствующий «вид», печать тяжелого, неизбывного труда лежала на них. И в этой, сильно прореженной войнами и рефор-

мами, местности основная тяжесть удержания государства покоилась на их плечах — надо было растить детей, содержать семьи, ходить на выборы и обеспечивать «явку», и просто составлять часть усталого, но всё ещё большого народа, который называется «русские». Но на этих, с рыночной точки зрения, мало удачливых людей можно было положиться в любой беде, в любом деле. А на тех, кто гуляет свадьбы в Кремле?! Нет, они не на что не годны — люди для сериалов, для глянцевого журналов. Бабочки-однодневки.

*Подайте саблю!.. Вот — рука моя:
Да здравствуют мятежные края,
От Красной Пресни до твердынь Китая!
Восстань ты, Русь, единая, святая,
И мы придем голодный люд утешить —
Прорабов перестройки в сейфах вешать
С банкирами, а из политбюро
Ловить просионистских проституток,
Кормить одной идеей десять суток
И кока-колой сполоснуть нутро!*

Русские терпеливые люди — не быдло. Быдло — поэтики и писателишки, завернувшиеся в простыни «мифа», спрятавшиеся в нишу «вне политики», пригревшиеся под рясами церковных иерархов (глядишь, и в рай въедешь!), разливающие сладкие моря «патриотического елеса» и ядовитые реки «либеральных свобод». Но — кто как живет, тот так и пишет, — говорит нам Валентин Сорокин. И я лично преклоняюсь перед его мужеством и отвагой — в самые суровые и безотрадные годы для России он не дипломатничал перед врагами, не кланялся державному вору, не прогибался перед «победителями», не искал приюта у сомнительных батюшек, а всегда воевал за истину, за то, что ему дорого в слове. Зачастую оставаясь почти в полном одиночестве. Ну и что же?!

*В миг, когда и я теряю силы,
Если рядом нету никого,*

*Я касаюсь мысленно могилы
Прадеда и деда моего.*

*Разве я не пил страданий чашу,
Завтра снова ей не пустовать, —
Кто-то должен за Россию нашу
Под прицелом недруга вставить.*

*Пахнет в мире порохом и кровью,
И не зря твержу я наизусть:
«Я клянусь терпением и любовью,
Вечным светом Родины клянусь!»*

*Травами клянусь и небесами,
Как бы доля не была горька,
И еще — огромными глазами
Той, что ждет меня издалека.*

* * *

Есть уникальный талант — слышать даже не слово, а его зов, и идти ему навстречу, может быть, даже пренебрегая гибелью. Как это непохоже на словосочетания «профессиональный литератор», «писательский труд» и т.п.! Зов слова — это такой же голос, который манит альпиниста на вершину, а первопроходца в неоткрытые земли. Он, наверное, обманчивый, этот зов. Но он добавляет столько красок в самую серую и беспросветную действительность! Этот зов похож на зов правды, совести. Но какое это имеет отношение к «литературоведению», «жанру» и «форме» произведения?!

Язык, слово — своего рода кровеносная система народа. А поэзия — «концентрат», сгусток энергии и смысла, может быть, главная составляющая этой крови.

У Валентина Сорокина есть книга очерков «Крест поэта», посвященная погибшим певцам русского слова. Отнятому на долгие годы у русского народа Есенину. Расстрелянным Павлу Васильеву и Борису Корнилову. Безвременно погибшим Николаю Рубцову и Вячеславу Богданову. Отдавшему лучшие годы жизни колымскому заточению Борису Ручьеву. И —

многим, многим другим — Павлу Шубину, Дмитрию Кедрину, Дмитрию Блыньскому, Николаю Анциферову... Национальные поэты умирали вместе со своим народом. А по кровеносной системе, внедряясь в сердце и мозг, плескалось чужое слово. Оно переставало способ жизни, систему восприятия, целеположение. Известный специалист в области квантовой генетики П. Гаряев доказал: слово имеет геномодицирующую роль. Чужое слово сродни наркотику. Мертвое, лишённое эмоциональности, оно — яд, разрушающий душу тоской бессмысленности. Расчетливое слово, построенное на продуманных образах, — информационное оружие, с помощью которого берут в плен народы и государства.

Перерождение слова — высшей генетической структуры — ведет к перерождению и вырождению народа. И только возвращение русского слова — в книгу, в газету, на радио, телеэкран может дать нам надежду на возрождение страны.

Изрядная доля марксизма и космополитизма, цинизма и бездумного оптимизма, влитая в жилы русского, да и других народов, безродной, лишённой почвы, еврейской интеллигенцией (самой «интеллектуальной» частью нашего общества), крайне пагубным образом сказалась на самосознании, самоощущении и жизнестойкости русского народа. Лев Гумилев по этому поводу высказался прямо: «Существует принципиальная некомплементарность отдельных суперэтносов между собой». И впрямь: русские перестают быть русскими, стремительно превращаясь в русскоязычный, рыхлый народ, готовый к любым манипуляциям, неспособный к защите исторических святынь и собственных детей. Русские перестают узнавать русских, радостно «угадывая» в Высоцком нового Есенина и принимая брэнчание Окуджавы за голос «совести нации». И напротив, чужеродной и раздражающей кажется ослабленному народу удаль Павла Васильева, основательность и четкость Василия Федорова, романтичность Владимира Луговского. Точно так же большого, угасающего человека раздражают здоровая бодрость и сила, энергия и красота. И, напротив, увечность, ущербность кажутся нормальными, «своими» качествами.

И вот уже русские девочки радостно изображают в обмен на известность «нетрадиционную любовь», а русские мальчики покорно суют голову в пивное ярмо, оплачивая своим здоровьем и временем новые олигархические утехы... Жертвы истории, «отработанный материал». А молоденькая журналистка, вчерашняя медалистка, студентка МГУ, собранная, нацеленная на успех, работу и карьеру, приносит заметку с молодежной художественной выставки: «У входа в один из залов нас встречали двухметрового роста шахидки с хлебом и солью на подносах. Это любопытно...».

Но разве эти дети виноваты?! Их папы и мамы — компьютеры и телевизоры, их дяди и тети — тусовки и дискотеки. Они живут вторичными эмоциями, произведенными гигантскими «фабриками грез». Они, может быть, даже и не подозревают, что совсем недавно у нас были другие девушки и юноши, другие радости и горести:

*Ах, любовь, багряная душа,
Солнышко над рощею заречной,
Знаю, оттого ты хороша,
Что всегда, как сонь, недолговечна.*

*Я печаль-кручину разобью,
В доме окна все поотворяю,
Если спросят, почему пою,
Я отвечу: — Милую теряю!..*

*Ливневую прозолоть волос,
Родинку под белым вздохом тканей,
Ту, что мне приметить довелось
В вихревом кружении свиданий.*

*Пусть она встречается с другим,
Я, пожалуй, с горя не повешусь.
Завтра вновь по далям дорогим
Над своим пророчеством потешусь.*

*Я пока не очень знаменит,
Верю свято в девичьи поруки,*

*Но не зря село моё звонит
В крутолунный колокол разлуки.*

*И в слепом сочувствии права,
Под горой, за омутною чашей
Старая и добрая сова
Молодость оплакивает нашу.*

Неужели «патлатые твари» победят красоту?!

* * *

«Его характеристики настолько резки и смелы, что порой даже страшно становится за автора. Как же сильно наболело у него на душе, как же обидно ему за свой народ, так безвольно отдавший себя в руки предателей!», — удивлялся Максим Замшев, главный редактор журнала «Российский колокол», рецензируя двухтомник публицистики Валентина Сорочкина («Обида и боль», «Отстаньте от нас!..»), где поэт достаточно много места уделил «патлатым тварям». Да, мужество поэта — поразительно. Мужество — фундамент доброты и честности, красоты и отваги. В слове. В жизни. В судьбе.

«Ну, русские, не стыдно ли нам терпеть грязь, изрыгаемую на нас чахоточными казнителями красоты русской?! Ну, русские, не холуями ли мы прослыть в мире надумали? Не рабами ли выгнули спины мы, потомки Евпатия Коловрата и Дмитрия Донского, мы, современники по веку Зои Космодемьянской и Александра Матросова, мы, чьи бескрайние равнины и холмы освещены серебристыми крестами и обелисками?! Мертвые не выдерживают — восстанут!»

Кричи не кричи, зови не зови — в ответ тишина. Ну, разве что баба какая в романе Валентина Распутина пальнёт в кавказца... Но пусть кавказцы торгуют нашей «марковкой», а татары строят мечети хоть на каждом московском углу — они не лезут в наши выставочные залы и в наше слово, они берегут своё, и пренебрежительно относятся к нам (наиболее умные — сочувственно), к русским, растерявшим своих мужчин, не сбежавших своих мудрецов, поэтов и воинов:

*Я верных жду, за мною нет погони:
Рабы вздохнуть свободно не хотят,
И потому расседланные кони
Без нас в туман погибельный летят!..*

На либеральной радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов вместе с коллегой женского пола обсуждает проблему: полмиллиона девушек вывезено за годы реформ из стран СНГ в мировые бордели. Венедиктов не верит в эти ужасы: «Какая-то жуткая цифра! Торговля людьми, дикость, быть этого не может!» Его собеседница пытается спорить: «Девушек обманывают, приглашают за рубеж в качестве горничных, официанток, воспитательниц, а там отбирают паспорта и принуждают к совсем иным занятиям». «Ну, я всё равно не верю. Пусть хоть один радиослушатель позвонит, которому известны такие случаи из своего ближайшего окружения».

Телефонный звонок. Мужской голос с кавказским акцентом рассказывает, что ему во множестве встречались такие девушки в Турции, но они, мол, местной полиции говорят, что жертвы обмана, а двинулись в данный «бизнес» добровольно... «Вот видите!» — ликует Венедиктов. Дело разрешилось просто и в рамках демократического выбора — порочные славянки сами устремились в бордели, ни власть тут ни при чём, ни мужчины, ни уж, тем более, либеральная пресса...

Трудно представить более омерзительный и оскорбительный «диалог», чем этот. О, нет сегодня ни в литературе, ни в политике, ни в науке, ни в культуре больше дефицита, чем русская мужественность, ставящая глумливых подонков на место!.. Нет мужчин — и самые красивые женщины вместе с нефтью, газом, золотом и алмазами отданы для удовлетворения сиюминутных потребностей похотливых тварей. Нет мужчин — и невинных русских детишек продают «на органы». Нет мужчин — и мы терпим наш спидоносный теле- и радиоэфир. Нет мужчин — и новых, увы, родить не от кого. И некому — деградация мужчин приводит к «омужичиванию» женщин — вся страна одета в турецко-китайские штаны, вся дер-

жава одинаково курит, матерится, а в дни коротких радостей отчаянно пляшет под залихватские песни Верки Сердючки...

Русский публицист Михаил Меньшиков в 1918-м году, незадолго до своей трагической гибели (расстрелян ЧК на глазах у своих детей), писал в дневниках: «Общая причина слабости и упадка народов — женственность, преобладание женских душ, трусость — социальная и нравственная». Имам Хомейни, лидер Иранской революции, высказывал сходные мысли в «Персидских письмах»: «Народ, численность которого падает ниже известного уровня, прозябает потом в том же положении, а если паче чаяния и возродится, то для этого нужны века». Наш современник, ученый Владимир Базарный, предупреждает: «Беда ожидает тот народ, ту цивилизацию, которая перестанет воспитывать мужество у своих мальчиков. В среде этого народа поселяется страх, парализуется воля, растет хаос в духовной сфере. Без мужчин — нет народа...»

Валентин Сорокин — и своим творчеством, и своим поведением, и своей судьбой утверждает не показную, а настоящую мужественность. Кто герои его поэм? Евпатий Коловрат, Дмитрий Донской, Емельян Пугачев, Степан Разин, Георгий Жуков, Игорь Курчатов. Кто герой его стихов? Человек самостоятельный, ищущий, думающий, собранный, целеустремленный, внимательно вглядывающийся в жизнь. Нет, его не надо «подпирать» сравнениями с великими и славословьями именитых критиков, он сам о себе всё скажет:

*Я славянин, и стать моя крепка,
И вижу мир я добрыми очами,
За мной летят сказанья сквозь века
И затихают рядом, за плечами.*

В 24 года написано! А многие ли из современных литераторов (ах, это информационное общество! ах, приобщенность к мировым колодцам знания!) могут похвастать такой уверенностью самоощущения, такой прочностью мировоззрения, такой убежденностью и мужественностью! А чувство исторического времени?! Будто и не было предыдущих веков!

Киев — наш. И Белая Русь — наша. И всё славянство — с нами!

Да, имея рядом такой образец для подражания, как-то по-другому видишь и жизнь, и её ценности, и, так сказать, «конечную остановку». На Минской международной книжной ярмарке один из поэтических вечеров проходил в магазине «Светоч». В толпе зрителей я услышала: «Русский тут один, — пожилой человек показал своему товарищу на Валентина Сорокина. — Его и со спины видно...».

Радоваться ли этому одиночеству?! Нет, грустить! К творчеству Николая Рубцова, чей 70-летний юбилей громко был отмечен, я отношусь уважительно, но спокойно. К трагической гибели его — сочувственно. К хору многочисленных хвалителей поэта — настороженно. Мол, народный поэт, столько музеев ему открыли, и не случайно своей судьбой он как бы предвосхитил судьбу русского народа... Точно — предвосхитил — баба задушила мужика. Все прилавки завалены книгами, написанными «авторами детективного жанра». Преимущественно женщинами, повествующими о маньяках, убийцах, садистах и удачливых, ироничных сыщиках... Допустим, за этих дам пишут «литературные рабы». Но «первые номера» либеральной прозы — Улицкая, Петрушевская, Токарева, Толстая — я уверена, творят сами. И совершенно неженский, непосильный для «слабого пола» роман «5/4 накануне тишины», опубликованный в журнале «Москва», Вера Галактионова, гордость современной русской литературы, тоже написала без мужского участия. И высота этого творения, честно скажу, для меня пугающа — и своей масштабностью, и мощностью разрушительной силы. Уверена: не упави в нашей жизни и в литературе мужская отвага ниже критического уровня, женщины создавали бы совсем иные произведения. Колыбельные песни, например...

* * *

Пил или не пил Есенин? Пил или не пил Рубцов? Гражданское поведение поэта — частность... В русской литературной среде пьянство считается за лихость, за невинную шалость. Более того, это наиболее проторенный путь в классики! Безалаберность жизни выдается за свободу, безответственность — за «творческое самовыражение». Норма существования — нищета, «острые ощущения» (иногда наркотические, чаще — алкогольные), желательны любовная беспорядочность и полная неустроенность быта, суицид или хотя бы его попытка... А высший подвиг поэта — смерть в безвестности под забором.

И мы не замечаем, что эту «программу» жизни русского творческого человека давным-давно навязывают и диктуют нам антирусские манипуляторы. Им выгодны «тихие поэты», «нищие поэты», а самое главное, мёртвые поэты! Но они никогда не признают человека не только талантливого, но и устойчивого, самостоятельного, национально грамотного и бесстрашного. В 1963 году Валентин Сорокин писал в стихотворении «Льву Троцкому»:

*Это ты, в революциях скорый,
Потерявший родительский кров,
В золоченые наши соборы
Лошадей загонял и коров.*

Никто ведь за язык не тянул! Была же конъюнктура — один-разъединственный несчастный народ, воспетый Евтушенко двумя годами раньше в «Бабьем Яре», причем же тут золоченые соборы и скорые революции?!

Любопытно, что «программу» для «своих» художников и поэтов хозяева современной информационной жизни рисуют совсем другую: блестящее образование и окружение, долгое, благополучное, обеспеченное существование (возможны, правда, гонения от власти или от режима), слава обильная и прижизненная, путешествия по странам и континентам (тот же Евтушенко — типичный образец «либеральной карьеры»). Но дело даже не в этом. Во-первых, русских стало слишком мало, чтобы позволять себе роскошь быть беспечными пьяными ду-

рачками, во-вторых, всегда, во все времена, кроме истины юродивых была истина народных вождей. А в-третьих, трава никогда не заменит дерево, хотя и без травы жить невозможно.

*Россия! Голову я поднял!
И слово выгранил, как меч.
Убереги меня сегодня,
Ведь завтра — некого беречь...*

Вот и Лев Гумилёв, читая современную ему литературу про «амбивалентных» рефлексирующих героев, холящих своё эго, говорил: люди даже не подозревают, что лет сорок-пятьдесят тому назад в чести были совсем другие качества — отвага, удаль, мужественность... Легко плыть по течению, оправдывая свою слабость обстоятельствами несчастной жизни (а у кого она счастливая?), легко не отвечать даже за себя (не говоря уж о других), легко быть невесомым опавшим листом, летящим по воле ветра. Трудно быть в жизни работником и защитником, опорой и надежей, кремнистым дубом, у корней которого так недалёковидно и увлеченно копаются крыловские свиньи: Сорокин де, не наш, отказывается сражаться на баррикадах недвижимости! Но еще 4 года назад, поэт, отвечая на вопрос журналиста: «Недавно был опубликован “Манифест” — призыв к объединению известных литераторов. Ваше отношение к этой идее?», заметил, что «что процесс объединения надо вести державной рукою, негрубо, но властно и красиво».

И далее: «Надо начинать не с этих похлебок недосоленных — какой-то “Манифест”, написанный со скрипом, нужный только лицам, его подписавшим. А если бы в этом манифесте было так: столько-то издательств отобрано, столько-то разрушено, столько-то домов творчества разворовано, столько-то продано. В чьих руках эта собственность? Надо сначала опубликовать список, кто где сидит, кто чем распоряжается и кто что ворует. А потом речь вести о манифесте. А то может быть так: воры объединятся, а нам будет еще хуже. Потому

что физиономия литолигарха очень часто похожа на физиономию Березовского.

Пророчество? А может быть, просто честность? «И полдень взлетит, голубея, / К зениту на крыльях тугих. / ...Нет, я не сильней, не слабее, / Я — только стыдливей других».

* * *

Высоту и величие эпохи мы будем измерять её вершинами. А что скажут о нашем времени?!.. Да и будет ли оно — время — после нас?!

В метро на стене вагона реклама: производители зубной пасты изменили внешний вид тюбика (теперь это не тюбик, а баночка). «Еще более удобно и красиво», — зазывают они покупателя. Вдумаемся: неужели человек должен был много лет учиться (высшее образование обязательно!), расти, думать, страдать, чтобы его профессиональной деятельностью стал дизайн тюбиков (кефирных флаконов, конфетных оберток, рекламных слоганов и т.п.)?! Неужели всё остальное человечество должно было проделать столь тяжелый исторический путь, чтобы оказаться перед тяжелым выбором: зубная паста в тюбике или в баночке? Баночка синего цвета или белого? Маленькая или большая?

Мне кажется, что именно «гуманитарная культура» (культура слова, духа, идеи) завела человечество в тупик, а не производители ядерных бомб, любознательные биологиклонисты и разработчики генетически-модифицированных кур. Любимая идея либералов превратить землю в большую обжираловку (две трети населения работают в сфере обслуживания) сделала ненужным дальнейшее существование человека мыслящего и любящего. Действительно, зачем мысли охраннику (у нас, наверное, нет ларька, где не было бы охраны), продавцу газет, гамбургеров, зубной пасты (и других модификаций тюбика), да и множества других современных профессий, где нет не только творчества (это еще куда ни шло, у солдата не посту тоже нет «творчества», зато есть сопричастность, долг, честь), но, по большому счету, и смысла?! Ведь не может же быть

смыслом обмен времени твоей жизни на некоторое количество денег, которые будут обменены на пустые, на 90% ненужные вещи и услуги? Трагедия в том, что труд — осмысленный, творческий — больше не нужен ни тем, кто правит Россией, ни тем, кто «рулит» Западной цивилизацией. И люди не нужны — если их будет меньше, другим будет только вольготней (писатель Геннадий Старостенко как-то заметил, что все мы, земляне, богатые и бедные, давно уже бомжи — живем на планете-свалке). И зачем тут какая-то «поэзия»?!. Кстати говоря, «успешность» литератора (по новобуржуазной мерке) ныне первый признак глубокой бесполезности создаваемой им продукции.

Наша современная культура — это постоянная рассредоточенность, отсутствие отбора, вседозволенность. Выросла новая генерация людей в условиях массовой культуры, где всё разрешено.

Слово моего поколения — иссякающий родник. При виде свежего ручья все мы приободряемся: радостно, есть таланты, не погибла Россия! Но всё это до времени. Все мы присутствуем при какой-то величайшей трагедии уничтожения человечества, тихой, невидимой, при схватке синтетических и настоящих начал (последние — невинно-бесхитростны), и, кажется, спасения нам не видать.

Перед молохом обесчувственной цивилизации живое, выстраданное слово кажется голосом кукушки в далеком летнем лесу. Кукушка пока еще щедро отсчитывает года, но в аду мегаполисов слышен только гул и sireны машин. И все мы — чуть-чуть машины, в любую минуту готовые оказаться на свалке истории, мы, утратившие ощущение времени, потерявшие чувство пространства, а зачастую, и родства. Вместо «призвания» мы говорим «карьера», вместо «известности» — «пиар», вместо «любви» — «отношения». Большинство современных произведений демонстрируют разруху души автора, и часто не делается даже попыток для ее собирания. И это не духовная лень, а начало паралича.

Но еще предвоенное поколение — наши сегодняшние старшие современники — отличала величайшая сосредото-

ченность, собранность и воля. И разве эти качества, помноженные на доброту и совестливость, не придавали слову настоящих писателей истинную религиозность (вне зависимости от официального атеизма)?!

В 1967 году Валентин Сорокин пишет стихотворение «Ты пришел»:

*Ты пришел из долин
Золотой,
                        как огонь,
                                Палестины,
Большелобый и добрый,
Наивный Христос:
«Все мы братья во чреве
И все перед смертью едины!»...
И тебя
                        с благодарностью мир
Над собой превознес.*

В этой балладе оказались удивительно пророческие для нашего времени строки:

*Дух нечистый везде
Одинаково ловок,
И тесня бедноту
У крамольной черты,
Он твоим же, господь,
Врачевательным, искренним словом
Затыкает несчастным
Голодные рты.*

О, разве количеством открытых храмов измеряется вера народа?! Разве мученически погибшая за родину комсомолка Зоя Космодемьянская — не святая? И многие ли из ныне усердно молящихся, кладущих поклоны, кающихся и лукаво исповедующихся, готовы повторить её подвиг? И почему же обворованные четырьмя созывами Федерального Собрания (и многими составами послеперестроечных правительств) старушки должны находить себе утешение только в долгих цер-

ковных службах?! Разве одним смирением и коленопреклоненной покорностью русский народ завоевал себе родину от моря до моря?! Неужели Союз писателей должен быть благо- стной богадельней, собранием юродивых, каликов перехожих, занятых ловлей меценатов?! Разве Бог послал нас в этот мир для нравственного и телесного самоуничтожения, а не для по- иска истины и справедливости?! Разве, в конце концов, самой нашей Церкви не нужен сильный и крепкий Мир?! И разве Церковь (армия, тюрьма) не равна, как правило, самому Ми- ру?! Писатель может и должен верить в Бога, но в этом жесто- ком мире не Церковь ему помощница, а он — ей. Никто нашу работу за нас не сделает. И, может быть, одно из самых боль- ших жизненных наказаний — не написать то, что должно, не успеть выразить себя, сдипломатничать, схитрить, разменять свой талант на жизненную мелочь.

В 1977 году Валентин Сорокин, коммунист и номенкла- турный работник (главный редактор издательства «Современ- ник»), опубликовал в одном из журналов драматическую по- эму «Дмитрий Донской». Это произведение — жемчужина в поэтической короне России, одно из совершенных эпических творений. Во времена обязательного и навязчивого атеизма в поэме перед читателем предстал Сергей Радонежский, благо- словляющий русского князя на битву:

*Благословляю, ты иди,
Вперед, а не назад гляди,
Иди, Мамаю победи:
С тобой сам Бог,
С тобой народ
Да не иссякнет русский род!
Не время жить, не время тешить
Себя враждой,
Нас будут вешать,
Нас будут жечь,
Нас будут сечь,
Себя сберечь — нас не сберечь!*

И что же? Тогда — грозили служебными и партийными репрессиями, а наиболее рьяные аппаратчики отслеживали походы поэта в Троице-Сергиеву Лавру — чтобы сильно к святым мощам не приближался. А теперь? Церковные иерархи наградили орденом Дмитрия Донского казнителя русского народа Бориса Ельцина.

Как говорится, Бог им судья...

* * *

В insultном отделении 1-й Градской больницы умирают нищие старики. В палатах и коридорах — на всех не хватает мест. Вновь прибывшие лежат даже на стульях — пока скорбная каталка «ногами вперед» не освободит больничную постель.

С этим можно смириться — смерть есть смерть. Но нужно ли смиряться с теми, кто сумел «устроиться» в нашем подлом времени за счет этих нищих, проработавших всю свою жизнь на иностранные спортклубы и гоночные яхты, на роскошные виллы и прочие атрибуты «красивой жизни» олигархов?!

В России в прошлом году полмиллиона человек умерли от кровоизлияний в мозг (инсульты), еще 600 тысяч — от ишемической болезни сердца. Академик Чазов говорит, что во всём виновата артериальная гипертония — сосуды не выдерживают нагрузки. Даже подростки стали мучиться давлением. Не удивительно: «Дети сидят у телевизоров и компьютеров...»

Прав ли академик? Прав. Но дети и взрослые, сидящие у телевизоров и компьютеров, едущие в метро и поглощающие информацию о «баночках с зубной пастой», читающие книги и газеты, слушающие радио, повествующее о порочных славянках, идущие по улице в окружении рекламных щитов, разве не соединены все они единой кровеносной системой — языком, словом? И разве не перерождение слова, омертвление его, вливание изрядной доли циничного, отравляющего яда в сосуды единого организма — народа — приводит к insultной и сердечной смерти многих и многих?! Нигде в мире нет подобного!

А ведь государству мы платим налоги, в том числе и для того, чтобы оно нас защищало от культурного мусора, от растлительной информации.

В России, как в зоне взрыва ядерного реактора, спасутся те, у кого есть очищающие «фильтры». В мире уцелеют те народы, у которых достаёт мужества и честности беречь сокровенные слова и смыслы родных языков. Но во имя чего нам дана жизнь? Во имя красоты, помноженной на доброту — то есть любви. Чувства, которому поэт Валентин Сорокин подарил, может быть, самые свои вдохновенные строки.

В творчестве большого поэта есть всё. Духовная жизнь, выраженная в слове, почти совершенна. Большие поэты — это сгусток, «концентрат» национальной энергии «здесь и сегодня». Пушкин пишет «Я помню чудное мгновенье...» и «Полтаву», «Сказку о попе и работнике его Балде» и «Бориса Годунова». Лермонтов: «Выхожу один я на дорогу...» и «Мцыри», «Герой нашего времени» и «Маскарад». Женщинам хватило бы у Есенина для чтения «Руки милой, пара лебедей...», а у него — «Анна Снегина», «Пугачёв», «Чёрный человек»... Слияние мощных эпических и лирических начал всегда было свойственно большим русским поэтам — эта особенность рождена великими русскими пространствами, которые нужно было охватить, соединить в слове.

Ещё молодым Валентин Сорокин писал, что «Поэт без поэмы — царь без короны». И дар его получил прекрасное воплощение в эпических произведениях: «Красный волгарь», «Обелиски», «Бессмертный маршал», «Евпатий Коловрат», «Золотая» и др. Он всегда ощущал себя воином, «правнуком Бояна», всегда знал о своём высоком предназначении:

*В звуках вешнего гуда
То ручьем, то птенцом —
Всё пророчит, что буду
Я бесстрашным певцом.*

А позднее, уже будучи седым, много пережившим поэтом, он напишет: «Мы воины отрядов неподвластных, / Мы

лжецарям обиды не простим: / И отомстим за матерей несчастных, / И за невест пленённых отомстим!»

И словно бы «уравновешивая» эту мужественность, смелость, отвагу, бесстрашие, лирические стихи Валентина Сорокина отличаются удивительной добротой, нежностью, щедростью, доверчивостью. Признания его потрясают своей искренностью:

*Я тебя так любил,
Я тебя так берёг,
Свет очей твоих пил,
Целовал твой порог.*

Все его книги — в любые времена — начинались лирическими циклами. И что за женщина, чудо-славянка, восходит с этих страниц! «Ты танцуешь — цветастая шаль. / Крылья птицы, движения птицы. / И во взоре горит, и струится, / И звенит украинская даль». И даже в ссоре, когда «не к месту кокетство твоё», поэт красив и благороден:

*...Ты перестала быть моей царицей,
Я запретил тебе повелевать.*

Валентин Сорокин всегда много работал, и книг, которые он написал (стихотворных, прозаических и публицистических) с лихвой хватило бы на 5-6 хороших поэтов. Щедрость дара!.. «Могучее восхождение Валентина Сорокина» назвал свой очерк Александр Байгушев, задавшись в нем вопросом: «Умеем ли мы по-настоящему оценить свое национальное достояние, своих корифеев?» И, вспоминая о конце 60-х, когда поэт появился на заседаниях «русского клуба», критик пишет: «Видно было, что такой стену прошибет головой, а молчать да на паперти милостыню просить не будет». Так и вышло...

Соединяя в своем творчестве доброту и мужественность, красоту и честность поэт восполняет дефицит этих качеств в современном мире. Повседневный духовный труд результат которого — слово, может быть, самый тяжелый из всех возможных... Книгу «Крест поэта», где собраны очень глубокие,

зрелые размышления о настоящем и будущем России, Валентин Сорокин посвятил Сергею Есенину. Удивительны слова посвящения: «Сергей Есенин — воюющий поэт! Он стоит на рубежах великой русской культуры. Через его слово не проползет ни один нарушитель, ни один предатель. Трепетным светом он обнажит и покажет их лживое обличие своему народу».

Эти слова можно отнести и к самому Валентину Сорокину. Он — воюющий поэт, и слово его — светлое. Врачующее, лечащее душу, возвышающее человека. Слово его — одна из тех тайн, которая всегда будет давать нам надежду: ни одна наша «концепция», ни одна интеллектуальная «постройка» никогда не сможет объяснить чудо рождения истинной поэзии. И если русский народ соберется, сосредоточится, вернет былую мужественность новым поколениям своих защитников, то слово Валентина Сорокина будет словом поэта-победителя... Да будет так!

*Зелены холмы и перелески,
Только глянешь — и душа поет.
И опять, торжественное, в блеске,
Солнце златокрылое встает.*

*От жары березы приустиали,
Но трава от жажды не сгорит:
Дождь прошел и свежими устами
Родина со мною говорит.*

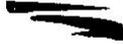
*На струне трепещет жаворонок,
Околдован серебристой тьмой,
Ну а я примолкнул, как ребёнок,
Перед Богородицей самой.*

*За мои страданья и крушенья,
За невзгоды русские дорог
Будет мне забота и прощенье,
Будет мне свобода от тревог.*

*И не раз под ливневые струи,
Чтобы закружилась голова,
Будет мне любовь и поцелуи
И неповторимые слова.*

*Все мы, все мы под ладонью Бога
До могилы вечной, а пока
В новый день звенит моя дорога
И летят над нею облака!..*

май 2006 года

ИСТОРИЯ НИЧЕМУ НЕ УЧИТ

«Всё воспитание тела и мозга как раз и имеет целью привить людям любовь к их неизбежной социальной судьбе».

Олдос Хаксли, «О дивный новый мир».

Современная культура — зона повышенной опасности. Об этом думалось в новогоднюю ночь (страна встречала 2006-й), когда на «дорогих россиян» в очередной раз рухнул водопад пошлости, похабства и непотребства. Ничего не изменилось на ТВ со времен правления незабвенного Бориса Николаича — те же «юмористы», те же шутки «ниже пояса», те же лица «певцов» и «певиц», похожие на мертвые маски. Пожалуй, «развлекательные программы» стали даже более разнузданными, а их создатели окончательно убедились в своей безнаказанности. Телевидение огромной страны превращено в тесный междусобойчик, в «Россию-2», живущую по понятиям — «всё для своих». В новогоднюю теленочь вдруг с тоской вспомнилась реклама — как бы ни была она назойлива, а всё же она разбавляла этот вал пошлости и скудоумия...

Конечно, телевизор — всего лишь «кривое зеркало» современной культуры и современной России. Это утешение обычно приходит в голову, когда мы размышляем о духовной жизни общества. Но не обманываем ли мы себя ложными надеждами? Ни другой жизни, ни другого времени, ни другой страны, ни другого телевидения у нас уже не будет. «Дайте свободу, суки!» — «поет» в праздничные дни с экрана Филипп Киркоров. Блатная лексика, кривляние (а часто и глумление), пошлость, цинизм, распущенность — такова наша повседневная среда обитания. Все мы это видим каждый день (в выходные и праздничные дни в удвоенном объеме). Видим и терпим: журналисты, деятели культуры, депутаты, митрополиты, сена-

торы, члены правительства, мэры и префекты... Значит, по большому счету, всех сложившая ситуация устраивает.

* * *

За годы «реформ» в России выведена совершенно новая порода «деятелей культуры» — без стыда, совести, вероисповедания, национальности, а иногда и пола. Эту новую генерацию беспрестанно нам демонстрирует телевидение, «артистам» же рукоплещет зал — сытые, хорошо одетые люди со счастливыми, смеющимися лицами.

Казалось бы, разве может сравниться власть подлинного искусства с властью попсы? Оказывается, может. Власть искусства благородна, возвышенна, возвышающа, а власть попсы — агрессивна, нахальна и нахраписта. Но «массы» зачастую добровольно лезут в ярмо попсы, предпочитая его власти искусства.

Эти же самые «массы» завзятая либералка-телеведущая презрительно называет «биомассами». Обидно? А может быть, справедливо?

Развитие массовых искусств есть процесс создания искусственных, виртуальных переживаний для тех, кто не хочет духовно трудиться.

Нынешняя «культурная расслабленность» формирует человека, лишённого прошлого (оно периодически обгаживается средствами того же телевидения), а, следовательно, и будущего. Чем хорош Михаил Швыдкой, так это своей бесстыдной откровенностью: «Мы живем, в стране, скажем так, транзитной. Мы переходим от одной формации к какой-то другой...» К какой же?

Владислав Иноземцев, доктор экономических наук, научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, пишет: «Во многих регионах европейцы [в ходе колонизации] почти полностью истребили местные племена. Именно там, кстати, «цивилизационный проект» достиг наибольших успехов. США, Канада, Австралия, Новая Зеландия — наиболее «европейские» из бывших колоний. Но только

потому, что все они заселены европейцами. Потому, что от местной культуры ничего не осталось, кроме декоративных резерваций. Там же, где колонизация столкнулась с сильной местной культурой и не смогла ее перебороть — Азия, Южная и Центральная Америка, Мексика... — там сейчас не самая хорошая ситуация. Но гораздо плачевнее она, конечно, в Африке».

А теперь он же о будущем России: «Россия же, если присоединится к Евросоюзу, получит доступ к современному производству, которое потянется в сторону Урала, и полное отсутствие таможенных барьеров для поставок собственной продукции в Европу. Конечно, при этом умрет наше убогое автомобилестроение или производство бытовой техники. Наши дети станут европейцами. Это не самый плохой вариант. Возможно, единственный...»

* * *

А может, наши дети станут китайцами? Субботний вечер. ТВ-программа «Время». Краткое сообщение диктора — Китай собирается ограничивать рождаемость, стабилизировать население на 1 млрд. 300 млн. Потом длинный сюжет (благожелательный) о том, что китайцы решили беречь собственные обычаи, бороться против низкопоклонства перед Западом. Поэтому возрождается традиция празднования середины осени, праздник Зайца. Телезрителям показывают дедушку, который лепит сувенирных зверюшек из глины; демонстрируют симпатичных пионеров, серьезных взрослых, поющих «Интернационал». Везде чистота, люди хорошо одеты (всё это невольно наводит на мысль, что сохранение традиций отнюдь не приведет к сокращению рождаемости — Китай будет расти).

Следующий сюжет, он длится ровно одну минуту (!), о праздновании Куликовской битвы. Невнятный текст, смутная картинка — в кадре мелькнули участники военно-исторических клубов.

И, наконец, венчает всё дело — 5-минутный, наверное, рассказ про домашних собак в Москве — четвероногим дела-

ют маникюр, их стригут, наряжают, балуют и пр. Всё подано очень умирительно и с большой любовью.

Итак, у китайцев — дети, у россиян — собачки. У китайцев — праздники и возрождение народных традиций, у русских — полуподпольные сходки на поле Куликовом.

Что это? Глупость? Зомбирование? Работа с подсознанием? Но в любом случае поражает бесстыдство и уверенность в абсолютной безнаказанности наших телевожаков. Допустим, это элементарный непрофессионализм. Но кому-то же он выгоден!

Трудно представить на сцене Большого театра кривоногую балерину — у высокого искусства высокие требования. «Группа» нашего Центрального телевидения по числу сотрудников вполне сопоставима с главным театром страны, но увидеть на телеэкране в качестве «солиста» эстетически безобразного человека (Сванидзе) — не проблема, а услышать в эфире картавых или шепелявых ведущих — это сплошь и рядом. Постоянное пребывание в такой среде нивелирует вкус, снижает уровень восприятия. Поэтому трансляция на всю страну безобразия, непотребства и глупости становится уже не злым умыслом или чьими-то кознями, а обычной, рутинной работой. Так «работают» раковые клетки — на «благо» человеку и человечеству.

* * *

Иногда создается впечатление, что современная российская культура — инструмент принудительного уничтожения духовной жизни. Никакой романтики — сразу к делу. А в центре устремлений — только материальное, денежное и пр. Зачем на радио «Культура» в каждый выпуск новостей (т.е. много-много раз за день), объявляют курсы валют?! Допустим, это привычное обезьянничание космополитов. Но, скорее всего, идет целенаправленное и продуманное зомбирование «интеллигентного населения» (кто же ещё слушает «Культуру»?!): всё имеет цену, бытие определяет сознание.

Массовое искусство было рождено когда-то не заботой «о народе» (дать в условиях роста населения быстро и много «духовной пищи», чтобы насытить города и веси), а стремлением заполучить побыстрее прибыль. Это был чисто коммерческий проект. И с того времени целые нации послушно расплачиваются убиенными душами своих граждан за «стеклянные бусы» культколонизаторов.

В свое время много шума было вокруг книги Дмитрия Нестерова «Скинхеды». Шум этот создавался, по-видимому, из нескольких точек: издатели хотели заработать на скандальной теме, «правозащитники» обнаружили «объект» для очередных воплей (наших бьют!), лжепатриоты пропагандировали это произведение как образец возрождения «национального духа».

Книга, крайне слабая художественно, безусловно, представляет большой социологический интерес. Каждый писатель — ядро «кометы», выразитель в концентрированном виде настроений той или иной общественной группы, «шлейфа», «хвоста» мнений (даже если он сам этого и не осознает, а напирает на индивидуализм и вселенское одиночество). Молодой литератор вольно или невольно говорит не только от своего имени, но и, отчасти, от имени своей социальной среды и своего поколения.

По прочтении «Скинхедов» остается такое тусклое и безбрежное чувство безысходности, которое всегда вызывается погружением в чужой убогий внутренний мир. Жизнь — без красок, похожая на «Квадрат» Малевича (притом, что скинхеды, естественно, не жалуют и этого художника, и его творения). Какие нравственно обворованные люди! Нет, это не «отморозки», они «идейные», но во всем этом так мало человеческого!

Образ жизни — с вечным пивом «Клинским» — полностью сформирован «жидовским ТВ» (выражение скинов), режимом, против которого они «борются». Общациональные типы-идеалы истреблены, и чего же удивляться, если на смену «человеку с ружьем» пришел «пацан с бутылкой»! «Новые

идеи», естественно, движутся к нам с Запада — книги, кино, музыка, мода. Даже идеология скинхедов занесена оттуда.

Беззащитные, лишенные информационных фильтров, мы обречены стать заштатной мировой помойкой. «Сверху», с помощью телевидения, тем временем активно расшатывают эстетические нормы. Характерный пример — внедрение на эстраду чернокожих. Пьер Нарцисс самовлюбленно распевает: «Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец»... В кинофильме «Цирк» советские люди усыновляют симпатичного негритёнка, и это не вызывает никакого нравственного протеста, напротив, кто же будет спорить, что «все люди — братья»?! Но поселять в свой дом «ласковых мерзавцев» как-то не хочется, несмотря на прессинг официальной «толерантности». И девиантный Борис Моисеев с печатью полового «страдания» на лице у нормальных людей вызывает не сочувствие, а омерзение.

Меж тем, Китай сопротивляется окультуриванию «поглобалистски». Отгораживаются даже Дагестан с Чечней — по-своему, разумеется.

Спротивляются (как они считают) и скинхеды. И действительно, в книге Дмитрия Нестерова есть некая энергетика, но, во-первых, она не высока, а во-вторых, это энергия «выдохшейся водки» (или пива «Клинское»). Молодые люди отравлены «культурой» новой России. «Цивилизационный проект» — в действии...

* * *

Невростроенность ума, здравого смысла и совести — вот суть современной российской культурной политики. А вместо этого — суэта по проеданию денег, много шума из ничего, шутовство, паразитирование на прошлом.

Еще один нерушимый принцип нашей современной культурной политики — обезьянничание. У публициста Юрия Баранова есть мысль о том, что Россия не была центром мира для её реформаторов. То же в современной культурной политике — мы должны, задрав штаны, бежать за капиталистическими первопроходцами.

Обезьянничание сводится к заимствованию у сильных мира сего различных телешоу, реалити-шоу, ток-шоу. Но главное заимствование — идея, что всё на этом свете продается. Экранно-денежная суэта маскирует полное отсутствие души у нашей «элиты» (элита — это те, кто всё время сидит в ящике или руководит ящиками и финпотоками, а все остальные — мусор, навоз, быдло, биомасса). Поэтому только глубоко больной или полностью несмышлёный человек может посвящать свое время телевидению; только нечеловек (биоробот) может быть руководителем этих «каналов», «шоу», «кривых зеркал» и прочей ядерной облучаловки.

Заправилы сегодняшней российской культурой не только атеисты и безбожники, но они как-то убого лишены того, что и называется культурой — голоса вечности, вселенной.

* * *

На радио «Культура» — либеральные посиделки. Общаются Тимур Кибиров и Ирина Прохорова, главный редактор журнала «Новое литературное обозрение». Обсуждают «экспортный вариант» нашей культурной политики.

Прохорова: «Ой, не надо этой экзотики — кокошники, загадочная русская душа. Давно пора вписаться в мировой культурный процесс. И мы вписались».

Но разве для народов это было главной задачей — «вписаться»?! Культура — это всегда оберег, тайное знание, понятное только своим. Но мы «вписались», и демонстрируем фекалии в баночках (перфформанс) и в книжках (ах, наши передовые писатели!) — по всему миру.

Главный порок космополитов — они не умеют любить. В лучшем случае только возжелеть, потреблять. А любить — нет... От того мы никогда не поймем друг друга.

Центральная задача «рулевых» бесстыдного мирового культуропроцесса — родить у людей невыносимое отвращение к жизни. Это делается средствами искусства. Конечная цель — насильное привитие безобразного и слом жизнестойкости у нормальных людей.

Человек естественный связан с землей и родиной, космополит — порождение «голой», фарисейской идеи, и у него уже нет «ничего святого», а биоробот — дитя техносферы, и его боги — выгода и целесообразность. Какая может быть природа на асфальтах мегаполисов?! В лучшем случае цветы в горшках и деревца в кадках. Какие могут быть идеи в обществе потребления? Только комфорт, досуг и «удобства».

Отравление природы — отравление жизни — отравление чувства — уничтожение ощущения «вечного» в человеке. И никакого «нравственного закона»!

Техносфера воспроизводит техносферу, а природа — природу. С развитием человеческой истории возникло христианство — учение о том, как в новых условиях остаться человеком и не разрушить союз с природой, отвечая на «вызовы времени». В основе религии космополитов лежит отрицание Христа и хищническое отношение к человеку. А у биороботов уже нет ни религии (обряды могут сохраниться), ни идеологии. Есть только «руководства к действию» и «технологии».

Эпоха техносферы — время ликвидации и самоликвидация человека природного, на смену которому приходит человек искусственный, «на шунтах» — женщины с силиконовой грудью, мужчины с синтетическими «возможностями». Современная культура — действенное оружие по «перековке» масс.

В вагонах метро, на улицах можно увидеть рекламу нового образа жизни. «Биомассе» — пиво, среднему классу — фитнес и здоровье. И вот уже люди настойчиво крутят педали и таскают «железо» в тренажерных залах, холят тело и находятся в радостном заблуждении, что эти усилия позволят им не постареть. Госка по синтетическому бессмертию! Но с фитнесом или без, а жизнь земной оболочки всё равно закончится смертью. И если в человеке происходит убийство внутреннего механизма жизни, то никакое взбадривание тела не поможет. Биороботы — это мёртвые движущиеся тела с остатками души и задушевности.

Живые (чувственно), духовно уцелевшие в среде биороботов люди, всегда будут тосковать по любви и эмоции. Все остальные — по суррогату искусства и жизни...

* * *

Перековка людей в биороботов происходила в России более трагически, чем на Западе, потому что шла одновременно с ограблением страны.

Любопытно, что чем быстрее создавалось общество потребления, тем плачевнее мы видим духовный результат. Например, Голландия (родина первой буржуазной революции!) ныне страна совершенно «конченная» — с регистрацией «голубых» браков, с эвтаназией, с легализацией лёгких наркотиков. Типичный джентльменский набор цивилизации биороботов.

Почему же «полное материальное счастье» так убого даже в государственном масштабе? Норвегия — на первом месте в мире по уровню жизни. Социальное государство, где всё по справедливости — Ирак они не терроризируют, торгуют нефтью и крашеной сёмгой. Произвели на свет популярного писателя Эрленда Лу — переведен в 27 странах. Его роман «Наивно. Супер» — типичные записки инфантильного ребенка с задержкой психического развития: «У меня есть два друга. Хороший и плохой. А ещё у меня есть брат... Мой брат, может быть, не такой симпатичный, как я, но, в общем, нормальный. Сейчас, пока он в отъезде, я занимаю его квартиру. Квартира отличная. Мой брат — денежный человек. Бог его знает, чем он там занимается. Я как-то не очень этим интересовался. Не то покупает что-то, не то продает. А сейчас уехал по своим делам. Он говорил мне куда едет. И я даже записал. Кажется, это в Африке».

И в таком духе — 250 страниц.

«Уважай бедность мысли», — говорил Хармс. Даже у бывшего скинхеда Дмитрия Нестерова язык красочней, а смысла в его писаниях несравненно больше, чем у элитарного Лу.

Неужели это и есть культура «цивилизованного человечества»?! Культура «сэконд хэнда», свалки и стильного бутика.

Зайдем на любой московский рынок. Среди множества вещей и вещичек (их — горы!) весьма трудно обнаружить нечто стоящее (а ведь был затрачен труд и время человека, крутились станки, машины, тратилась энергия, материал — ткань, фурнитура, нитки и пр.). Так и среди изобилия современного культурного продукта (откроем «Досуг в Москве» или включим телевизор, радио — тьма каналов, туча станций) невыносимо трудно обнаружить что-то действительно нужное человеку. О нём здесь думают в последнюю очередь. Главное — рейтинг, брэнд, продажа, котировка, медийность, на худой конец, самовыражение.

И в условиях бессмысленной жизни и бессмысленного труда происходит гигантская девальвация — культуры, продукта, человека, его жизни. Философ Фёдор Гиренок пишет, что на смену глиняной основательной кружке пришел безликий пластиковый стаканчик. Общей тенденцией в современной культуре стало снижение требовательности к художнику и к его произведению (в обществе потребления — все одноразовое, в том числе и искусство). Кажется, что такая девальвация — ценностей, идеологии, нравственности делает жизнь человека более удобной и простой. Но за счет чего и за счет кого? Социальная пирамида и в обществе биороботов никуда не исчезает. Становится ли эта эксплуатация более мягкой? Телесно — да. А духовно? Или душа у биороботов — роскошь, избыточность? И не платим ли мы вечностью за сиюминутное удобство?

В эпоху девальвации у человека остается выбор: между зубной пастой в баночке и зубной пастой в тюбике. Неужто иная, более высокая, цель может быть обозначена только государственной религией или государством-диктатором?!

* * *

СССР, какие бы «перекосы» мы в нем теперь не обнаруживали, всё же был попыткой противостояния потребитель-

ской цивилизации биороботов. И крушение Союза было неизбежно не по политическим причинам, а по природным. Сама изменившаяся общемировая природа человека, особенно человека европейского и западного (а советский человек был человеком западным), была неспособна больше к высокому постоянному «идеальному» (трудовому) напряжению. Природа требовала крушения. Об этом хорошо сказано в романе В. Вересаева «Сестры»: «Нельзя все время жить на носочках». И крушение — пришло.

Слово — дар Божий. Слово — главный инструмент культуры. Слово — универсальное средство воздействия на человека. Расщепление Слова и Чувства привело к девальвации католицизма и зарождению цивилизации биороботов. Космополиты рассчитывали, что физическое отлучение Слова от Чувства в СССР (принудительный атеизм) вызовет такой же эффект.

Но на место чувства (веры) пришло государство с идеей Царства Божьего на земле. «Информационная ситуация» вроде бы контролировалась, и временами достаточно жестко, слово, казалось бы, держали в узде. Но это была видимость: в эпоху СССР была накоплена гигантская масса лживого слова (все эти собрания сочинений классиков марксизма-ленинизма и партдеятелей, конъюнктурная писанина доморощенных космополитов, холопская литература трусливых русских людей, избыточные переводы с языков народов СССР и т.п. и т.д.). Весь массив лживого и мертвого слова, который возник при советской власти, в конце концов и погубил страну — во времена *perestroiki* (презагрузки) люди уже были не способны отличать правду от лжи, добро от зла. Еще Михаил Меньшиков в «Письмах к русской нации» предупреждал, что когда люди не отвечают за слова, государство гибнет.

* * *

Чистая вода, драгоценные камни, прозрачный воздух, плодородная почва, живое слово — всё это Божьи дары. Но кладовые земли ограблены, воздух и вода отравлены, почва

истощена. Почему же мы думаем, что живое слово не истощается, не имеет пределов?! Слова кончаются! Словно есть какой-то источник, резервуар. Заканчиваются и образы (художники пользуются коллажом и монтажом из произведений предшественников). Самобытные образы уже вычерпаны кино, литературой, документалистикой. Время человеческой жизни ускорилось — в обмен на обмельчание чувства.

Правда, юные поколения, которые только приходят в жизнь, считают и чувствуют по-другому. Миша Калинин, 17-летний школьник из Череповецкого района Вологодской области пишет: «Гибнут святые в огне, / Рушатся храмы, / Хором кричат о войне / Телепрограммы... / Топчут рвачей сапоги / Историю тщетно: / Знаю, всему вопреки, / Слово бессмертно».

Но так ли это? Слово, как и многие продукты питания, стало с изрядной долей «химии», без этих добавок оно уже неконкурентоспособно. У Сергея Есенина есть стихотворение о том, как жеребенок соревнуется с поездом: «Милый, милый, смешной дуралей, / Ну куда он, куда он гонится? / Неужели он не знает, что живых коней / Победила стальная конница?» Теперь уже можно с определенностью сказать: жеребят не осталось, вместо них «тойоты». То же и в слове. Всё «исконное» проиграло «прогрессу», и техногенное слово активно пожирает западную цивилизацию (и нас заодно). Нарушился сам процесс рождения слова, оно уже не может быть таким же чистым, как прежде. Так же как и здоровые (без допинга!), сильные, красивые и убежденные люди — воспринимаются большинством как аномалия.

Слово теперь поставлено на промышленную основу. Раньше искусство и чувство были слиянны, сейчас возможно производство «культурного продукта» только головой или только мастерством (на автомате, без участия головы). На примере искусства слова это выглядит так: литература для «элиты» (способной на минимальные рассуждения) и литература — «высокая мода» (для кучки профессионалов). «Массы» питаются штампованным культпродуктом, а уцелевшие индивидуумы поглощены собственной работой. Работой, зачастую,

по производству массового продукта — пищи или книг. Услуги или кино.

Остается только удивляться: неужели люди не чувствуют эту мощь синтетического слова, его «холодность», его внедренное отравляющее действие?! В конце концов, апокалипсические настроения у людей в разное время человеческой истории были связаны с ощущением умирания человека в человеке. Сейчас это чувство родится от умирания человека и природы.

Но человек природный будет умирать, сходить с земли, а человек техногенный останется... Когда-то на смену деревенскому жителю пришел городской, теперь — обитатель мегаполиса. Мегаполисы — гигантские насосы, который выкачивают силы из природы. Нет, ничего удивительного в клонированных людях не будет. Человек чувствующий (национальный, территориальный) сойдет, ему на смену явится человек бесчувственный (с «запчастями» из металла и пластмассы, новых материалов), но разве это трагедия для полимерных существ, продолжателей асфальта и бетона?!

Возможен ли выход? Наверное, процесс нельзя остановить, его можно только затормозить. Или отвернуть немного в сторону. Жесткий контроль над производством промышленного слова может стать (до времени) некоторым подобием «железного занавеса», который оградит души людей от машинного омертвления. Но, похоже, будущее всё равно за биороботами. Железный занавес всё равно будет прорван, и в огне мировой войны погибнут все земляне. Наступит тишина, а после миллионов лет катаклизмов и неспешной природной работы запоют птицы, зашумят водопады, затрепещут листьями деревья. Только человека в этом раю не будет. До той поры, пока новые Адам и Ева не сойдут из летающей тарелки на землю, чтобы в своих провидческих снах грезить былым...

История ничему не учит. История может только рассказать, какими мы были тогда. В другие времена.

2005 – 2007

ПИСАТЕЛЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

В век информационных технологий, мгновенных сообщений, электронных писем хорошая книга порой добирается до читателей десятилетиями — так много вокруг «культурного мусора». В 1997 году в Магнитогорске был издан роман Владилена Машковцева «Время красного дракона». Книга прошла мимо внимания критиков и премиальных дискуссий. А жаль: роман того стоит. В уральском соцгороде то и дело возникают трагикомические ситуации, и красному террору, репрессиям здесь противостоит колдовство, нечистая сила да русская удаль. Машковцев — продолжатель старинного казачьего рода, родился он в 1929 году в станице Звериноголовской, что в Курганской области, и время его детства совпало с периодом, когда «красный дракон» революции пожирал своих детей, а заодно и «социально-опасные» элементы. Писатель, на чей памяти произошла еще одна революция, теперь уже буржуазная (1991-1993 гг.), к подобным формам социального переустройства относится негативно. Жалеет он голубоглазую Фросю, погибшую в чекистских застенках, её деда, казака Меркульева, расстрелянного за хранение пулемета, уцелевшего с Гражданской войны, шахтёра Григория Коровина, арестованного за мнимое вредительство. А бомжеватого Ленина, выгнанного из Кремля, и скитающегося по стране под видом двойника вождя, Машковцеву не жаль — сам виноват, думать надо было, когда раздувал мировой пожар в Отечестве.

Чувствуется в уральском писателе мощь, сила, яркий талант. Но разве певец босячества, а после — основатель метода социалистического реализма Максим Горький — меньший талант?! Принимал участие в революционной пропаганде, был арестован, написал роман «Мать», примкнул к большевикам, восторженно встретил Февральскую революцию, ужасался деяниям Октября (в чем, впрочем, вскоре раскаялся), писал о

строительства Беломорканала... Гигантская фигура, и вместе с духовными колебаниями Горького «колебалась» и человеческая масса читателей, вдохновлённая «Песней о Буревестнике».

Горький — человек действия. Это консерваторы и либералы склонны к теоретизированию, а революционеры работают практически. Народники шли в крестьянство, эсеры стреляли в царских чиновников, большевики агитировали пролетариат, диссиденты занимались самиздатом, лимоновцы бросались помидорами и майонезом. Вот и Горький в молодости вместе с народником М. Ромасем в селе Красновидово поднимал на борьбу с царизмом рабочих и крестьян. Ошибка молодости? Или прирождённое чувство справедливости?!

Что интересно, революционеры в России всегда побеждали. Декабристы, хоть и были повешены, всё же разбудили Герцена, и стали при советской власти одними из «образцов для подражания». Гонимых при жизни Радищева и Чернышевского со временем стали повсеместно преподавать в школе. Вернулись — кто бы мог подумать — и диссидентствующие Бродский с Солженицыным.

«Чистого искусства» в России вообще было мало — ну, Фет, ну, Тютчев. (Из советских времен — Николай Рубцов.) Тургенев начинал с антиправительственных «Записок охотника». А Некрасов? «Буря бы грянула, что ли, / Чаша с краями полна!» А ранний Пушкин? А Лермонтов? «Настанет год, / России чёрный год, / Когда царей корона упадет...» Достоевский тоже не был паинькой в молодости (а Варлам Шаламов сидел за троцкизм), Лев Толстой мучился идеей ненасилия, а уж какой он был революционер по церковной части!.. Шолохов, работавший в ЧК, революционер или «слепой исполнитель»? А Есенин? Блок? Маяковский? Фадеев?

Ныне в обществе к революционерам и революционности относятся, скажем так, смущённо. Детям в школах внушают, что Пушкин был певцом гармонии, к самодержавию относился без претензий; Достоевского разбирают в дилемме «тварь я дрожащая или право имею?» (и всё время получается, что никакого права у простых смертных нет — современная Россия

тому подтверждение); у Горького особо выделяют пьесу «На дне» (а вот как люди оказались «на донышке» жизни — это «их проблемы», потому на смену чернухе 90-х пришла нахальная и весёлая глянцево́сть). В прошлом остались революционер Рахметов, пытливый рабочий Павел Власов, беззаветный идеалист Павка Корчагин, романтики-молодогвардейцы. Но где же сегодня герои, готовые умереть или пойти в тюрьму за нечто большее, чем некая сумма денег?

* * *

В дни государственной лжи о Ельцине (после смерти Гаранта), как-то особенно не хватало лимоновцев — с майонезом и помидорами. Представим, что этих новых революционеров (оставим пока в стороне фигуру вождя) в нашей жизни нет. Какой пресной и обыденной показалась бы низовая повседневность, новая социальная система, та, где бедствуют пенсионеры, прозябают малоимущие, жируют чиновники и богачи!..

«...Современного человека приучили к тому, что ему всё нельзя, что он должен только работать как дурной всю жизнь и потом, не бунтуя, умереть», — говорит устами своего главного героя писатель Захар Прилепин в романе «Санькя». Как же выход? «Нужно взбунтоваться. Нужно придумать, вычислить для нас, для нашей группы, для тех людей, кого мы считаем своими, другую модель жизни и навязать её».

Роман — наглядное подтверждение тезиса, что настоящее творчество всегда передается «из рук в руки», от мастера к ученику, к подмастерью. Автор художественно иллюстрирует (весьма бережно) политические воззрения Эдуарда Лимонова, кое в чем их смягчая. Прилепин, будучи нацболом, пишет о пережитом, роман — не выдувание из головы, а то, что называется выстраданным. Местами, впрочем, история революционера Саньки изложена торопливо, «вскачь», а образ его бывает весьма непригляден и мелок, и всё же — это честная литература, о которой автор может сказать: «Моё!» Описаны в романе и деяния новых революционеров — метание помидо-

ров в министров, погром на московских улицах, захват зданий администраций в тридцати провинциальных городах.

В «Саньке» легко угадывается идейный вдохновитель бунтарей — он выведен под именем Костенко. В Лефортовской тюрьме вождь нацболов написал книгу лекций «Другая Россия». Письмо Лимонова — энергично, наступательно, художественно убедительно, а для молодого человека, часто одностороннего в оценках, это не книга, а ядерный заряд.

«Другая Россия» начинается с живописания образа тех, за кого революционеры жертвуют жизнью: «Твой отец инженер или работяга — злой, худой, неудачливый, время от времени надирается. А то и вовсе, никакого папочки в семье, мать — в облезлой шубейке. Глаза вечно на мокром месте, истеричная, измученная, говорит голосом, в котором звучат все ахи и охи мира... Семья, сучий потрох, гнойный аппендицит, группа тел, сжавшихся воедино во взаимном объятии страха».

Но стоит ли жертв это «быдло», пребывающее в затхлом мирке? Оценит ли «гнилой аппендицит» героизм революционера? И если «группа тел» счастлива настоящим, то значит, что революционеры совершают подвиг «для себя», теща свою гордыню?! Лимонов учит: «На улицы следует выходить не с плакатами «Фабрики — рабочим!» «Землю — крестьянам!», а с плакатами «Сексуальную комфортность — всем гражданам!» «Да здравствует промискуитет!». И далее: «Семья дает одного партнёра, коммуна дает многих. Революция 1917 года не решила эту проблему. Надо... поощрять все виды сексуальных союзов».

Писатель Прилепин хоть и с почтением относится к вождю, эту часть революционного учения в своём романе обошел стороной — к свальному греху читателя он не зовёт. Всё-таки отец троих детей, и, может быть, лимоновская идея об обязательном лишении девственности в 13 лет ему не кажется очень уж привлекательной... А может, и сам Лимонов, молодой папа, теперь переменял свои убеждения. Крестил же он своего ребенка в церкви, хотя в «Другой России» утверждал, будто «сегодня христианство выглядит как кукольный театр

для недоразвитых детей, оно просто комично», а «наш Бог — планета Сатурн».

Горький в романе «Мать» писал: «Только те настоящие люди, которые сбивают цепи с разума человека». С этим трудно поспорить. Только за каждый «взлом» человечество платит страданиями. Ответственность художника, взявшегося быть «поводырем» масс, очень велика. Впрочем, в пылу борьбы, в упоении разрушения кто думает о таких мелочах? Ломать — не строить.

* * *

Удивительное это явление — «лимоновщина». Ни разу, кажется, не было предметного разбора этого «учения». Ни из романа «Санька», ни из программной книги «Другая Россия» в общем-то, непонятно, за что выступают лимоновцы, против чего бунтуют. Почему Лимонов вдруг оказался в одной связке с Михаилом Касьяновым и Гарри Каспаровым? Против Путина или против власти вообще? И против чего именно в Путине? За свободу Ходорковского? Или против того, что в «полицейском государстве» как рулили в 90-е, так и по сей день рулят нерусские? (Эта тема совершенно не фигурирует у лимоновцев, а ведь слово «национал» есть в названии партии!).

Композиционно роман «Санька» построен на чередовании действия и разговоров о «правильности выбранного пути» с различными оппонентами партийцев — с бывшим афганцем, с либералом Алексеем, евреем Лёвой, «государственником» Аркадием (в одном месте он почему-то назван Сергеем Юрьевичем). Иногда оппоненты высказывают весьма любопытные соображения — о том, что Костенко «был завербован ещё в США» и работает на разрушение России, или о том, что деятельность «союзников» (Союз справедливых — «СС» — под этим именем лимоновцы фигурируют в романе) объективно, вне зависимости от их индивидуальных устремлений, способствует развалу страны. Санька отвечает, в общем, неубедительно, хотя и горячо, непровергнутые аргументы — остаются. И с течением действия романа они только накапливаются.

Лимонов, раскрывая в «Другой России» свою программу-минимум, признается, что не ищет «особых людей» — рахметовых. Ему нужны маргиналы. Получается, что чем больше ненормальности в стране, чем хуже жизнь, тем шире у революционеров «социальная база». Лимонов призывает сбросить «власть стариков», дать дорогу молодым: «Выше 56 лет — пожилые люди, в просторечии старики. Разумным представляется вместе с пенсионной книжкой вручать гражданину, ушедшему на пенсию, уведомление о прекращении его права участвовать в выборах».

Каково? И как всё-таки похожи друг на друга революционеры всех времен! Вот и Горький в романе «Мать» противопоставляет молодёжь и пожилых: «...и потому юноши вызывают у старых судей мстительное, тоскливое раздражение ослабевшего зверя, который видит свежую пищу, но уже не имеет силы схватить её, потеряв способность насыщаться чужою силой и болезненно ворчит, уныло воеет, видя, что уходит от него источник сытости».

Но разве не «старик» (по его же собственной классификации) сам Лимонов? Он, пожилой человек, навязывает молодым определенный образ жизни! «Насыщается чужою силой...» Все они, лимоновцы, вольно или невольно работают на известность вождя. Кто знает имена «декабристов» или «политзэков», или тех, кто получил тюрьму или штрафы за «акции»? Очень узкий круг лиц — оперативники, соратники, адвокаты, родные и близкие. Массовому сознанию известен только Лимонов. Получается, что нацболы-маргиналы — строительный материал для политика. Молодость не задумывается над такой мелочью, как жизнь, кажется, что времени впереди — вагон. И уж конечно, семья («болотная жижа») менее привлекательна, чем фигура Вождя — умного, дерзкого.

Молодых людей, ввязавшихся в лимоновщину, обыватель вряд ли поймёт. И впрямь: ну не глупо ли жертвовать жизнью ради чужого дяди, одержимого сластолюбием и честолюбием? Но других-то «дядей» нет!.. Кто, кроме Лимонова, предложил молодёжи «смерть за Отечество»? Пусть он даже это делает из своих властных амбиций, или из воспалённых

фантазий, или потому, что «завербован». Но ведь никто больше не зовёт тех, кто жаждет подвига. (Нельзя же назвать упитанных функционеров «Единой России» — вождями?!) Молодежь приходит к Лимонову с чистыми сердцами. И куда, к кому же идти, когда ты понимаешь, что не в твоих силах переменить этот мир, наполненный грязью и отрицанием красоты?! Неужели только смириться, приспособиться?!

Впрочем, иногда создается впечатление, что при всей жесткости борьбы с Лимоновым и лимоновцами, эта партия нужна сегодняшней власти как наиболее явный канал для выявления «идейных» и «социально озабоченных». Смерть Ельцина показала: если «наверху» нужно, то уж наше ТВ расстарается, чтобы убийцу демократии возвести в сан святых, чёрное выдать за белое и наоборот. «Умер великий политик, ушла эпоха, реформатор, государственный деятель, страна скорбит и т.д.». Однако ж, не нужны были и социологические опросы — интернет-народ (а это в основном люди молодые и среднего возраста — т.е. дети «демократии») в оценке деяний Ельцина был, практически, един. Скорбящих по Гаранту и считающих его чудачества великим благом для России оказалось не более, чем электората СПС — т.е. в пределах 5%. Маргиналы?

Но это, кажется, не те маргиналы, что нужны Лимонову. Или те? (Судя по его единению с «Другой Россией»). Куца очередь у Храма Христа Спасителя, где проходило прощание с Гарантом, стала наглядным подтверждением скудости народной любви к Чудовищу. Телевидение, однако же, выло и вопило, обливаясь «крокодиловыми слезами». Иногда нанятые плакальщицы завирались до такой степени, что сами начинали верить в величие усопшего...

Зато в случае с лимоновцами у наших консолидированных средств пропаганды нет какой-либо однозначности. Следует ли это понимать, как «политическую неопределенность» самих авторов новостных программ?! Вряд ли. Скорее всего «замутнение» общественного сознания Лимоновым — часть провокативной политики государства.

* * *

Роман «Санька» замечательно иллюстрирует ту причудливую форму сознания и тип человека, который выплавляется в лимоновской «колбе». Чтобы метнуть помидор в министра, требуется не меньше мужества, чем выстрелить в государственного чиновника из пистолета (этот тезис достаточно убедительно разворачивает в книге «союзник» Лешка Рогов). И всё же бросить помидор и убить человека — это разные вещи. Главный герой «Саньки» весьма переживает перед убийством латвийского судьи, и, в общем-то, рад, что ему не приходится это делать. В финале строй романа сбивается на «политическое фэнтези», на «благородный боевик» (а до этого перед нами «социальный роман»), и, захватывая базу МВД, а потом УВД и здание городской администрации, Санька и его соратники тоже стараются избежать кровопролития. Они даже великодушно набрасывают на плечи женщине-милиционеру бушлат... Но это уж действительно грёзы — «есть упоение в бою», и революций без жертв не бывает.

Автор, что и говорить, более человечен, чем его наставник. Радикализм в нём борется с реализмом — с жизнью, которая, с революцией или без, но всё же идёт своим чередом. И, конечно, она больше и полнокровней любой революции. Хотя... Не будь революционных выступлений крестьян (может быть, революционность — это свойство открыто и гласно возмущаться несправедливостью?) и крепостное право продлилось бы дольше 1861 года, а не будь химкинских пенсионеров, выступивших против «монетизации», обобрал бы их Зурабов ещё больше. По делам их узнаете их: пощечина одиозному министру, майонез и помидоры — на дорогой костюм чиновника. Сколько учителей из закрытых и разрушенных школ мысленно проголосовали за эту акцию, сколько заслуженных учёных в душе согласились с поступком девушки-лимоновки!..

Но почему же так поражает убогость героя (сверхчеловека), нарисованного Лимоновым?! (Да и тот же прилепинский Санька — не ах...) А уж «образ будущего», которым грезит вождь нацболов, и вовсе грязен. Мерзок. В «Другой России» автор пишет: «В коммуне всегда можно найти себе

партнеров по темпераменту, и количество партнеров для ласки очень велико. Между тем сексуальная комфортность — это огромная величина, это компонент счастья. Право на сексуальную комфортность важнее права на труд, и за сексуальную комфортность следует бороться больше, чем за зарплату. Такое устройство общества, при котором человеку самим этим устройством обеспечивается сексуальная комфортность, всегда будет пользоваться огромной притягательностью». (Как тут не вспомнить Григория Климова, который считал, что «стремление к власти есть следствие подавления противоестественного полового влечения»).

Семья — это вообще любимая мишень революционеров. В романе Горького «Мать» есть что-то глубоко лживое и нерусское, когда сын становится особенно ласковым с матерью на идейной почве (может, эта придумка появилась потому, что сам автор рос сиротой?!) В романе «Мать» та же, что и у Лимонова, борьба против семьи: «Я говорю, напрасно мужики женятся, только вяжут себе руки, жили бы свободно, добывались бы нужного порядка, вышли бы за правду прямо, как тот человек!» Рахметов у Чернышевского тоже «не должен любить». И, действительно, борись против чего-то большого (Государства, Бога) — будешь замечен. А борись за мир в семье, кто оценит, кроме жены?!

Несмотря на проповедь «целибата», сам Горький был женат, и не раз. И Чернышевский — провозвестник «новых людей» — тоже. Писатели-идеологи. А нравственно ли призывать людей к тому, к чему ты сам не способен?!

Разновекторность человеческих усилий складывается в «направление», по которому движется народ, государство, человечество. Да, есть свои «ведущие» — наиболее сильные векторы. Но кто они? Сверхлюди? Орудия мировой судьбы? Великие честолюбцы? Слепцы? У «вождей» нет ни тени сомнений — имеют ли они право верховодить, куда-то звать людей. Что это? Счастливая возможность непонимания себя?! Прирождённая духовная слепота, соединённая с яркими писательскими способностями и общественным темпераментом? Или они и впрямь — право имеют?! И потому — правы?! По-

тому что при всей «картонности» написанного, многое так и произошло, как мечталось Горькому в романе «Мать». Иногда совпадения настолько буквальны, что создается впечатление, будто книга написана уже после 1917-го, году в 1932-м. (Реально — в 1906-м). Почему так? Был ли роман «чертежом», «планом», повлиявшим на будущее, по которому стала развиваться жизнь, или перед нами — предвидение гениального художника?!

* * *

У Лимонова: «Для государства было бы удобно, если бы все граждане были стариками и функциональными инвалидами, но так, чтобы у одного остались руки — на станке работать, у другого глаза — зачитывать нужные государству тексты, у следующей категории были бы только ноги — бегать по поручениям чиновников. Что, слишком гротескно? Да, гротескно, но отвечает духу Российского гребаного государства в первый год XXI века».

У Прилепина: «Гребаная страна, и в ней надо устроиться куда-то. Мести двор, мешать раствор, носить горшки, таскать тюки и вечером смотреть в телевизор, где эти мерзейшие твари кривляются, рассказывая, как они заботятся о тебе». Такковы размышления Саньки. Труд не одухотворён, он — тяжел и туп, жизнь — беспроцветна, информационное пространство — загажено.

Всё — правда. Как, впрочем, и то, что эта цитаты вполне могли бы принадлежать и писателям-диссидентам начала 80-х годов прошлого века. И тогда было «душно» (застой), и в те времена по телевизору было одно, а в реальности — другое, и чтобы быть «свободными», наиболее радикальные интеллигенты уходили «мести двор, мешать раствор, носить горшки».

Сейчас — лучше? И кому — лучше? За что боролись?!

Всё-таки революционность — это некая болезнь духа. Особенно в пожилом возрасте. Лимонов пишет о будущем устройстве общества: «Важно ориентироваться на удовлетворение интересов героической, сверхчеловеческой части насе-

ления нашей планеты, а большинство — приспособится. Мы их не забудем. Мы будем заботиться о них. Это большинству важны мизерные прибавки в рублях и долларах. Меньшинству необходима прибавка в свободе, в возможности задействовать свою агрессивность. Поэтому мы станем ориентировать нашу цивилизацию на агрессивное меньшинство — на маргиналов. Они есть соль земли. Мы призовём их во Вторую Россию, не только русских. Всех».

То есть большинство будет по-прежнему «мести двор, мешать раствор, носить горшки». Но прежде: «Старый мир следует разрушить ниже основания, разрушить так, чтобы выкорчевать все корни, все отрезки корней. Все институты России нужно будет создать заново. Ни одна из них не стоит того, чтобы быть сохранённой. Но созданы они должны быть только после тяжёлой работы глубинного разрушения. Задача разрушения будет даже тяжелее и сложнее, нежели задача созидания. Ничто не должно быть оставлено. Следует сменить национальное мировоззрение».

Но ведь всё это полусумасшествие у нас уже было! Так для кого же мы будем строить Вторую Россию? Для китайцев? Они чадолюбивы, и вряд ли им понравится идея Лимонова передавать детей, как только начинают ходить, в Дома Детства — учреждения, где они «выращиваются и воспитываются государством». Для мусульман? Уж они точно не одобряют мысль о том, что «нужно разрешить многие виды семьи». Других претендентов на наши обезлюдившие просторы, вроде бы, пока не прослеживается.

Революционность — это избыток жизненной энергии и молодой силы. Вопрос: на что её потратить? На походы по ночным клубам и кабакам? На сексуальные утехи? На стычки с милицией? На тупую, «ботаническую» учёбу, чтобы потом сидеть в офисе, обслуживая движение чужих капиталов?

А Христос? Разве он не был революционером? И разве жизнь по его заповедям не подвиг? Говорить правду, а не лукавить, призывает нас Христос. Говорить правду — разве для этого требуется меньше мужества, чем метнуть помидор в министра или выстрелить в государственного чиновника из пис-

толета?! Особенно — если ты журналист, редактор, писатель, телевизионщик. Говорить правду — даже если «красное словцо», или успех у читателей, или благосклонность твоих покровителей требует лжи или умолчания? Говорить правду — хотя ложь давно уже стала привычна первым лицам государства, и они её воспринимают как вид «общественной дипломатии». Говорить правду — хотя ты всем смешон в своём идеализме, «не умеешь жить». Говорить правду — в главном, в основном. И никогда не использовать людей, пусть даже «для их блага».

Но есть правда — и есть громкая, звонкая фраза. Есть правда — и есть упоение, самолюбование. Есть правда — и есть обольщение ложным. И есть два пути: один — изменять окружающий мир через партию, собрание энергичных маргиналов, другой — через свою собственную жизнь. «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи». Быть деятельным (а не только «обрядовым») православным человеком — это тяжелее, чем самая «революционная революционность».

И всё же... Святых — единицы, грешников миллионы. Не убий. Но и не молчи! А разве ельцинские реформы людей не убивали?! Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского перед Куликовской битвой. А кто из церковных иерархов благословил на борьбу с ельцинским мироустройством? Или оно — справедливо? Праведно?

*...Не будет гнева — и не будет страха,
Гнет богачей позорно повторится.
Пусть запылает Стенькина рубаха
И удаль Пугачева заискрится.
Подайте саблю!.. Вот — рука моя:
Да здравствуют мятежные края,
От Красной Пресни до твердынь Китая!
Встань ты, Русь, единая, Святая,
И мы придем голодный люд утешить —
Прорабов перестройки в сейфах вешать
С банкирами, а из политбюро
Ловить просионистских проституток,
Кормить одной идеей десять суток
И кока-колой сполоснуть нутро!..*

Это — отрывок из стихотворения Валентина Сорокина «Моей княжне». Написано в 1997 году, чуть позже оно было напечатано в книге «Голос любви» Тоже, вроде бы, «революционная литература». И даже менее «гуманная», чем «Санька»: «Прорабов перестройки в сейфах вешать...», «ловить просионистских проституток». Но лирический герой стихотворения — действительно Герой. В нём есть духовная высота, соединённая с красотой поведения, слова. И эта высота — она будто вневременная, принадлежащая тысячелетней Святой Руси, а не только «пивному поколению».

И цель — ясна и справедлива: «И мы придем голодный люд утешить...». «Сучий потрох» и «голодный люд» — есть разница?

Борьба за социальную справедливость, за построения «Царства Божьего» на земле — вечна. А это, прежде всего, борьба за ресурсы. Материальные, информационные, духовные. В «Другой России» мы читаем, что «переход собственности в те или иные руки, в одни или во множество, не способен изменить основные условия жизни на Земле». Так что «прорабы» и «банкиры» могут спать спокойно — пассивную молодежь ведут всего лишь (если судить по книге) к сексуальному раскрепощению. Пусть извилистым путём — через метание помидоров в министров и оскорбление первых лиц государства. Зато впереди революционеров ждёт награда: «В коммуне всё совершается случайно, спонтанно, все ласки дозволены, отказов нет. Отсюда возникает ощущение глубокого удовлетворения жизнью, глубокого тепла. Каждый любим всеми». Так было всё это уже! И теория «стакана воды», и общество «Долой стыд!».

...Но есть ещё один тип революции — национально-освободительной. «Дряхлая Индия» (характеристика Лимонова) сбросила колониальный гнёт. Вёл её духовный лидер Махатма Ганди. Он говорил: «Если желаешь, чтобы мир изменился, — стань этим изменением». А в Иране Аятолла Хомейни возглавил свой народ и победил в антишахской, антиамериканской революции.

«Вся власть, если она от Бога». Государство, лишенное духовных основ, не способно защищаться от внешних угроз и внутренних деструктивных влияний. Оно, конечно, может тихо умирать — без шума и конвульсий ещё лет двадцать. Но разве мы, коренные народы России, этого хотим?

России нужен духовный и религиозный лидер. И он придет, если каждый из нас будет словом и делом приближать его явление.

март 2008

ВОЖДЕЛЕНИЯ ТЕЛЕЭЛИТЫ

Нет, не на линии классовой борьбы проходит водораздел. Хотя борьба за собственность была, есть и будет. И, скорее всего, не на линии национальной. Хотя конкуренция, соперничество и даже войны между народами неизбежны.

Но космополит — это не национальность, а диагноз. Шизофреник — человек, у которого суждения оторваны от «почвы», т.е. от реальности. Он не успокоится до тех пор, пока все вокруг не станут такими же. Космополитизм — один из видов тяжелой психической болезни — «беспочвенности», он разрушает любое государство и любой народ. Космополиту претит коллективизм, в центре мира и вселенной всегда его Личность, его Потребности, его Права и его Мнения.

Космополиту нет дела до «местных» — они лишь «матерьял» для его упражнений. Космополит тщеславен и сребролюбив, он никогда не ошибается, на все вечные вопросы знает однозначные ответы.

Вот на радио «Культура» выступает дочь писателя Сергея Довлатова. Последние годы литератор жил в эмиграции в США, там и умер. Дочь: «Если бы отец был сейчас жив, он бы обязательно приехал в Россию. Не насовсем, конечно, но, думаю, приезжал бы часто. Он наверняка бы вел здесь какую-нибудь литературную передачу на телевидении».

С ума сойти, какое самомнение! То есть жить «в этой стране» они не хотят, но не прочь иметь здесь «медийность», деньги и непыльную работу. Им даже в голову не приходит, что в России есть «местные», которые ничуть не хуже их (зачастую намного лучше) и что у «местных» намного больше прав на духовное водительство или высокооплачиваемый труд. Наглость для космополита — второе счастье. Не зря же именно к наглости призывал Чубайс своих подельников-реформаторов.

Космополит ни в чем и никогда не знает меры. Подтверждение тому бастион космополитизма — российское телевидение. Космополит никогда не церемонится, он всегда энергичен и напорист — живем один раз! Любимый «матерьял» для упражнений космополитов — российская история и русская литература. Здесь они, как рыба в воде — никаких сомнений, не своё — не жалко! Прошлое страны и народа — «сахарная кость», которую урча, догрызают космополиты. Посредством соответствующей телепродукции — сериалы «Московская сага», «В круге первом», «Доктор Живаго» и пр. Рассмотрим «механизм действия» космополитов на примере телепроекта «Дети Арбата».

* * *

В 1987 году литературный критик Вадим Кожин писал: «...Нисколько не сомневаюсь в том, что через сравнительно короткое время — по мере действительно серьезного изучения и осмысления эпохи, изображаемой в «Детях Арбата», — поверхностность и прямая неистинность того представления об эпохе, которое дает роман, станут очевидными для большинства его читателей». Кожин аргументировано критиковал Анатолия Рыбакова за искажение, подтасовку и элементарное незнание исторических фактов. Что же касается художественной стороны дела, то плачевное ее состояние признавали даже союзники автора «Детей Арбата» по идеологической борьбе. Одиозный «Огонек» в 1989-м году заявил, что наскучившая читателю «публицистическая «Сталининиана» была вынужденной... была, в сущности, навязана публицистике недостатком гласности, цензурными ограничениями: уже позволено было критиковать Сталина, но по-прежнему оставалось «вето» на попытки углубленного, причинного анализа».

Итак, почвенники и либералы сходились в одном: роман «Дети Арбата» — публицистическая однодневка. «Шоковая терапия» для советских граждан началась, как мы помним, не с экономики, а с идеологии. В информационной войне все средства хороши — тут не до стилистических красот, и уж,

тем более, не до исторической точности. Космополиты считали, что нужно любыми способами опорочить существующий строй и использовали для этого грубую пропаганду, часто опирающуюся на фальсификацию истории. В те годы была опробована беспроигрышная схема: существующий строй неизбежно порождает ГУЛАГ, поэтому выбирать надо демократию, которая обязательно принесет свободу.

«Дети Арбата», благодаря тогдашней государственной мощи, вышли более, чем миллионным тиражом в журнале «Дружба народов» (для сравнения — нынешнее издание книги, сопровождающее телеверсию романа — тридцать тысяч экземпляров). У СССР было много врагов, и роман тотчас же перевели в 52 странах мира. Сработала та же схема, что и с «Архипелагом ГУЛАГ» Солженицына.

Теперь уже нет ни одного мало-мальски серьезного политика, который бы считал, что СССР рухнул «сам по себе», без помощи извне, без щедрого финансирования «пятой колонны». Конечно, в отличие от Югославии или Ирака, нас не бомбили — обошлись идеологическими «минами». Но видимо нынешняя Россия еще не пала так низко, как того хотелось бы «мировым дирижерам». Только этим, наверное, можно объяснить тот факт, что с книжной полки вновь была востребована занафталиненная «Сталининиана».

* * *

Министерство культуры эпохи правления Михаила Швыдкого, несомненно, войдет в историю, как «Министерство лжи». Дело в том, что очередной поток антиисторического телепримитива, обрушившийся на наши головы, частично профинансирован скудными средствами федерального бюджета, коего так не хватает нищим библиотекам и сельским клубам. Так, лишь на съемки зарубежных эпизодов «Московской саги» и «Тяжелого песка» (по одноименному роману Анатолия Рыбакова) было выделено почти миллион долларов.

Сериал «Московская сага» профинансировало и правительство Москвы. Один из критиков-либералов охарактеризо-

вал это кинопроизведение следующим образом «...» Московская сага» — неудача сокрушительная! Ну, нельзя же писать эпопею о грандиозном периоде русской истории, держа в голове 2-3 мысли и бесконечно фокусируя на них читателя (зрителя). Вот эти мысли: а) сажали лучших, б) русские не любят евреев и в) береги платье снову, а честь смолоду. Сами выберите, какая из этих мыслей главная».

Выберем из этих мыслей если не главную, то самую модную нынче — под буквой «б». Качество теледействия столь халтурно, что у более-менее образованного зрителя рождается ощущение, будто «антисемитизм» обществу навязывается искусственно. Что же касается Анатолия Рыбакова (Аронова), то он еще в 1978-м году написал роман «Тяжелый песок», повествующий о мытарствах евреев во время Великой Отечественной войны. После некоторых проволочек (автора укоряли, что война в произведении показана односторонне, в ней пострадали не только евреи) роман благополучно напечатали. По признанию самого автора, он получил около десяти тысяч писем, но среди них не было ни одного антисемитского. Та же история — и с «Детьми Арбата». Это при том, что по глубокому убеждению Рыбакова, «государственный антисемитизм у нас ввел Сталин... Сталин просто вовремя умер, не успев продолжить дело Гитлера».

Возникает противоречие: в стране — государственный антисемитизм, а от общественности — даже в период гласности — ни одного письма, ни одного намека на щекотливую тему!.. Между тем, временами кажется, будто действие романа «Дети Арбата» протекает не в центре русской столицы, а в небольшой национальной республике. Так, главного героя Сашу Панкратова окружают: первый секретарь райкома Столлнер, декан Янсон, преподаватель Азизян, писатель Хенкин, портной Энтин, музыкант Цфасман, следователь Альтман, литературовед Эльсбен, профессор Марасевич, одноклассница Соня Шварцман и т.п.

Но вернемся к истории создания сериала. «Отцом» экранизации книг Рыбакова был Евгений Киселев, который планировал показать сериал на НТВ. Он провел переговоры с вдо-

вой писателя Татьяной Марковной и приобрел у нее права на трилогию (в сценарий вошли, кроме «Детей Арбата», романы «Страх» и «Прах и пепел»). Давние теперь уже события вокруг НТВ и Медиа-моста отодвинули на некоторое время осуществление проекта, но, как выяснилось, не навсегда. «Уши Гусинского» вылезли на Первом канале. «Мы сознательно поставили «Детей Арбата» сразу после «Московской саги», — честно признался Константин Эрнст. Ну, а чтобы уж совсем достичь «общественного согласия», экранизация тенденциозного романа посвящена... 60-летию Великой Победы! Рекламные слоганы таковы: «Это наша история. Это наше поколение. Это наша родина. Это наша победа». Все — наше. Кроме Сталина, у которого, по мысли режиссера-постановщика Андрея Эшпая, «во всех его проявлениях была дьявольская логика, недоступная обычным людям». Ему вторит Андрей Каморин, генеральный директор телекомпании «Новый русский сериал», где и снимали «Детей Арбата»: «Сталин — демон истории».

Ну а в целом в трилогии А. Рыбакова нетрудно проследить три мысли, вполне сходные с аксеновскими: а) в те далекие годы все, кроме ужасного Сталина, страдали и мучились; б) никакого просвета не намечалось; в) во все времена есть любовь. Мысль «а», конечно, вступает в явное противоречие с мыслью «в», но как раз это позволило современным пиарщикам провозгласить сериал «Дети Арбата» романом «шекспировского размаха», а главных героев, Сашу и Варю, объявить современными Ромео и Джульеттой.

* * *

Константин Эрнст, простодушно повествуя о политике Первого канала, заметил, что аксеновская «Сага» и рыбаковские «Дети» — совершенно разные истории, и поэтому «зрителю должно быть интересно».

Действительно, Сталина в сериале значительно меньше, чем в трилогии, упор сделан на любовные отношения главных героев. У этого «перекоса» есть, по крайней мере, две причины. Во-первых, «Сталининиана» Рыбакова ужасающе слаба в

художественном отношении (сведущие лица считают, что автор ее «содрал» с «Гайной истории сталинских преступлений» Орлова). Как можно, например, переложить в сценарий канцелярщину следующего содержания: «Этим приемом [в Кремле] товарищ Сталин остался доволен. Люди веселились искренне, от души веселились. А если люди веселятся, значит, дела у них идут хорошо. Если люди в стране веселятся, от души веселятся, значит, дела в стране тоже идут хорошо». Подобную тавтологию можно цитировать страницами — похоже, у лауреата Сталинской и Государственных премий в последние годы были проблемы с редакторами. Понятно, что ни переписать, ни сыграть подобные «текстовые массивы» решительно невозможно.

Но есть и во-вторых. После обработки общественного сознания такими «эпопеями» как «Диверсант», «Штрафбат», «Красная площадь», «Московская сага» ужасы сталинского времени должны стать для зрителя «само собой разумеющимся явлением», неким затверженным «фоном», на котором теперь уже можно разворачивать любые истории, в том числе, и «шекспировские». Неважно, что нынешняя «Сталиниана» так же далека от истины, как и в перестроечное время. Важно переключить внимание общества с «ближней» истории (например, с грабительской приватизации, развала СССР, развязывания войны в Чечне, да и того же Беслана) на историю относительно «дальнюю» — политические репрессии сталинского времени, захватившие врасплох «детей» и «отцов Арбата». Разумеется, красный террор, рассказывание, идейное вдохновение коллективизации, осуществленное «золотым фондом русской революции» (определение Рыбакова) свежих идеологов волнует мало. В общем-то, в современном телеещании мы имеем дело со «внуками Арбата», которые в меру сил и способностей продолжают им завещанное.

* * *

А способности, прямо скажем, не ах. Несмотря на то, что производство сериалов у нас стало семейным делом. Так, «Московскую сагу» снимал Дмитрий Борщеский, сценарий написала его жена Наталья Виолина. В «Детях Арбата» снялась жена режиссера. А музыку к сериалу написал его друг детства...

Увы, родные узы существенно помогли семейному бюджету, но духовно зрителей вовсе не обогатили. О провале «Московской саги» сказано достаточно. Что же касается «Детей Арбата», то и здесь дело обстоит не намного лучше. Известная мысль Василия Шукшина: «Странно, но так: чем хуже литература, тем лучше можно сделать фильм», — в данном случае не получила своего подтверждения. «Виноваты» сценаристы — они весьма бережно подошли к первоисточнику, сохранив диалоги, написанные Рыбаковым. Наверное, понадеялись, что актеры своим мастерством «расцветят» тусклую прозу писателя.

Но в эпоху торжества рыночной экономики люди искусства не сочли возможным сильно перетруждаться, и заменили игру на истерические вскрики и метания. Актеры сильно, как в театре, кричали, полагая, что их могут «не услышать в задних рядах». По этому поводу весьма точно высказался писатель, исторический романист Владислав Бахревский: «Все героини, особенно главная, — истерички. Это совершенно не соответствует духу того времени. Тогда люди были спокойные, сильные и сдержанные. Нас воспитывали иначе, чем сейчас — мы скрывали свои чувства, никогда ничего не делали напоказ. В экранизации «Детей Арбата» я вижу большую неправду жизни, заложенную, кстати говоря, и в самом романе. Но в телесериале эта ложь усилена игрой актеров, которую я бы назвал плохой самодеятельностью».

Действительно, фильм донельзя предсказуем и наполнен «соцреалистической» тягостностью — смотреть его можно только «из чувства долга», например, чтобы понять всю глубину падения нынешней телекультуры. В оправдание актерской «самодеятельности» стоит сказать, что, в общем-то, провал вполне объясним: играть тут просто нечего. В трило-

гии полностью отсутствует сюжет, если понимать его как «движение души», как историю развития характеров. В романах действует «палач и демон» Сталин, попадают в разные житейские передряги изначально положительные Саша Панкратов и Варя Иванова. Бедность же диалогов, примитивность размышлений и язык трилогии таковы, что современная «желтая литература», вроде Донцовой, будет, пожалуй, и покрепче.

«Параллельно большому миру существует маленький мир, — писали авторы «Золотого тельца». — В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны «Мертвые души», построен ДнепрогЭС и совершен перелет вокруг света. В маленьком мире изобретен кричащий пузырь «уйди-уйди», написана песня «Кирпичики» и построены брюки фасона «полпред». В большом мире людьми двигает стремление облагодетельствовать человечество. Маленький мир далек от таких высоких материй. У его обитателей стремление одно — как-нибудь прожить, не испытывая чувства голода».

Создатели телесериалов свой кричащий пузырь «уйди-уйди» надули. Трудно сказать, того ли ждали от «внуков Арбата» их отцы, но что вышло, то вышло — коммерческая поделка на скорую руку. Похоже, настало время, когда наша телеэлита «неспособна регулировать вожделения» (терминология Льва Гумилева). Это утешает, потому что следующая фаза — неспособность эти вожделения удовлетворять...

2004

СЛАВЯНЕ В РОССИИ: ПРОСВЕТА ПОКА НЕ ВИДНО

Один раз в году власть и телевидение вспоминают, что Россия — славянская страна. Что она была создана славянами, что прививка христианства в его византийском изводе дала нам великую культуру и великую государственность, которую не раз приходилось защищать. Иногда, между прочим, от своих же братьев-славян, как это было в смутные времена. Да, конечно, многие иноверцы и инородцы, покоренные рукой Москвы (а некоторые и добровольно вступившие под защиту славянской власти) верно служили России. Они такие хозяева в нашем доме, как и мы, русские. Но хозяева ли мы, если о том, что Россия — страна славянская, «наверху» вспоминают только раз в году?!

Потому День Славянской письменности и культуры — грустный праздник. В этом году главные торжества проходили в Твери. Журналисты ерничали, что по такому случаю даже Волга вышла из берегов, подстегнутая сильнейшим ливнем. Накануне Ювеналий, митрополит Крутицкий и Коломенский говорил, что «Господь всегда был благосклонен к нашему празднику». Митрополит молился о хорошей погоде, но Бог не внял — музыкально-драматическое действие на берегу Волги «В начале было Слово» проходило под дождем. (Хотя за те деньги, которые были угроханы на торжества, наверное, можно было укрыть целлофаном хотя бы сцену: танцоры хора имени Пятницкого демонстрировали свое искусство с риском для жизни.) Дождь идёт, а мы скирдуем...

Прямую трансляцию праздника можно было видеть на канале «Культура». Что ж, и на этом спасибо. Потому что телеканал «Россия» был занят в этот вечер «Евровидением» — Дима Билан вот наше настоящее культурное достояние, объединяющее страну, а уж никак не Кирилл с Мефодием. Конеч-

но, официальный статус праздника все еще высок, его мог бы показать и «Первый канал». Но «танцы под дождем» шли без перерывов на рекламу, а уж это, конечно, для телевизионщиков совсем непереносимо.

Что же, попели-поплясали, «отметились»... Теперь можно и за привычные культурные дела приниматься. Скандальные биенале, матерные книжки, пошлые песенки, умные разговоры для «обоснования». Славянская идея — идея «полудохлая», другое дело — глобализм. Так что праздник этот в России живет, скорее, в память о Борисе Ельцине: ни одно его деяние не отменяемо в принципе, потому что на этом противоречивом фундаменте выстроена вся архитектура нынешней власти. Для развала СССР были все средства хороши — и возвышение православной церкви, и наводнение страны протестантскими миссионерами (как же, тоже «божественное!»), и будирование мусульманского религиозного чувства. Потому и один из комментариев в интернете по поводу нынешнего «Евровидения» звучал так: «Я, конечно, понимаю, что пути Господни неисповедимы. Но, Боже, неужели победа Димы Билана была Тебе так нужна, что для этого Ты устроил распад СССР и Югославии?»

* * *

Но, удивительное дело, на благословенном Западе (о, эти «цивилизованные страны»!) к славянской идее относятся по-другому. Ее не только не списывают в «утиль» как нечто «фольклорное», но рассматривают как мощное средство сохранения национальной и культурной идентичности.

Известно, что Европа — это «кладбище народов». Бретонцы, пруссы, полабские славяне, фриулы — эти и десятки других названий исчезли с лица земли. Тем поучительнее опыт тех, кто сумел не только уцелеть в мясорубке мировой истории, но и сохранить свою культурную особость.

Словения — небольшая альпийская страна, отделившаяся от Югославии в 1991 году, а словенцы фактически «пограничники» — эта нация занимает самое западное географиче-

ское положение из всей семьи славянских народов. История словенцев и драматична, и героична. Довольно долго пребывавшая в составе Габсбургской империи (Австро-Венгрии), Словения, граничащая с Италией и немецкоговорящим миром, была единственной «камнем преткновения» на пути осуществления мечты немецких националистов о создании общего государства «от моря до моря». В годы второй мировой, когда Гитлер посетил второй по величине словенский город Марибор, он так и заявил: «Сделайте мне эту землю немецкой». Словения была расчленена между Италией, Германией, Австрией и Венгрией.

Но все миновало, и история южно-славянской нации вступила в совершенно новый этап. Теперь Словения — член Евросоюза и НАТО. (На референдуме вступление в Евросоюз одобрили 90 процентов населения, в НАТО — 67 процентов.) Это динамично развивающаяся страна, опережающая многих своих соседей по уровню жизни. Годовой доход на душу населения здесь составляет свыше 26,5 тысячи долларов. (Для сравнения: в России эта цифра составляет 13,5 тысячи долларов.) Политический идеал Словении — социальное государство, для которого здесь много делается (соотношение средней зарплаты и средней пенсии — 800 и 500 евро). В этом году страна первой из числа новых независимых государств стала председательствовать в Евросоюзе. Казалось бы, ну зачем таким стопроцентным европейцам (не это ли является мечтой наших либералов-космополитов!) славянская идея?!

В 2001 году Владимир Путин встретился с премьер-министром Словении Янезом Дрновшекком (позднее он стал президентом страны). Начались регулярные контакты на высшем уровне. Вскоре российская сторона приняла решение провести первую встречу Путин — Буш именно в Словении.

Удивительное дело, но эйфория от обретения государственности и вхождения в большую политику не лишила словенцев трезвого взгляда на мир. Еще в 2001 году Я. Дрновшек высказывает В. Путину идею о создании Форума славянских культур (ФСК) — международной организации, которая бы способствовала сохранению и развитию славянского мира.

Россия (во всяком случае, в лице ее президента), целиком и полностью — за. И вот уже в 2002 году министры культуры двенадцати славянских государств подписывают декларацию, в которой официально объявлено о создании Форума.

Кто же стал «главным славянином» со стороны России?! Ну, разумеется, Михаил Швыдкой.

* * *

Бывшего министра культуры и бывшего главу Роскультуры кто только не клял и не ругал. М. Швыдкому это только добавляло славы и влияния. О его отношении к русским и славянству, пожалуй, яснее всего говорит «крылатое выражение», порожденное министром-шоуменом: «Русский фашизм страшнее немецкого». Но это, так сказать, тезисы. А мы рассмотрим, что сделал М. Швыдкой по ФСК — президент «расписал» это поручение двум министрам — ему и Сергею Лаврову.

Начнем с того, что с момента инициативы Дрновшека-Путина прошло немало времени, прежде чем в 2004 году устав Форума, наконец, был утвержден. Разумеется, быстрое принятие документов не в интересах чиновников — катание по заграницам (туризм за госсчет) в таком случае значительно теряет смысл. Но вот бумаги подписаны, договоренности достигнуты... Казалось бы, теперь работа закипит! Тем более, что в России действуют десятки славянских общественных организаций.

Среди них есть очень известные. Например, Славянский фонд России, который возглавляет Галина Боголюбова, член Общественной палаты первого «призыва». Дни Славянской письменности и культуры в Москве в этом году проводил именно этот фонд, и за 5 млн. рублей состоялось сорок разномасштабных мероприятий — от концерта в Храме Христа Спасителя до международного симпозиума (пусть Тверь сравнит...). Именно Г. Боголюбова в начале 90-х возглавляла оргкомитет всероссийского праздника вместе Михаилом Полтораниным и митрополитом Ювеналием. Очевидно, что такой человек, столько сделавший для возрождения национальной

культуры и национального самосознания, идеально подходит для общественной работы в ФСК. Тем более, что ее хорошо знает и посол Словении в РФ Андрей Бенедейчич.

Еще одна известная фигура — Николай Бурляев, народный артист России, президент кинофорума «Золотой Витязь», председатель Международного объединения кинематографистов славянских и православных народов (МОКСПН). Эта организация насчитывает сегодня 12000 кинематографистов, деятелей театра и СМИ из 15 стран славянского мира. МОКСПН существует десять лет, и при минимальном внимании со стороны ФСК мы бы гораздо чаще видели славянские фильмы в прокате. Тем более, что кино — одно из приоритетных направлений работы Форума. (Вот и в начале июня в Брюсселе состоится фестиваль славянского кино, куда, конечно, отправятся наши чиновники — для «решения проблем»). И, тем не менее, Н. Бурляева, внесшего огромный вклад в развитие славянского кинематографа, к деятельности ФСК ни разу не привлекли!

Можно называть другие фамилии и организации РФ, связанные со славянством: Международный Фонд славянской письменности и культуры, Фонд Святого Всехвального Апостола Андрея Первозванного, Фонд исторической перспективы и т.д. Все это весьма известные структуры, во главе которых стоят не последние люди в нашем Отечестве. Почему же ни одна из этих организаций не была привлечена к работе ФСК? Вопрос риторический. Потому что для М. Швыдкого и очень многих чиновников из его ведомства ни русская национальная культура, ни славянская идея абсолютно не представляют никакой ценности. Это только возможность «кормления», «имитации бурной деятельности» и загранпоездки за госсчет. «Как сладостно отчизну ненавидеть...», — сказал по этому поводу поэт.

Идея ФСК была настолько чужда ее российским «кураторам», что за многие годы существования форума не появился даже сайт этой организации на русском языке. Взносы Словении в ФСК в этом году составили 180 тыс. евро, России — 4 тыс. евро. Речь идет о спонсорских средствах, поскольку госу-

дарство не может напрямую финансировать общественную организацию. Но если во главе организации стоит госчиновник, то, интересно, он сам ищет эти средства?! И где именно? В госбюжете?!

* * *

Впрочем, иногда у нас гражданское общество «работает». Это показывает деятельность Роспечати и его руководителя Михаила Сеславинского.

Один из проектов ФСК — «Сто славянских романов». Каждая страна-участница проекта представляет десять романов, которые переводятся на славянские языки. В Роспечати (а именно это агентство у нас «курирует» писателей) «посоветовались» с «гражданским обществом» и выдали на гора список: Людмила Улицкая, Дмитрий Быков, Ольга Славникова, Михаил Шишкин, Татьяна Устинова, Борис Акунин, Татьяна Толстая, Александр Кабаков, Алексей Славовский, Алексей Иванов (а ранее в нем были еще и Владимир Сорокин, Виктор Пелевин, Илья Стогофф).

Знающий поймет: все эти прозаики принадлежат к одному литературному направлению, по крайней мере, половина из этого списка — авторы издательства «Вагриус», отцом-основателем которого является Владимир Григорьев, советник М. Сеславинского, и все эти писатели — любимцы Российского книжного союза, вице-президент которого Нина Литвинец не так давно была начальником управления периодической печати, книгоиздания и полиграфии Роспечати. Тесен мир! А вот мировую известность «избранным» литераторам обеспечивает президент Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ Сергей Филатов. Общественная организация «Союз писателей России» для Роспечати — «плохая», а вот Фонд Филатова — «хороший». Именно Фонд СЭИП в подавляющем большинстве случаев и решает, кого выпустить «в свет», кого перевести и кто покажет Россию-матушку за границей. Без прикрас, как она есть.

Вот и на литературном фестивале «Славянский мост» (один из проектов ФСК), что в апреле и мае этого года проходил в Словении, Россию должен был представлять Владимир Сорокин. Это имя стало настолько одиозным, что мы не будем давать ему дополнительных характеристик.

Между тем, именно славянская письменность (а не порнографические изыски в прозе!) позволила словенцам сохраниться как нации. Еще в XIX и XX веках словенские поэты и мыслители писали о цивилизованном славянском мире, который бы представлял для словенцев опору в их сопротивлении германизации и италянизации. Именно высокая культура, бережное отношение к национальным ценностям, прекрасный уровень образования позволяет Словении сегодня быть одной из развитых стран Европы.

Но Россия идет своим путем — путем тиражирования в литературе тем «телесного низа», пропагандой «целующихся милиционеров», и отвратительной, тошнотворной телеполитикой. Вернее, так ее ведут. Наши славянские вожди — Швыдкой и Сеславинский.

* * *

Деятельность ФСК в России — это упущенные возможности, профанация работы и почти нулевой эффект. Что это, обычная халатность или сознательное умерщвление живого и важного (для славян, конечно) дела?! Неужели России не нужны культурные скрепы хотя бы с нашими ближайшими соседями — Украиной и Белоруссией? Для русских — украинцы и белорусы — братья. Но за последние четыре года ближе мы не стали, скорее, наоборот. И виноваты здесь не только «газовые войны». Виноваты чиновники, лишённые исторического чувства времени, чувства национальности, чувства причастности к великой и славной семье славянских народов.

Русская национальная культура существует, но с каждым годом она погружается в «топь» окружающей ее антикультуры. Список из десяти современных славянских романистов мог бы выглядеть совсем по-другому. Например, так: Ва-

сильий Дворцов, Вера Галактионова, Владислав Артемов, Виктор Никитин, Александр Сегень, Геннадий Старостенко, Владимир Пронский, Борис Агеев, Владимир Карпов, Александр Трапезников. Все это первоклассные современные писатели из поколения 40-летних, разных стилей и направлений. Все они, безусловно, славяне, и, кстати, немало сделали для развития русской национальной культуры. Но кому они известны, кроме профессионалов?! Разве Роспечать, Роскультура, Российский книжный союз и другие соучредители многомиллионной премии «Большая книга» вложили хоть рубль в их «раскрутку»?! В списке номинантов на этот год все те люди из «либерального» (назовем его так, хотя это клевета на либерализм) лагеря. Организаторы не снисходят даже до публикации полного списка тех, кто выдвигался в этом году на премию. Чтобы, не дай Бог, не мелькнул в прессе кто-то «иной»! Вот это демократия!..

Русская национальная культура существует, но лишь вопреки государственной политике. Да, у нас есть государственные гранты. Есть деньги. И распределяются они так: выделяются десятки тысяч рублей на финансирование трех кружков самодельности и миллионы — на «Сволочей». Оказывается господдержка нескольким краеведческим книжкам, и даются многотысячные тиражи писателям-порнографам и писателям-эмигрантам. Плюс медийная поддержка. Плюс прямая поддержка госвласти. Надумал, например, тот же Российский книжный союз провести акцию «Литературный экспресс» — от Москвы до Владивостока. И вот уже от М. Сеславинского (как же не порадеть бывшей подчиненной Н. Литвинец!) полетели письма губернаторам: «Окажите поддержку... 50 ведущих российских писателей... Литература... Духовность...». Губернатор может отказать местным стихотворцам и прозаикам — кто вас, мол, знает графоманов! — но руководителю федерального агентства он обязательно пососедействует. И отщипнет от бюджета области или края средства на поддержку «коммерческой духовности». Тем более, что М. Сеславинский обещает высокий общественный резонанс.

Но, надумай, допустим, СП России провести нечто подобное, никакой господдержки в лице федеральных агентств эта организация не получит. Людей сознательно и планомерно загоняют в духовную резервацию: сидите, издавайтесь крошечными тиражами за свой счет, пейте водку, ходите с хоруговьями... И деградация когда-то мощной общественной писательской структуры налицо. Но вину за положение в СП России следует разделить поровну — между руководством Союза и руководством Роспечати. Если бы власть, в лице федеральных агентств и министерств, ко всем относилась «параллельно», с этим ещё можно было бы смириться — все творческие организации страны находятся в одинаковом положении. Но мы же видим, что это — не так. Хотя бы на примере Фонда Филатова и Российского книжного союза. Да и на примере ФСК (отрицательном) тоже.

* * *

Один из десяти «славянских писателей» по версии Роспечати как-то сказал о своих коллегах из СП России: «Ехать с такими людьми [за границу] было бы неприятно из соображений чисто человеческих, гигиенических...». Мол, что с них взять: недочеловеки. Молодцы, не стесняются в оценках. Это мы всё миндальничаем, боимся задеть их тонкую душевную организацию. Они — нет. Хозяева!

Ну, правильно, о чем и пели на праздничном концерте в Твери: «Не для меня придет весна, / Не для меня песнь разольется, / И сердце радостно забьется / В восторге чувств не для меня». А что же для нас?! У этой старой казачьей песни множество вариантов, но составители программы выбрали, пожалуй, самый точный. «А для меня кусок свинца, / Он в тело белое вопьётся, / И кровь горячая прольётся, / Вот это, братцы, для меня!»

Впрочем, не всё так безнадежно, следом хор бравурно грянул: «Надежды маленький оркестрик под управлением любви...» Но прилипчивый мотивчик трагическую казачью песню не перекрыл — о другом думалось... 8-9 мая этого года

довелось побывать в Волгограде (Сталинграде). Поисковый казачий отряд «Стальное пламя» нашел в Октябрьском районе расположение погибшего 29 августа 1942 года штаба 126-й стрелковой дивизии, которая прикрывала отход основных сил армии М. Шумилова.

В тот трагический день в безводной, голой, жаркой степи под бесконечными бомбёжками и артоналётами бойцы и офицеры отбивали атаки многократно превосходящего их противника. Только при третьем ударе во второй половине дня около ста немецких танков прорвали передний край дивизии, но мотопехота была отсечена. Бои шли на позициях... Погибли почти все, включая штабных офицеров. Но задачу свою они выполнили, армию спасли.

На хутор Верхне-Кумский, к братской могиле, где похоронили останки бойцов и офицеров штаба 126-й дивизии, приехали родственники старшего лейтенанта Сергея Ивановича Волкова. Из Тюмени, Ишима. 13 человек. Дочь (ещё одна дочь и сын не дожили до этого дня), внуки, правнуки...

Среди погибших офицеров штаба был и мой родной дядя по отцу, Иосиф Никитович Харламов (до сих пор он числился пропавшим без вести). 1916 года рождения. В армию ушел в 1938-м, жениться не успел. Прямых потомков — не оставил.

Наши потери в Сталинградской битве — 1 миллион 270 тысяч человек. Среди 14 офицеров штаба, «пропавших без вести» в тот день, только один неславянин — кабардинец Лина Хазраилович Бороков, лейтенант, командир комендантской роты. (Из села Баксанёнок, родственники — откликнитесь!)

Слава всем героям, сынам всех народов, погибших за родину! Слава! И всё же потери славянского населения — в славянской стране! — были слишком большими. Такими, что мы не оправились от них до сих пор. Такими, что через 60 с лишним лет после войны мы терпим «дискурс» о «русском фашизме», который запускает для обсуждения представитель властной «элиты»! Эти потери таковы, что русскому назвать русского — русским, а нерусского — нерусским, это значит автоматически попасть в «экстремисты» и недочеловеки.

Хутор Верхне-Кумский, который во время Сталинградской битвы несколько раз переходил из рук в руки — такие жестокие здесь шли бои! — теперь влечит весьма жалкое существование. В нём осталось сорок с лишним дворов, в основном «старушечьих». Доконали наше сельское население «реформы». Растет только братская могила — каждый год поисковики находят непогребенных бойцов. Представитель местной власти оправдывался перед нами, родственниками, за скромные таблички на могилах (увы, в основном безымянных) солдат. Обещал, что, может быть, когда федеральная власть (Роскультура! опять Швыдкой!) возьмет на себя расходы по содержанию мемориала «Стальное пламя», положение изменится. В одном только Октябрьском районе — 43 братские могилы...

Боже мой! Какой цинизм нашей славянской «культурной власти»! Миллиарды рублей на «современное искусство», на катания по заграницам, и — ни копейки — на павших за родину, на тех, у кого не только родственников и потомков не осталось, но, зачастую, и имён!.. Ну, скажите, можно ли это объяснить, забыть, простить?!

...Так кто же победил в Великой Отечественной? Победили дирижеры. «Надежды ма-лень-кий оркестрик... под управлением...»

* * *

Статьи такого рода принято заканчивать лъстивыми пожеланиями: «Но... может... что-то изменится... Тем более, этого требуют государственные интересы России...»

Мы не будем столь оптимистичны. Просвета пока не видно. За последние восемь лет у нас увеличилось количество олигархов, уменьшилось население, вырос Стабфонд, наши спортсмены стали выигрывать не только в теннис, но и в футбол, хоккей и баскетбол. Все это верно. Но русской национальной культуре — скажем это честно хотя бы раз — на государственном уровне пока хода нет. И вряд ли, если мы гово-

рим о литературе, при нынешнем руководстве Роспечати отношение к русским писателям изменится.

Значит, словенцы правы: именно слово — основа культуры! Вопрос жизни и смерти нации. Положение русской национальной литературы сегодня сходно с выживанием православной церкви в советское время. Оплёвывание высоких (подлинно религиозных) ценностей. Крошечные «приходы» (тиражи). Поэты, которые в буквальном смысле живут на подавание: даст ли им какой «благодетель» денег на книжку или не даст... Третирование (очень часто) со стороны местных властей — мол, какой от вас толк. Ну, а про власть центральную мы уже сказали достаточно.

А в эти дни на Дальнем Востоке — тоже граница славянского мира! — писатель Владимир Тыцких вместе с артистами, музыкантами, литераторами, учителями, библиотекарями проводят автопробег, посвященный Дням славянской письменности и культуры. Тысячи километров пути, выступления перед студентами, школьниками, военнослужащими, жителями полубитых деревень и поселков. Литераторы, живущие далеко от Москвы, день за днём восстанавливают то, что вечером будет разрушать наше «лучшее в мире» телевидение. Телевидение, напитанное и вдохновленное идеями «ведущих писателей России».

День за днем Владимир Тыцких, автор книги «Сигнальные костры», строит вместе со своими друзьями славянский мост. На краю России, в соседстве с многонаселенным Китаем, так же, как и в маленькой Словении понимают: без национальной культуры мы не устоим в исторических битвах. Родину надо защищать. И с пером, и с автоматом Калашникова в руках.

Конечно, если Родина у тебя есть в сердце, а не только в паспорте...

май 2008 года

ПОХИТИТЕЛИ ВРЕМЕНИ

«Искусство принадлежит народу», — еще вчера, в эпоху СССР, эта фраза воспринималась нами почти буквально. Культура, воспроизводство и сохранение ценностей контролировалось государством. Это был величественный «советский проект» — на огромной, разноплеменной территории за железным занавесом (суть которого — в постановке информационных фильтров) создавалась принципиально новая интернациональная культура. В своих высших образцах она была безрелигиозна, но нравственна, наднациональна, но не космополитична. Её целью был не рейтинг продаж, а решение художественных и ценностных задач. Это была культура индустриального общества без масс-культы — он воспринимался как признак гниения буржуазного общества и как способ оболванивания масс. Другое дело — СССР, где одна из государственных задач — почти насильное привитие «высокой культуры» (вкуса к симфонической музыке, к классической литературе, драматическому театру) широким слоям населения. Удивительно: неужели это было только вчера?!

Архипелаг СССР постепенно погружается в воды истории: нынешним 16-17-летним, рождённым в Советском Союзе, трудно представить тогдашнее бытие — их окружает совсем иная культурная и информационная ситуация. Россия занимает второе место по распространению детского порно в интернете, а искусство больше не принадлежит народу. Культура теперь имеет вполне конкретных владельцев — собственников медиаимперий, киноконцернов, телеканалов.

Эти факты говорят нам о том, что культурная революция, о которой так долго мечтали угнетённые в СССР классы (люди, не способные к разумному материальному самоограничению) свершилась. В результате этого переворота духовная жизнь отдельного человека, страны или нации больше не рас-

смачивается как ценность. Теперь это такое же торжище, как и всё остальное. В шоу-медийном сегменте рынка крутятся гигантские суммы, совершаются сделки, зажигаются и гасятся «звёзды». Подлинно высокая, национальная культура постепенно «съеживается», её влияние (пусть даже и фундамент её — тысячелетняя Русь) становится всё меньше, она замещается привозными технологиями, лицензионным «контентом».

Те, кто еще помнят советский проект, кто воспитан на идеалах патриотизма, любви к человеку, служении Отечеству пытаются сопротивляться «культурной чуме» XXI века. Но их влияние часто ограничено территорией собственной семьи — во времена культурной революции именно высокие личностные качества не позволили многим талантливым людям стать крупными собственниками, а без капиталов воздействовать на рынок услуг сегодня практически невозможно.

Усилия государства на этом поле зачастую тоже невелики. В 2005 году появился телеканал «Звезда». По данным TNS Gallup Media, среднесуточная доля телеканала, основной акционер которого Минобороны, в Москве составляет 1,2%. Каналу патриотического формата сложно привлечь рекламу — он обречен на убыточность.

Будущее принадлежит молодежи, и потому рейтинги таких каналов, как Муз-ТВ (по России — 2,98% зрителей) и MTV (2,3%) стоят дороже, чем «патриотическая» и уж тем более, «пензионерская» аудитория. Это прибыльные проекты, они обкатаны в «цивилизованном обществе». Впервые телеканал, специализирующийся только на музыке, возник как чисто американский продукт — MTV запустили в эфир в 1981 году. Вскоре появились клоны — MTV-Азия, MTV-Европа, MTV-Бразилия, MTV-Япония и MTV-Латинская Америка. В 1999 году начал работу канал MTV-Россия. Он мало отличается от накатанной схемы и курируется продюсерами из США.

Несколько ранее, в 1996 году в российском эфире появился отечественный (по происхождению, а не по наполнению — национального своеобразия здесь мало) продукт — телеканал «Муз-ТВ». Проекты «В постели с Еленой Берковой», программа «Полный фэшн с Сергеем Зверевым» и, разумеется,

«Блондинка в шоколаде» с Ксенией Собчак имеют стойкий и высокий рейтинг.

Ещё недавно канал принадлежал владельцу холдинга APC Игорю Крутому. Теперь автор хита «Я люблю тебя до слёз» распродает свои активы — 75% «Муз-ТВ» за 300 млн. долл. отошло гендиректору «Газпроминвестхолдинга» Алишере Усманову. Игорь Крутой планирует продать и свои радиодействующие активы, оценивая их в 80 млн. долл. Это Love radio (доля слушателей в Москве — 2,14%), «Радио Дача» (4,04%) и «М-радио» (0,69%). Живет Игорь Крутой в Майами. Между прочим, лауреат премии Ленинского комсомола (1989).

Этим летом канал MTV приобрел холдинг «Проф-Медиа» (владелец Владимир Потанин), которому принадлежат также каналы 2x2, «ВН1 Россия» и ТВЗ. «Российский медиарынок растет более чем на 30 процентов в год, а количество серьезных активов на нем ограничено, — отмечает аналитик инвестиционного банка «Траст» Алексей Демкин. — Развлекательные проекты, к которым относится и музыкальное телевидение, приносят хорошую прибыль, динамично растущую вслед за увеличением доходов населения».

Понятное дело, что медиарынок в России с его 30 процентами роста, а стало быть, и доходов при 7–9 процентах рентабельности на таком же рынке Европы и Америки вызывает необоримую жажду вздуть на нем капиталы у любого потенциального инвестора. Независимо от того, привлекаются ли на российский медиарынок чистые зарубежные капиталы или таким образом отмываются грязные российские — капитализация телевизионных СМИ (как, впрочем, и любых иных) означает их полное подчинение коммерческим интересам лица или группы лиц. А громкие заявления о независимости того или иного коммерческого вещателя есть откровенная ложь либо самовлюбленная глупость.

Допустим, на радиостанциях «Русской Медиагруппы» (владельцы — Виталий Богданов, Леонид Федун, Сергей Кожевников), в состав которой входят станции «Русское радио» (более 750 городов вещания в России, на Украине, в Белоруссии, Киргизии, Молдавии, Армении, Прибалтике), «Русское

радио-2» (более 100 городов вещания в России), «Радио Монте-Карло» (вещание в Москве), «Динамит-FM» (90 городов в России и ближнем зарубежье), сеть «Хит-FM», информационная редакция «Русская служба новостей», звукозаписывающая компания «Граммофон-Рекордс» и рекламное агентство «Граммофон-реклама», программная политика очень жесткая. Музыка на каждую станцию выбирают тест-группы. Кроме внутренних «худсоветов» существуют еще тест-группы той возрастной группы, на которую ориентируется станция. Например, радио «Хит-FM» следует вкусам женской аудитории 25–35 лет. Проходит только та музыка, которая нравится соответствующей тест-группе. Тридцатисекундная реклама стоит больше двух тысяч долларов, и станции борются за своих слушателей. Надо полагать, на телеканалах программная политика еще жестче — там цены выше...

Западные фирмы помогают нам «припасть» к достижениям цивилизации. Французская Lagardere, владелица «Европейской медиагруппы», потратила 43 млн. евро на приобретение радиальных активов станций «Мелодия», «Канал Мелодия», «Радио 7» и «Эльдорадио». Немецкий издательский концерн Bauer завершает приобретение последних не принадлежащих ему акций в компании «Bauer-Россия». Сейчас модно переживать на тему падения интереса к чтению — мол, народ в России практически ничего не читает. Это не так. Читают! Только что? «Bauer-Россия» издает сканвордные, женские и детские журналы общим тиражом 20 млн. экземпляров в месяц. Концерн запустил журнал о знаменитостях «Тайны звезд» тиражом 500 тыс. экземпляров.

Шведский концерн Metro Inter-national издает в Петербурге женский бесплатный журнал Metro Beauty. Тираж — 250 тыс. экземпляров. (Ну, до покупки ли книг тут? Бесплатное бы прочесть!) «Думаю, что заполнить рекламой в женском глянцево-м журнале 20 полос из 50 по цене 5 тыс. долл. за полосу не составит никаких проблем», — считает Александр Елизаров, генеральный директор рекламного агентства «Мир». Живут, не бедствуют, пропагандируют «секс с Анфисой Чеховой».

В «важнейшее из искусств», которое скоро станет, если уже не стало, пошлейшим из искусств, вкладываются отечественные кураторы. Телекомпания ТНТ инвестировала в комедийный фильм по мотивам своей программы «Наша Russia» 10 млн. долл. «Сама комедия, с ее юмором без комплексов, полностью в стиле ТНТ», — считает гендиректор канала Роман Петренко. А владелец «Тракторных заводов» Михаил Болотин, чье состояние журнал Forbes оценивает в 660 млн. долл. (99-е место в сотне богачей России), вместе с актером Михаилом Пореченковым создал кинокомпанию «ВВП Альянс», которая будет осуществлять полный цикл кинопроизводства, от съемок до продвижения. М. Болотин отмечает, что не относится к кинокомпании как к бизнесу, а занялся этим, чтобы «не сойти с ума». Миллионер уже участвовал в финансировании блокбастера Федора Бондарчука «9 рота» и молодежного фильма Анны Михалковой.

Еще один богач, Виктор Батулин, продюсировал певца Диму Билана, в которого вложил около 5 млн. долларов. «Я не бескорыстно занимался Биланом. За свои деньги получил удовольствие. Узнал изнанку шоу-бизнеса, познакомился с продюсерами, которые на самом деле — «дерево». Люди там молятся одному Богу — доллару». Теперь Батулин разочарован в Билане, который стал «негритянским бардом», поет под ручку с негром Тимбалендом: «Зачем мне оплачивать обман русского народа и прививать ему культуру, которая навсегда его делает сырьевым придатком развивающихся стран?» Батулин «подарил» Билана жене, Яне Рудковской. Это теперь ее «бизнес». Рудковская возглавляет проект на телевидении «СТС зажигает суперзвезду», а ее программа «Обнаженный шоу-бизнес» имеет высокие рейтинги. Так в России «делается» культура, лепятся «кумиры», заполняется пространство духовной жизни...

Коммерциализация СМИ влечет за собой полное подчинение медиа законам торжища. Засилье рекламы — неизбежное следствие коммерции. (Кстати, еще раз о падении интереса к продвижению книги. Увы и ах: изобретение Гутенберга менее всего пока подвержено рекламному засилью. Конечно, и

ныне есть писатели-умельцы, которые за деньги между строками своего произведения умело продвигают напитки из Черноголовки или марки модных автомобилей и телефонов, но это пока не вошло в наши литературные традиции. Впрочем, не за горами время, когда текст романа «Война и мир» будет прерываться рекламным модулем мясокомбината или шампуня от перхоти.)

Механизм распределения рекламы весьма прост. Например, на телевидении он зависит от того, сколько у канала зрителей. В отличие, скажем, от США, где наиболее известной компанией по определению рейтинга СМИ является BBDO, существующая не одно десятилетие и имеющая чрезвычайно широкую сеть информаторов в стране, в России рейтинг телепрограмм, а стало быть, и каналов определяется путем телефонного опроса 1500 представителей в разных городах страны, включая столицу. Компания эта частная и продает свои данные желающим за плату. Но говорить о том, что ее исследование рынка СМИ глубоко и серьезно, пока не приходится. Поэтому рекламодатели в России опираются на свой собственный опыт работы с вещателями. Те, в свою очередь, понимая, что их доходы напрямую зависят от того, сколько человек и как долго окажутся прикованы к экрану, используют при составлении программ распространенную за рубежом статистику о том, что зрителей собирают популярные спортивные зрелища, конкурсы красоты, демонстрация обнаженной женской натуры и насилие во всех его проявлениях.

Но наш телезритель наполовину все еще «советский», и у него другие вкусы — недавние опросы ВЦИОМ показывают, что 82 процента респондентов говорят о необходимости введения на телевидении социальной цензуры. А исследования Константина Тарасова, доцента кафедры социологии МГИМО, свидетельствуют, что лишь 6 процентов посетителей кинотеатров желают, чтобы образы насилия представлялись им в нынешнем объеме. Тех, кто придерживается противоположного мнения, в 5 раз больше. «Приведенные факты показывают, что умеренность в тиражировании образов насилия в интересах и

той стороны, которая создает и распространяет это кровавое зрелище», — заявляет ученый.

Работа «себе в убыток» свидетельствует только об одном: у производителей и трансляторов сцен насилия есть и другие цели кроме сиюминутной выгоды. Процесс унификации вкусов идет рука об руку с процессом унификации чувств. Телебизнес кровно заинтересован в пропаганде, популяризации и утверждении как нормы жизни того примитивного и пошлого понимания места в мире, которое свойственно героям и программам ТВ. Создание из нынешней молодежи «биомассы», которая будет «правильно» реагировать на рекламу, позволит в будущем извлекать максимум прибыли при минимуме затрат на производство телевизионных программ. Медиамагнаты думают о будущем своих состояний. Кто подумает о будущем страны?!

Массовая культура, которая заполонила телеэкраны (в том числе и государственные — «Первый канал», «Россию», НТВ), радиоэфир, концертные площадки, приносит высокие прибыли. Самое дорогое, что есть у человека, это его жизнь, и цена ее трансформируется в доходы медиамагнатов, крупнейших похитителей времени. Искусство, где первичны деньги, а вторичен смысл, превращает человека разумного в человека бездумного, ворует время, предназначенное для «возделывания души», и питает энергией миллионов пустые и пошлые «проекты». Слово и образ, по образу и подобию которых создается человек, отрываются от нравственных основ, превращаются в химеры. Победа такой бурно развивающейся культуры возможна. Но это победа раковой клетки над вчера еще здоровым организмом.

Живая культура, которая будит в человеке творческие способности, заставляет искать смысл бытия, безнадежно убыточна. Убыточны музыкальные и художественные школы, библиотеки и симфонические оркестры, «толстые» литературные журналы и народные коллективы, русские репертуарные театры и филармонии, сельские клубы и музеи. Но именно из этой убыточной среды и набирает в случае нужды свои твор-

ческие кадры («фабрикантов», «народных артистов») культура массовая.

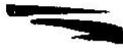
И обе культуры — массовую, доходную и живую, убыточную — несет на своих плечах народ российский. Искусство принадлежит народу теперь уже не как ценность, а как бюджетная обязанность и рыночное бремя.

Боливар не вынесет двоих — родное государство усиленно избавляет граждан от живой культуры, отучая от народной песни, осмысленного чтения, гармоничной эстетики. Человек должен стать придатком мегамшины потребления, лишенным традиционных культурных ценностей. Талант больше не дар Божий (природный), это производная денег и рекламы.

С таким «культурным бытием» еще можно было бы примириться, будь это однородный общемировой процесс. Но рядом — Китай, где культурная самобытность защищается на государственном уровне, рядом — страны Арабского Востока, где на страже ценностных установок стоят религиозные догматы и традиции.

Народы живут и умирают, культуры остаются. Русская культура останется. Уцелеет ли русский народ, заваленный коммерческим мусором, секонд-хэндом рыночного общества?!

2007

ЗАПАД ОБРЕЧЕН

Всегда приятно встретить единомышленников. Особенно там, где ты их не ждешь.

Сергей Зубцов, известный российский автостопщик, несколько лет провел во Франции. Возвратившись в Россию, он написал небольшую, но весьма любопытную книжку «Как жить в Западной Европе», где поделился своими наблюдениями и выводами.

Например, такими: «Да если бы только мышление! Есть вещи и посерьезней, то, что действительно делает современный Запад цивилизацией биороботов. Это — ярко выраженная угнетённость эмоциональной сферы, попросту её отмирание за ненадобностью. У подавляющего большинства населения стран Запада нет личности... Они пустые внутри, особенно молодежь. Когда европейцы на что-то реагируют, нет ощущения, что это реальное чувство, продукт работы реальной личности. Это лишь одна из сотни стандартных, как будто вложенных извне реакций... В западном мире всё — технология. Здесь существует только технология, и ничего кроме неё. Выросло целое поколение тех, кто не знает другой жизни, кто просто не представляет себе существование чего-то, кроме технологии. Кто даже не догадывается о наличии в мире реальной жизни, реального человеческого общения и реальных чувств. Они, как люди, не знающие о существовании живописи и художественной фотографии, люди, с рождения видевшие только поляроиды».

И дальше — потрясающие описания! «Как будто в большинстве из них души нет, ходят только тела пустые. Нет внутреннего центра, который живет и действует, лишь тело механически движется. Биороботы. Вместо мыслей — банальные глупости с телевизора, вместо чувств — плохое их изображение. Живут на приобретенных рефлексах. Нет у них ре-

альной любви (или наоборот, ненависти) ни к делу, которое они делают, ни к человеку, с которым живут. И это считается нормальным, другой жизни они себе просто не представляют».

И ещё: «Искра божья покинула этот мир. Вокруг лишь толпы абсолютно машинообразных, полностью детерминированных во всех своих проявлениях одинаковых людей». «Это мир технологий, а не творчества».

О западных (французских) женщинах: «Даже крайне редко встречающиеся там красивые девушки обычно какие-то не такие. Пустая кукольная красота не привлекательна. Это как «пластмассовое» картофельное пюре из пакетиков. Вроде всё то же, а чего-то главного не хватает».

О мужчинах: «На Западе давно уже резко не популярен образ мужчины, чем более вы одеждой и манерами похожи на подростка, тем лучше».

О России: «По сравнению с Западом у нас нация относительно психически здоровая».

О будущем: «Я просто не верю в будущее Запада. У таких людей нет будущего... Запад рухнет. И наблюдать это лучше издалека».

Сергей Зубцов, как человек не только наблюдающий, но и думающий, попытался назвать причины, которые привели западную цивилизацию к столь плачевному результату. Он размышляет: «Пожалуй, что это всё-таки не старение этноса по Гумилёву, это нечто значительно более радикальное». Вывод его таков: «Похоже, что абсолютная власть толпы на фоне постоянных манипуляций ее же сознанием как раз и взрастила цивилизацию биороботов». По мнению Зубцова, всему виной так называемый «социализм», западная уравниловка, плюс целенаправленная промывка мозгов — это и сделало «цивилизованное общество» столь механистичным. Впрочем, тут автор вступает сам с собой в противоречие — в США, конечно же, нет никакой уравниловки, а приметы общества биороботов, как считает он сам, выражены там еще ярче. В чем же тут дело? Где скрываются причины «расчеловечивания человека»? И можно ли поставить барьеры на пути этой беды?!

* * *

Десять лет назад мне довелось познакомиться с доктором медицинских наук, профессором Владимиром Базарным. И, оказалось, что он давно изучает приметы «омертвения жизни» и «расчеловечивания человека». Многим явлениям учёный сумел дать строгое научное объяснение. Речь идёт о великой опасности, которая подстерегает безалаберное человечество — и глазом не успеем моргнуть, как «Запад рухнет». Наблюдать это лучше издалека. А ещё правильной — помочь и себе, и Западу.

Владимир Базарный — не только последовательный критик ныне существующей образовательной системы, но и создатель своей собственной, аналогов которой в мире просто нет. Его научная теория блестяще подтверждена экспериментальными данными — в Красноярске, Республике Коми, в Ставропольском крае, в Москве. К новой образовательной системе разработана технологическая база, запатентованы изобретения... Но сначала попробуем разобраться, почему Базарный столько времени воюет с современной школой, с этим гигантским социальным инкубатором, в основу «чертежа» которого легла дидактика масона Яна Коменского.

В Сергиевом Посаде Владимир Базарный руководит научно-внедренческой лабораторией. Исследованиями, выполненными под его руководством Мариной Ненашевой (1995–1998 гг.), установлено, что при существующей методике обучения только за первые три года начальной школы пространственно-временные параметры воображения у детей уменьшаются в 2 раза. Целостность мира «падает» в 4 раза, а творческое воображение «скукоживается» вдвое. При этом информационная программируемость и формализм в мироотражении возрастают у детей в 3 раза!

Ну и как?

«К сожалению, мало кто сегодня осознает: убить творческое воображение — значит убить прогностическое мироощущение, а в целом убить духовную сущность человека, — считает Базарный. — Если человек теряет крылья мечты и

фантазии, то он возвращается к рефлекторно-инстинктивному типу жизни, а в итоге, в той или иной мере к животному состоянию».

Философ Б.П. Вышеславцев говорил, что «сущность души есть творчество». То, что сущность творчества — воображение, известно всем. Что значит за три года обучения вдвое «загасить» творческое воображение?! Это значит — наполовину обворовать душу ребенка. Существование души, после того, как ее физики-атомщики «взвесили», признают даже атеисты. Так что же, наша школа — «душеубийца?!»

У каждого нового поколения, по данным Базарного, нейрофизиологический механизм творческого воображения «демонтирован» на 1/3. Родина Просвещения — Западная Европа и, конкретно, Франция. Сергей Зубцов пишет: «С каждым годом французы все больше и больше становятся биороботами. Помимо этого заметно расползание данного явления от центра европейской цивилизации к окраинам. Лидируют, конечно же, США. В Европе лидеры — ведущие страны Европейского сообщества. На окраинах Европы этого пока меньше. В Италии люди живее, причем, чем южнее, тем живее. Изредка встречаются почти нормальные итальянцы, но изредка. В их глазах иногда видны следы разума и чувств. После долгой жизни во Франции поездка по Италии отчётливо улучшает настроение».

* * *

Выводы, сделанные Базарным, конечно, весьма «малокomфортные». И современному человеку, особенно городскому, с ними трудно смириться и согласиться. Но задумаемся: почти вся наша жизнь, «от рассвета до заката» проходит в «великом сидении» — в офисе, в машине, у телевизора... А этому предшествовало 11 лет школьной согбенности (плюс пять лет высшего образования для наиболее продвинутых). Но «человек разумный» как вид состоялся только в труде и в движении! Понятно, что замена движения на неподвижность должна потребовать от «цивилизации» неизбежной расплаты. Тем более,

что эта замена происходит в школе и сугубо насильственным путем.

Для каждого здравомыслящего человека очевидно, что поступление ребёнка в первый класс есть переход от естественной «двигательной» жизни к совершенно неестественной — обездвиженно-сидящей. Теперь ребёнок (растущий организм!) должен резко, в несколько раз, ограничить свою активность. Раньше малыш познавал мир в живых образах, цельности и многообразии — теперь он должен сосредоточиться на абстрактных символах (цифрах и буквах). Прежде его оценивали по нравственной шкале, обращаясь к его душе и чувству. Теперь он должен соответствовать некоему шаблонному «стандарту» формальных требований.

Писатель Гарин-Михайловский в своей замечательной повести «Детство Тёмы» оставил нам нелицеприятный, но правдивый портрет гимназии, в которой ему довелось учиться: «Всё основано на форме, на дисциплине, на страхе старших не уронить как-нибудь своё достоинство, но из-за этого достоинство ребёнка ни во что не ставится и безжалостно попирается на каждом шагу нашими педагогами». С тех пор минуло больше века, но жесткие рамки системы Коменского, по большому счету, остались прежними. И вот уже современный исследователь, историк Артем Ермаков в работе «Неживая среда обитания» размышляет: «Мало ставить вопрос, каким будет ребенок, сформировавшийся в условиях ограниченного движения и человеческого общения в закрытом пространстве. Нужно еще понять, кем он будет?»

И, действительно, что же мы имеем «на выходе» из школы? Владимир Базарный утверждает: «Поскольку такой режим длится изо дня в день на протяжении всего периода взросления, в итоге мы получаем генетически «секвестрированную», обездвиженную, инфантильную конституцию людей». А в обездвиженном теле неизбежно поселяется паразитический дух...

* * *

На «круглом столе» по проблемам демографии депутат Александр Гуров заявил: в России уже 80% преступлений совершается людьми с психическими отклонениями. Правонарушители вменяемы, но преступность становится биогенной! С точки зрения медицины, и Чикатило был «нормальным». Но сколько «весила» его душа? И можно ли Чикатило назвать человеком?

Газетные криминальные хроники малых и больших городов неустанно сообщают о «чернухе» и насилии. Кто виноват? Реформы? Экономика? Чубайс? Безусловно, огромная доля ответственности лежит на алчных и беспринципных космополитах — никогда социальная несправедливость и цинизм, возведенные в ранг добродетели, не способствовали оздоровлению общества. Но не будем забывать, в экономически и политически стабильные 70-80-е годы XX века рост психических отклонений составил 1200% (!), достигнув к 1989 году критического для выживания народа уровня — 45%. Надо ли удивляться безумию наших граждан, разрушивших СССР?!.. И каков же уровень нравственного здоровья в «цивилизованных странах», если, как пишет Сергей Зубцов, «по сравнению с Западом у нас нация относительно психически здоровая»?!

В 1953 году, незадолго до своей смерти, русский философ Иван Ильин написал три статьи под общим заглавием «О воспитании в грядущей России». Удивительная прозорливость! Ильин писал: «Грядущая Россия будет нуждаться... не просто в «образовании» (ныне обозначаемом в Советии пошлым и постылом слове «учеба»), ибо образование, само по себе есть дело памяти, смекалки и практических умений в отрыве от духа, совести, веры и характера. Образование без воспитания не формирует человека... Новой России предстоит выработать себе новую систему... воспитания и от верного разрешения этой задачи будет зависеть ее будущий исторический путь... Россия выйдет из того кризиса, в котором она находится, и возродится к новому творчеству и новому расцвету — через сочетание и примирение трех основ, трех законов духа: свободы, любви и предметности. Вся современная культура сорва-

лась на том, что не сумела сочетать эти основы и блюсти эти законы».

Далее Ильин последовательно раскрывает означенные понятия. В частности, он говорит об азбуке предметного воспитания: «...Вне ее всякое вообще образование мертво и формально. Самое важное, что должна дать человеку семья и школа — это предметно открытый взор, предметно живое сердце и предметно готовую волю». Ильин практически совершенно точно предугадывает ту азбуку предметности, которая будет применена в системе Базарного. Разумеется, не в технологическом, а в философском плане.

* * *

Мы говорим: душа, бездушный человек, душевнобольной, ловцы человеческих душ... Василий Фёдоров писал: «Всё испытал, / Мы знаем сами, / Что в дни психических атак, / Сердца, не занятые нами, / Не мешкая займет наш враг». Чего только не узнало человечество за последнее сто лет! И мобильный телефон, и телевизор, и памперс, и фитнес, и лучшее средство от депрессии — шопинг... Но вопросы: бессмертна ли душа и как её сберечь? — остаются открытыми. Во всяком случае, ответы на них для большинства представителей человечества далеко не бесспорны.

Рождается ли человек с уже «готовой» душой, или её надо «растить», развивать? Как человек «теряет душу» или становится «душевнобольным»? Какие мотивы движут «ловцами человеческих душ»?

Вряд ли кто сегодня, кроме верующих людей, возьмется однозначно ответить на эти вопросы. Но некоторая «информация к размышлению» у нас есть.

Исследования лаборатории Базарного доказали, что главным фактором, поддерживающим здоровье и психику ребенка, является работа коллектора чувственно-образной памяти (проще говоря, души). В основе этого механизма (звучит недостаточно возвышенно, но физиология — наука строгая) находится образный и моторный синтез. Подвижность ребенка,

которую взрослые воспринимают как досадную «невоспитанность», есть на самом деле врожденная устремленность к формированию этого чувственно-моторного «модуля» (т.е. души).

Базарный тут не открыл Америки, он продолжил разработку идей выдающегося русского физиолога Ивана Михайловича Сеченова. Исследования Базарного показали, что в ограниченном, сжатом пространстве, в «бетонном тупике» кабинета, в «тридцатисантиметровом тупике» учебной книги воображение ребенка начинает угасать. Движение есть жизнь. Несвобода системы Коменского есть рабство: «В результате мы наблюдаем переход с внутреннего мыслетворения, основанного на воображении (озарении, прозрении) на внешнее инструктивно-информационное психопрограммирование. У детей теряются способности к рождению собственных мыслей. На смену ему приходит интеллект психопрограммируемый, то есть зомби-интеллект».

И далее: «Доказано: информационный интеллект отключен от самого главного, что делает нас людьми — от внутреннего коллектора чувственно-образной памяти (души — на христианском языке). Вербальный интеллект отрешен от жизни абстрактно-виртуальными способностями, которые требуют «пожирания» все новых и новых порций готовой информации. Вербальный интеллект — живой паразит, который может потреблять в неограниченных количествах рожденную другими информацией, это живая психопрограммирующая машина».

Миллионы людей с готовностью «пожирают» рожденную другими (немногими, такими же психозависимыми индивидами, но с большими способностями в той или иной области) информацию — телепрограммы, компьютерные игры, мусор массовой литературы, низкопробную поп-музыку, бесстыжий пиар, грубую политпропаганду. Многие догадываются, что это — духовный «Макдоналдс», отравы, и — не могут остановить... Зомби-интеллект лишен воли.

* * *

В своё время, теоретически обосновывая методику образования для современной цивилизации, Ян Амос Коменский назвал ее «машинной дидактикой». А учителя он называл не иначе как «дидактической машиной». Коменский пишет: «Естественность образования так велика, потребность в нем настолько присуща человеческой природе, что процесс образования, при надлежащем искусстве, может превратиться в машинно-образную деятельность. Все в обучении пойдет так же беспрепятственно, как идут часы, приводимые в движение гири; так же привлекательно и приятно, как привлекательно и приятно смотреть на самодействующую машину в том же роде; наконец, с такою же верностью, какую можно встретить во всяком подобном, искусно сделанном приборе. Итак, во имя Всевышнего, попытаемся дать школам такое устройство, которое точнейшим образом соответствовало бы часам, устроенным самым искусным образом и роскошно украшенным разнообразными приспособлениями».

Заметим, что Коменский считал свой метод универсальным для воспроизводства интеллектуально-духовных способностей у людей: «Такая выработанная дидактическая машина может быть применяема ко всему, чему где-либо учат, будет ли то в школах или вне их, к учению в церкви, дома. Повсюду, и притом с безошибочным успехом». При этом великий масон произносил многозначительную фразу: «Только так мы придём к нашей цели, по иному — никогда».

Школа, живущая по законам Коменского, пропускает через себя миллионы юных граждан. Каждое поколение она учит смотреть на мир чужими глазами. Не потому ли видный немецкий ученый Вейсмантель утверждает: «Открытие скрытых в ребенке, еще неисследованных творческих сил будет иметь большие последствия, чем открытие расщепленности атома».

* * *

Основу любой «общественной машины» — государственной ли, юридической — составляют люди. Фундамент этих механизмов зиждется на плечах десятков тысяч чиновников, мелких клерков, погруженных в ад казенных бумаг — указов, распоряжений, законов, предписаний... Чтение и производство такого вида «мёртвого слова» не менее губительно для живой души, чем телесатанизм или расчетливое глумление некоторых печатных СМИ. Невозможно передать чувства тоски, скуки и бессмысленности жизни, которое охватывает нормального человека при погружении в эту формализованную, полную условностей среду. Да, конечно, взрослый человек ко всему может привыкнуть и притерпеться. Но не случайно продолжительность жизни наших чиновников не больше, чем у «простых смертных» — от умирания души не помогают преимущества госслужбы (высокая зарплата, пенсия, льготы, спецобслуживание). Природу не обманешь.

Остается только удивляться феномену «нации юристов», которая получает наслаждение от формализованного слова и крюкотворства. Интеллект с отрешенными от жизни абстрактно-виртуальными, операционно-расчетными способностями получает у этого «богоизбранного народа» свой небывалый рассвет (почему — это вопрос, на который пусть ответят профессионалы). Надо ли удивляться, что технологии правят миром?!

Но вернемся к школе. В своей фундаментальной работе «Школьный стресс и демографическая катастрофа России» Владимир Базарный пишет: «Процесс слома и угасания живого интеллекта происходит очень болезненно, а нередко и трагически для детей. Дети ощущают нарастание некоей отрешенности («изгнанности»), они начинают страдать от тоски, одиночества, тревоги, эмоционального охлаждения. Если бы учителя, психологи, родители заглянули не в их биомашинный информационный интеллект, а в души, то испытали бы настоящий шок. Выполненными под нашим руководством исследованиями установлено, что 90–95% современных школьников в той, либо иной степени погружены в вышеописанные душевные страдания».

Ещё бы! Разве могут быть маленькие рабы счастливыми в тисках неволи?! Тем более, что уже после первого года обучения у 60–70% детей выявляются психические отклонения (данные из письма Минобразования РФ).

Французский ученый Фарис в 1937 изучал психические заболевания среди коренных жителей Банту в Конго. Он писал, что никто из медицинского персонала четырех больших госпиталей не помнит о таких больных. Но стоило африканцам приобщиться к цивилизации, как плоды ее, в буквальном смысле, пали на их головы. В одной только Ньясденской психиатрической больнице, по данным английских исследователей, было выявлено 84 психических больных, из которых явная шизофренизация наблюдалась у 30. Причем была установлена четкая связь между уровнем их европейского (книжно-сидячего) образования и выраженностью шизофрении...

* * *

Но что нам Африка! Отечественные педиатры уже многие годы обращают внимание на увеличение у школьников щитовидной железы. По данным академика А. Баранова, именно йододефицитные состояния привели к росту психических заболеваний на 27% за последние пять лет.

Причину медики (а также фармацевты и производители различных биодобавок — ничего не поделаешь, бизнес!) видят в одном: недостаток йода в воде и пище. Между тем, еще в позапрошлом веке доктором Гильом из Нефшателие был описан «школьный зоб», выявленный у 414 учащихся из 731. На подобный факт обратил внимание и Д. Писарев в своей знаменитой статье «Школа и жизнь».

А теперь самое главное: исследования, проведенные в Сергиево-Посадской научно-внедренческой лаборатории, показали: степень выраженности зоба у школьников прямо пропорциональна той напряженности ребенка, которую он испытывает при чтении-письме в современной школе.

Одним из последствий систематического воздействия стресса (и не только) является истощение («выгорание») нерв-

ной энергии, сопровождающееся увеличением щитовидной железы. Массовый рост «школьного зоба» — грозный симптом надвигающейся на нас видовой катастрофы, обусловленной чуждой природе ребенка методикой образования, дидактогенными стрессами и, как следствие, истощением («выгоранием») энергоинформационных ресурсов жизни.

И еще о ловцах душ: «Ибо между народом Моим находятся нечестивые; сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и улавливают людей... Как клетка, наполненная птицами, дома их полны обмана; через это они возвысились и разбогатели, и сделались тучны, жирны, преступили даже всякую меру во зле, не разбирают судебных дел для сирот, благоденствуют и справедливому делу нищих не дают суда. Изумительное и ужасное совершается в сей земле. Пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют посредством их, и народ Мой любит это. Что же вы будете делать после всего этого?» (Кн. Пр. Иеремия, гл.5, ст.26, 27,30,31).

* * *

Но, может быть, не всё так плохо и... жизнь прекрасна?! Есть у нас и умная, патриотичная молодежь, и толковые ученые, и солнце за окном, и комфорт «устоявшейся цивилизации». Чего же боле?

Однако вспомним: когда и где мы в последний раз видели молодых людей с идеальной осанкой, уверенно, что называется, шагающих по жизни (особенно парней)? Ну, разве что на чемпионате мира по гимнастике! Или в кадрах кинохроники 30-х годов прошлого века — это были первые поколения всеобуча, более крепкие генетически, и природа их успешно сопротивлялась давлению «вербального интеллекта» и «машинной дидактике». Или среди лиц этнических бандформирований. А сегодня зрелость детей перед поступлением в школу по сравнению с 80-ми годами снизилась в два раза (по официальным данным), уровни учебной нагрузки завышены (в гимназиях и лицеях до восьми раз). Зато уровни физической активности детей в 2,3 раза ниже минимально необходимых!

«Обездвиженность жизни» приводит к снижению мышечной силы у детей на 18% и жизненной ёмкости легких на 15%. Не будем забывать: лёгкие — это энергия. А если ещё принять во внимание количество курящих молодых людей (и девушек в том числе), то можно представить, какие это «энергичные люди». В лучшем случае — озабоченные карьерой и личным успехом. В худшем — инфантильно-равнодушные. И, между прочим, в этом нет их вины. Это беда и вина взрослых, устроивших им вот такое счастливое детство. Обреченные на горбы — за последние 10 лет число школьников, страдающих сколиозом, выросло ровно в 10 раз. А если позвоночник «гармошкой», то, естественно, что многие внутренние органы и другой «костяк» деформированы. В результате более 30% девушек и 50% юношей имеют заболевания, которые могут им помешать стать здоровыми родителями. И тут никакое денежное «взбадривание» в рамках нацпроекта не поможет — рожать будут представители тех народов, которые прошли меньшую выучку в «школе Коменского», т.е. кавказцы и азиаты. Во-первых, у них больше здоровья — они не перегружали душу «вербальным интеллектом», во-вторых, у них иные ценности — связанные с жизнью, а не с виртуальной реальностью, где в большинстве своём пребывают люди с зомби-интеллектом.

Итак, Запад обречен — «цветные волнения» во Франции лишь предвестники данного процесса. Ягодки впереди... Обречена ли Россия? Или мы пока находимся на зыбкой грани, позволяющей нам не только в полной мере оценить опасность грядущего торжества «цивилизации биороботов», но и совершить некие волевые усилия по наведению моста через бездну?..

2006

ГОД ТИШИНЫ

«Именно поэтому мы в поддержку федеральной инициативы, объявили 2007 год в Москве еще и Годом чтения».

Евгений Герасимов, Народный артист России, председатель Комитета по культуре Мосгордумы

«Писатели сегодня, как никогда, являются совестью нации», — это изречение одного из рабочих секретарей СП России было напечатано в малотиражной литературной газете. Ну да, «старые» писатели грызутся из-за собственности и из-за того, кто ближе к Церковному Раю и Святым Мощам, а «новые» (детективщики, «издательские проекты» и наиболее одиозные авторы издательства «Вагриус») — из-за «больших» литературных премий, тиражей, «рейтингов продаж» и проч. И эти граждане — «совесть нации»?! Конечно, есть среди писателей и честные люди (лично мне, например, они известны), но я не думаю, что совестливых литераторов в процентном отношении к своему «цеху» больше, чем врачей, учителей, инженеров-«оборонщиков», учёных, офицеров, да и тех же журналистов.

В другой газете ведется вялотекущая дискуссия о том, как привить детям и молодёжи «любовь к чтению», какие мероприятия следует провести в рамках одноименного года, какие государственные программы следует разработать и проч. Но, позвольте, если «совесть нации» рассредоточена по всем профессиональным сообществам (в том числе и творческим) примерно одинаково, то почему детей и юношество нужно непременно пичкать книгой?! В чем ее преимущества перед хорошим кинофильмом, классической музыкой, собранием картин Третьяковки или туристским походом?! «Человеку как личности трудно состояться без высокого искусства», — будет

рассуждать интеллигент. А как же деревенские бабушки, некоторые из которых дадут — в смысле духовности — сто очков филологу-академику?! Конечно, в их жизни тоже присутствовало высокое искусство — народная песня, обряды, богобоязненность. Но главная основа личности — одухотворенный труд. Его не заменит ни книга, ни интернет, ни художественная эрудиция, ни информационный интеллект.

Соотношение влияния «либералов» и «почвенников» составляет сегодня примерно 70 к 30. Смысл либерального взгляда на действительность известен: сначала «я», мои права, мои интересы, а потом всё остальное. Допустим, сбудутся самые смелые мечты организаторов Года Чтения: писатели придут в школьные и вузовские аудитории, библиотеки пополнят новыми фондами, телеэкран потеснит «Танцы на льду» ради встреч с первыми номерами либеральной прозы и поэзии. Возможно, где-то на периферии информационного поля мелькнёт и другое отношение к жизни: раньше думай о Родине, а потом о себе... Но общий мотив «воспитательного момента» сведется к дополнительному пиару литераторов-космополитов и коммерческих издательств, которые таких писателей печатают. Между прочим, с прибылью — весь медиа-ресурс в их руках. А нужен ли нашим школьникам и студентам такой «просветительский момент»? Не жалко ли детишек?!

Одна одинокая дама почтенного возраста вместе с подружкой пошла в знаменитый театр, купившись на громкую рекламу спектакля. Любительницы прекрасного выложили по семьсот рублей и покинули зал после первого действия: в Храме искусств, согласно замыслу драматурга, актеры матерились, имитировали испражнения и половые акты. «Я такие пьесы каждый день бесплатно смотрю на Курском вокзале», — заявила травмированная «искусством» одинокая дама.

Театр, конечно, более нагляден, но и современная литература немногим лучше. Сущность творческого человека такова, что он ориентирован, как правило, на личные достижения — рожденных художников с «государственным чувством» можно пересчитать по пальцам. Лишенные «госзаказа»

(что было в советское время) литераторы изливают в художественной прозе на читателей свои явные или скрытые психоконфликты. Иногда это дело рук людей действительно одаренных, и тогда прочитанная книга — не только зря потраченное время жизни, но и ощутимый духовный вред. Разве одних литературных способностей достаточно, чтобы быть писателем? Переводить «достижения» своей безнравственной жизни в слово и предлагать такой «продукт» (за деньги!) другим — неужели это и есть искусство?!

Писатели-шизофреники, писатели-вампиры, писатели-извращенцы «лечатся», калеча читательскую душу, заражая её бациллой вседозволенности.

* * *

Противники такого подхода скажут, что «Вначале было Слово...», что язык — суть народа и что... Да тьма есть всяких причин. Например, для меня лично главное то, что я слышу в есенинском: «Отговорила роща золотая...»

Но течение времени изменилось. А пространство человеческой жизни осталось прежним. Человек как никогда раньше стоит перед выбором: чем заполнить это пространство? Времени для «чувств» почти не остается, время есть только для «функций».

Писатель, работающий только для коммерческого успеха, это еще одна, причем необязательная «функция» общества. (Вещи, касающиеся прямого жизнеобеспечения — вода, свет, продукты, уборка мусора — гораздо важнее.) По большому счету, писатель-коммерсант воспроизводит функцию-необязательность — вроде красивой упаковки. Такой литератор множит интеллектуальный и бумажный (в прямом смысле этого слова) мусор.

Многие века книга была единственным источником знания. Теперь «символический код» (знак, буква, иероглиф) отодвинут в сторону «образом прямого действия» — телекартинкой, видеороликом, интернет-презентацией. На интеллектуальной ниве «трактор» приходит на смену «лошади». И глупо

в этих условиях делать вид, что ничего не происходит. Наиболее чуткие и одаренные писатели из молодых понимают, что серьезная литература оказывается на обочине духовного процесса, ее влияние в современной России — ничтожно, как бы честно и качественно не трудились писатели. Почему? С чем это связано? Понятно, что осыпь сейчас даже действительно высокую и нравственную литературу державным вниманием, дело радикальным образом не изменится. Да и такой поворот событий представляется, честно говоря, фантастическим.

...Московская школа, центр столицы. «Элитные дети» (учебное заведение с артистическим уклоном, кроме общеобразовательных предметов здесь преподают сценическое движение, вокал, танцы). Перед семиклассниками выступают члены писательского союза. И, боже мой, какая пропасть лежит между этими двумя мирами! С одной стороны «Святая Русь», «Рубцов», «информационные войны», с другой — DVD, «Зверь» и МУЗ-ТВ. И неужели это — «отцы и дети»? И мне, например, неуютно в обоих мирах: первый «ковчег» отчалил в неактуальность, а второй движется в бездну необязательности.

В советское время литература заменяла религию. Поэты были проповедниками, прозаики — пастырями, а слово литераторов, тщательно профильтрованное государственной цензурой (во избежание расколов и ересей), было и молитвой, и откровением, и формой покаяния. Литература являлась обязательной религией — ей отводилось много места в школе, у нас были назначенные писатели-«святые» («совесть нации»), и водительство художественного слова по сравнению с другими искусствами даже не ставилось под сомнение. Только через литературу-религию обретали свой голос небольшие народы, являя миру Расула Гамзатова, Чингиза Айтматова, Мустая Карима.

Было ли такое положение дел ненормальным? А кто знает, какая она должна быть, это норма?! Журналистка Елена П. много поехала по миру, долго жила с мужем в Сиднее, теперь они вернулись в Россию — навсегда. «Вы даже не понимаете, что наша страна — это единственное нормальное место в этом безумном, безумном мире (при всех безобразиях, которые тво-

рятся в России). Да, конечно, после революции закрывали храмы, но ведь это делалось сверху, по указке власти. Люди протестовали, многие священники и верующие пострадали — были убиты за убеждения, отсидели в лагерях. А как происходит закрытие Храма, допустим, в Сиднее? Собираются жители близлежащих улиц и демократическим путем решают, что им удобнее разместить в этом месте кафе. И завтра здесь уже висит вывеска: «Покупайте пиццу». Вот вам и вся религия!»

Может ли общество жить без веры? И как долго оно протянет? Во времена перестройки и гласности, когда государство уже не в силах было цензурировать «пророков», на волне общественного интереса пришли новые «мессии», которые повели страну в пропасть. Вслед за ними — «калифы на час» — бойкие политические публицисты заняли место «проповедников», и вот уже общество поклоняется новому богу — Мамоне, и жречество соответствующее — телеведущие, «звезды» шоу-бизнеса, юмористы-разговорники. Разрешена и «истинная вера» — батюшки в Мерседесах, награждающие Бориса Ельцина орденом Дмитрий Донского. Да что Ельцин! Это еще можно оправдать некими политическими раскладами (может, «царь Борис» по пьяной лавочке «отписал» Церкви монастыри, храмы, иконы и пр.). Но Lolita! Из интервью «певицы»: «... — Я в этом году получила благословение владыки, мне вручили церковный орден Святого Благоверного князя Владимира третьей степени. Это было на мой день рождения. Священник, который был у меня на дне рождения, подарил икону. Я взяла себе при крещении имя Кириена — в православной церкви ведь нет имени Lolita — и от церкви получила свою икону. Для меня ее специально написали... (...)

— Если в этом году встретите Деда Мороза, который обещает исполнить три желания, что попросите?

— Я бы хотела с ним переспать (игриво). А до второго и третьего желания уже не дойдет. Дед растает! Только напишите, что я пошутила, а то...»

Поп спился — Бог не виноват. И Lolиту, и Ельцина, и «Мерседесы», и почти дословное совпадение двух концепций

— Русской православной церкви и Иудейской — всё переделает время и вера. Мученики слова останутся в прошлом...

* * *

Как знать, может, духовная ноша, духовное водительство — это и есть самое тяжелое на свете?! Была ведь у нас в советское время «церковь» — КПСС. Со строгим единоначалием, с уставом, с ритуалами. И вера была — в возможность построения «Царства Божьего» на земле. И подвиги были во имя этой веры, и подвижничество миллионов. Разве мужество Зои Космодемьянской в чем-то уступает отваге и убежденности первохристиан?! И неужели тем, кто награждал церковными орденами Ельцина и Лолиту, тоже угрожали изошренными физическими пытками?! Иначе — почему они дрогнули?! И кто следующий у нас в ряду кавалеров — Борис Моисеев?! Государство уже поощрило его почётным званием, публика — боготворит... А что, подарит «артист» Церкви дорогой крест, или на колокола денег даст, вот тебе и орден — почти индульгенция...

Но, с другой стороны, есть церковное начальство, и есть — верующие. Это не одно и то же. Есть писательское начальство, и есть — писатели. И здесь разница ощутима: в целях, задачах, поведении. Верующие — молятся, писатели — пишут, начальство — руководит. Все заняты «делом». И все объята глобальной трусостью. Верующие не станут связываться со своим начальством — чего энергию тратить на бесполезное дело, лучше помолиться! А писатели своих «митрополитов» не тронут, оставят их на Суд Божий — мол, история литературы всё расставит по местам, мы лучше лишнюю повесть или рассказ напишем... А «начальство» оправдается: «Попробовали бы вы на нашем месте («без божества, без вдохновенья»), у вас бы не лучше вышло. Жаждите власти — берите её. Тогда и будете награждать, кого хотите...»

* * *

Почему же большие писатели на Руси всегда так мучились? Что, жизнь Достоевского — сахар? А Льва Толстого? А Фадеева? А Есенина? Большой художник обречен на духовное водительство. Ему невозможно жить без веры. В Бога ли эта вера, в человека, в коммунизм, в Россию, в любовь — в данном случае это не так важно. Но большой русский писатель не может поклоняться конъюнктуре, золотому тельцу, эгоизму, «другой родине», водочной бутылке. Это исключено.

Подлинно «религиозная литература» советского времени (потому что много было и лживого, как и в современной церкви) — тот нравственный фундамент, на котором всё еще держится страна. Но постепенно носители прежних ценностей уйдут из жизни, творения их заслонят коммерческими поделками и импортной литературой. Что будет тогда с Россией?!

Чтобы понять, что наша страна давно уже стала колониальным государством, надо побывать на празднике Сникерса, который проходит на ВВЦ. Всё пространство бывшего ВДНХ заполнено московской молодёжью. Кучи окурков. Горы пивных банок. Головодробительная музыка. Плевки, мат. Серые лица. Девочки со сто раз перекрашенными волосами, с «железом» в губах, пупках, бровях... Согбенные, как старички, мальчики. Исползованные дети. На них «тренировались» рекламщики, поп- и рок-группы, продюсеры, распространители наркотиков, производители презервативов, олигархи, политехнологи... Все... Все... Множество раз духовно изнасилованная молодежь.

И этих, бесконечно усталых и измученных детей, пичкать книжкой, Годом Чтения?! Нет, я бы мечтала о Годе Тишины. Когда замолчат все радиостанции и телестудии, стихнут печатные станки, исчезнут рекламные плакаты. Когда в душу к детям (хотя бы к ним!) перестанут лезть коммерсанты и проповедники, «певцы» и «звёзды». Когда можно услышать пение птиц, шелест листья. Только так родится тоска по прекрасному, и ты будешь знать, что всегда и везде, даже в обществе потребления, у тебя есть шанс уцелеть, остаться человеком, ощутить радость творчества, созидания. Спасибо совет-

ской власти — она ограждала жизнь молодого человека от духовного мусора, ставила «фильтры», а значит, позволяла сохранить, аккумулировать силы. «В жизни всегда есть место подвигу». А что сейчас? «Жизнь бессмысленна, если в ней равны добро и зло».

* * *

Представитель большого издательства объясняет начинающим литераторам: «Одиночные книги мы берем, но автор должен понимать, что и ему, и нам выгодно дальнейшее плодотворное сотрудничество. Т. е. 2-3 книги в год. Сейчас мы острее всего заинтересованы в писателях, готовых работать в рамках межавторских проектов (серия романов, действие которых разворачивается в одном и том же мире — а`la «Мир Волкодава»»).

Размышляют ли издатели о «духовном водительстве»? Нет, они планируют успешность своего бизнеса! Но о какой вдумчивой работе может идти речь, если литератор должен «клепать» по две-три книги в год?! Это же обыкновенная халтура! Зато так «удобнее» издателю, а главное, легче читателю — настроился на одну волну, и вкушай эту «духовную жвачку». А если «продукт» у тебя вызывает отвращение, значит, ты — читатель-изгой. Другие же «едят», не морщатся!

Огромные массы «детей Сникерса» вряд ли когда что будут читать, кроме глянцевого журналов. «Продвинутая молодёжь» сосредоточится на западном продукте. Ну да, останется 1-2 процента тех, кому интересна русская классика, кто ищет продолжателей этой традиции и в современной литературе. «Мало избранных...». Человек изменился за какие-то 10-15 лет — «новые люди», рождённые в середине 80-х и позже, в большинстве своём существа с ампутированной исторической памятью. Предвестники, «первые ласточки» этой «стаи», естественно, были и раньше — искусство-диагноз писателей-постмодернистов тому подтверждение. Некоторые критики воспринимают их фекально-оргические «творения» как преднамеренное издевательство, вид глумления над читателем. На-

верное, есть среди литераторов этого направления и «купленные» люди, и конъюнктурщики. Но очень большая прослойка читателей — постмодернисты по своему сознанию, потому-то и впускают они таких писателей в свои дома и души. Порвалась связь времен, и этот трагический разрыв усугубился двумя факторами — демографическим и информационным. Малодетное и безотцовое поколение, обработанное после обрушения «железного занавеса» всей мощью электронных СМИ и массовой культурой, хлынувшей на новый «рынок сбыта». Замученные, затурканые потребители!.. Где взять им силу духа, чтобы отделить зерна от плевел, чтобы сберечь себя, страну, семью?!

А что же «серьезные» писатели, те, для которых литература — не страсть, не увлечение, не способ самоутверждения, а то, для чего ты призван в этот мир, пусть даже иногда и сомневаешься — не обольщение ли это ложным, не трагическая ли ошибка всё твоё писание и вся твоя жизнь?! Другой-то жизни не будет! Для чего ж тебе тогда дан талант, способности, если тебя читает, ну в лучшем случае, тысяча человек?! А сколько духовных сил уходит, если честно, без «синтетических добавок» (т.е. без «технологических приемов» массовой литературы) написать хотя бы один печатный лист! Да и надо ли настаивать на своем праве быть услышанным?!.. Если слово — дар, а ты чувствуешь себя грешным и несовершенным, то какое право ты имеешь писать?! Молчи, страдай, и кайся! А если образ становится наднационален, космополитичен, то чего вообще стоит сегодня искусство? Зачем оно?!

Можно, конечно, не задаваться этими вопросами. Писать традиционно, как ни в чём ни бывало — жили до нас люди, и мы проживем. Но, во-первых, писать хорошо традиционно — не получается. Нет сил для этого. Так, как у Льва Толстого, или даже у Александра Фадеева — не выйдет, не тот «генетический фундамент», не та вода, лес, небо... Писать по-новому — нужна честность и дерзость. А новое искусство (все эти биенале, «шоковые» выставки) вопиёт — силы закончились. Как знать, может быть, по-своему это самая честная (и самая глупая) жалоба человечеству: «Мы — больные, несчастные

люди с разрушенной душой, посмотрите, что ждет вас, тех, кто думает, будто искусство исцеляет. Нет, оно разрушает своих создателей. Пожалейте нас, первопроходцев! Не повторяйте наших ошибок!».

* * *

Что-то тут есть: литераторы не в силах писать традиционно, реалистически (те же процессы у художников, музыкантов, киношников). Может быть, действительно, цитатное искусство, слепленное из заплат, вопиет о конце времен?! Или это тревожный симптом безволия художников, которые вместо того, чтобы сберегать цельность восприятия жизни (с помощью переживания), идут на поводу у своей духовной лени?

Нет, не вернуться прежние времена, когда писателей носили на руках, а их творения становились голосом народа. Прошлое невозвратно, и в этом, как я всё чаще убеждаюсь, его прелесть. Никто не отнимет у человека воспоминания, звёздные миги его души. Из них-то и складывается жизнь.

А что в будущем? И оно неясно — дробится, замутняется образ человека, человечества, родины. Все вокруг зарабатывают деньги (даже те, кому они не нужны для физического выживания), отчётливо понимая, что всё это «добро» можно потерять в один день, в один миг, что вся эта суета сиюминутности — не главная цель. Но главное — будто в пелене, в тумане.

Духовная сила — это то, что как магнит, соберет вокруг себя тех, кто до конца не растерял человеческое. Долго искала я песни Лидии Руслановой, наконец, в киоске, что расположен в Государственной Думе (народным избранникам — лучшее, всем остальным — Лолиту), купила искомый диск. Какой голос! Какая страсть! Краса какая!.. Как знать, может, через два-три десятка лет немногочисленные потомки будут искать серьезную литературу в «блатных закутках» интернета?! Но если сегодня честное слово никому не нужно, то уж тем более нет гарантии, что оно будет востребовано завтра. У Руслановой была при жизни бешенная популярность, поклонники поезд

останавливали, чтобы увидеть её на минуту, хоть одним глазком!

Литература — никому не нужна. Но слово — это единственное, что мне не изменило (колебалась вера, менялась работа, одолевали сомнения, накатывало уныние — только слово оставалось таким же, каким оно было сказано и выговорено).

«Красоту нужно спасать от мира», — думала я, глядя на картины старого русского художника, питерца Михаила Ткачёва. Он мне показывал пейзажи, натюрморты — богатство цвета, красок; сильное, оптимистическое, живое русское искусство. «Ты знаешь, — говорил он мне, — мы давно знакомы, хорошо друг друга знаем. Но скажу тебе честно: лучшие свои картины я не только не буду предлагать на продажу, я их даже не всем хочу показывать. Я их написал, выразил себя. Знаю, что это сделано очень сильно, живо. Но я не хочу, чтобы на моих работах, в которые я вложил столько души, лежал «лак» от чужого восприятия, пусть даже самого доброжелательного. Не хочу! После моей смерти — другое дело, пусть с картинами делают что угодно. Искусство — это моя жизнь. И если нынешняя действительность отрицает красоту, цельность, образность, я не буду ходить и навязываться».

Прав ли художник? Я не знаю. Может быть, в нем говорит возраст, усталость, и будь ему не восемьдесят с хвостиком, а 28, он бы взял в руки не кисть, а топор или автомат Калашникова... Но мне кажется, что «вписаться» в нынешние «правила игры» серьёзному литератору всё равно не получится. Невозможно торчать на телеэкране и быть самим собой. Нужна либо «политкорректность», либо «толерантность», либо «либеральность», либо глупость, либо продажность. Да, бывают, конечно, исключения... Но усилия, которые затрачены на попадание в «ящик», не стоят «конечного результата». Бриллианту не место на навозной куче.

То же самое касается и другого крупного «пиара», без которого невозможна нынче «известность», а значит, и «влияние» на «культурную ситуацию». Но живут же монахи в бедных, провинциальных монастырях — одной только верой и

молитвой. Без Лолит и Мерседесов, без Орденов и «чудес». Значит, и писатель может прожить одним только Словом — без «Встреч в телестудии «Останкино», огромных тиражей, шальных «бабок», тщеславной известности. Хотя, может, такие монастыри и монахи — рудименты, отмирающий вид. И такие писатели — тоже. Но что-то мешает признать победителями тех, кто самоупоен собственной бездарной значимостью. Неужели того же Галкина, Петросяна, Задорного и т.п. совсем не мучает совесть?! За то, что они делают, говорят, несут людям?! Но если совесть молчит, то значит, что перед нами новый вид «творческого» человека — биологического робота, машины. Нет, «трактор» заменил «лошадь» не только на поле массовой культуры. «Системный блок» вместо «сердца» появился у самих «людей». И, может быть, эти полусинтетические существа уже и не подсудны законам сердца и совести?!

Телевидение дает возможность создавать во множестве (бесконечно много) непережитых, но легко усвояемых (в силу их наглядности) образов (любого свойства). Литература будет окончательно вытеснена на обочину. В чести еще будут некоторое время скорописцы-детективщики. В пережитом литературном слове люди не будут нуждаться, также, как они уже не нуждаются в естественной воде и пище. Вернее, «низы», может, и нуждаются, но за них уже сделали выбор «бизнесмены» и маркетинг. Усваивание непережитых образов самым плачевным образом скажется на человеке. Он, возможно, потеряет волю к жизни, волю к выживанию, к борьбе, его инстинкты будут угасать, заменяясь «виртуальным сексом» и такой же дружбой...

Где же выход? Честно говоря, выход как-то «не придумывается», не формулируется. Может быть, его и нет. А может быть, его под силу найти человеку, не отягощенному лишним знанием — тогда он просто перемахнёт через «забор» цивилизации, не подозревая, как он высок...

февраль 2007

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ И ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Меня спрашивают: Вы так подолгу живете за границей, вам это не мешает правильно воспринимать события в России? А я говорю: Ой, ну что вы! Везде интернет, телевидение, я себя спокойно чувствую, есть информация — и никаких проблем...

Космополитка на «Эхе Москвы»

Время идет, затягивает старые раны, родит новые потрясения и беды. В России, пережившей громадный социальный слом и невиданное мировое ограбление, уцелевший народ потихоньку очухивается от государственного кораблекрушения, осваивает «необитаемый остров» дикого капитализма. Все наши приобретения оплачены потерями. Но жизнь есть жизнь: она шире наших представлений о ней, разнообразней любых теоретических «схем», неожиданней самых выверенных прогнозов.

В моду вошли «гламур» и тихая респектабельность, буржуазный патриотизм и бюрократическая государственность. По-прежнему «отстойные идеи» — социальная справедливость, коллективизм и дружба народов. Взамен им продажная пресса внедряет «толерантность», «борьбу с ксенофобией и экстремизмом», «успех» и «конкурентность». И всё же каждое новое поколение приходит в мир с чистым сердцем, с романтизмом, с верой в высокое назначение человека. И пусть 99% благих намерений погибает под катком потребительской цивилизации, но 1% остается всегда — природу, бесконечную для человека вселенную, не победишь: рождаются и гибнут звезды, вращаются по своим орбитам планеты и миллиарды лет проходят своим чередом. И всё это может вместить в себя душа и разум человека.

Так что, пока есть время (и возможность) видеть звездное небо над головой, люди будут стремиться устроить земную свою жизнь гармонично. И, конечно, «чертеж будущего» — в науке и в искусстве. Политика всегда вторична, и даже, пожалуй, третична — она пропускает вперед еще и экономику. В искусстве есть всё — прошлое, будущее и настоящее.

* * *

Первый Форум интеллигенции СНГ. Впервые после пятнадцатилетнего перерыва встретились те, кто когда-то создавал единое поле духовной жизни в Советском Союзе.

Русский язык — дом народов, он не только дает возможность для общения, но и строит пространство для жизни — духовной и экономической. Больше всех пострадали от «развода» писатели и национальные литературы. Случайно ли?

Современную гуманитарную катастрофу обрисовал молдавский писатель Константин Мунтяну: «Американцы еще 70 лет назад заразили Европу духовным СПИДом — космополитизмом. Теперь разбитная девушка подошла к берегу Прута и манит к себе Костю-молдованина. Россия — другая. Она никогда не пыталась заменить национальные культуры духовным наркотиком. Наоборот, благодаря русскому языку и русской культуре мы обрели устойчивость и веру в будущее».

Но, похоже, теперь настали времена, когда в духовном смысле страны СНГ не менее нужны России, чем мы им. Торжественный гала-концерт форума в одном из лучших залов Москвы. Выступают певцы и танцоры из двенадцати стран. Каждый номер гостей привносит в атмосферу праздника особую национальную энергию. Лиричный белорус Пётр Елфимов. Грустные песни сёстёр Аршакян из Армении. Наступательное соло джигита-азербайджанца. Поэтичные танцы узбекских артистов. И... Можно было, конечно, спрогнозировать, что всё «русское» на концерте будет нерусским, но чтобы до такой степени!

Вот «оборвыши» из музгруппы «UMA2RMAN» с невразумительным речитативом: «Девочка Прасковья, из Подмос-

ковья...». А вот хор Турецкого пародирует песни советских лет (ну правильно, своего же ничего нет, потому и начинаются глумливые перепевы!). Но всех превзошли народная артистка России Лариса Долина и её подтанцовка. Девушки в чёрных чулках энергично демонстрировали «срамные места» залу — вот, мол, где мы видели вашу «дружбу народов»! Лариса Долина — советник президента Путина по культуре. Такая у нас государственная политика... Впрочем, любой концерт, где не участвуют артисты «разговорного жанра», можно считать суперцеломудренным.

Бывшие «национальные окраины» в духовном плане оказались между молотом и наковальней — Западом и Россией, причем последняя, похоже, в большей степени, чем «Костя-молдованин» хватанула «духовного СПИДа» в постперестроечный период. Иначе наша страна и её граждане не были бы столь равнодушны к своему будущему и к своим соседям. «Прервана нить гуманитарного воспитания человека!» — с горечью восклицал президент Украинской ассоциации издателей и книгораспространителей Александр Афонин. А в результате вместо рассказа Шолохова «Судьба человека» узбекские школьники теперь изучают «зажигательные» в сексуальном смысле главы из романа Маркеса «Сто лет одиночества». Латинская Америка оказывается ближе России...

* * *

Впрочем, некоторые деятели культуры из бывших стран СССР всё ещё остаются под «духовным очарованием» Запада (не отрезвили их ни бомбёжки бывшей Югославии, ни «демократия» в Ираке). Сергей Зубцов, сравнивая Европу и Россию, пишет: «Париж многими воспринимается как некая отдаленная дыра, сравнимая со Средней Азией». Это взгляд русского человека. А вот как смотрят на проблему казахские режиссеры Аманжол Айтуаров и Сатыбалды Нарымбетов, снявшие фильм «Степной экспресс».

Картина повествует о том, как в среднеазиатские степи судьба занесла неприспособленного к местной экзотике фран-

цуза — покупая верблюжьи носки, он отстал от поезда. На маленькой станции незванный гость проводит несколько дней. В результате вспыхивает «степная любовь» между посланцем Парижа и юной казашкой, которая фотографию Эйфелевой башни прячет за восточным ковром... Своевольная красавица, прельстившись западной жизнью, убегает вместе с нечаянным соблазнителем.

Вернётся она только через несколько лет — на похороны отца. Вернется со своим «европейским» сыном — лицом мальчик казах, поведением — француз. После исполнения печальных обязанностей они опять двинутся на завоевание Европы.

В Париж, правда, не современный, а тех времен, когда он действительно был законодателем мод, стремится и герой «Ориент экспресса» (т.е. восточного экспресса), фильма, который снял классик румынского кино Серджиу Николаеску. Загадочный князь, когда-то прожигавший состояние в парижских казино, теперь доживает свои дни в полуразрушенном замке. Одна из немногих отрад — прогулки на породистой лошади, которая, увы, уже не может обогнать паровоз (нечаянная параллель с есенинским «Сорокоустом»). Николаеску пытается воскресить образы сильных героев (Печорин, Растиньяк), великолепных красавцев-подлецов. В фильме есть «воздух» — это высший показатель мастерства; есть отголоски «большого европейского стиля»: оркестровая музыка, снег, лошади, замки...

Но, по большому счету, «парижецентричность» — вчерашний день Европы. Вся западноевропейская цивилизация — это большой «музей», населенный «призраками прошлого» или их мумиями. У западной аристократической традиции, как бы ни были красивы наши воспоминания о ней, по большому счету, нет будущего — пожалуй, этот талантливый фильм можно трактовать и таким образом. Лёгкая ностальгия по утраченному господству читается, как говорится, «между кадров».

Николаеску своим фильмом показал, что лучшие французы сегодня — это румыны (режиссер давно покинул родину, живет в Париже). Так что погоню за Европой, в которую

усердно пустились казахские кинематографисты, можно считать обреченной на провал — ложная цель. Но и к России духовно «прилепляться» азиатам тоже вроде как «не круто». Уже проходили — был Утёсов, стал Кобзон, была Раневская, стала Долина...

* * *

Бельгиец Пьер Рендерс Францию и тамошнюю жизнь знает получше, чем конъюнктурные казахи, посему не сильно ею очаровывается. На Московском международном кинофестивале-2006 в конкурсной программе была его картина «Как все». Главный герой фильма Джалиль — «типичный» француз (немножко смуглый, потому что уроженец Магриба). Он идеальный «средний человек» — его вкусы совпадают с мнением большинства потенциальных потребителей. Одна из маркетинговых компаний тайно установила в квартире Джалиля видеокамеры, и частная жизнь потребителя круглосуточно записывается на пленку, а девушка, которая внезапно в него «влюбилась», на самом деле работает от «фирмы». Она использует безошибочное чутьё Джалиля, и в промежутках между постельными забавами ненавязчиво тестирует на нём йогурты, кроссовки и купальники. «Типичного француза» посещает президент страны — в преддверии выборов он ищет бесприоритетные ходы воздействия на «потребителей политики».

Обман со временем раскрывается, но главный герой не впадает в депрессию — он находит плёнки со своим «участием» и монтирует из них откровенный телесериал, который пользуется бешеным успехом. И с девушкой-обманщицей Джалиль в конце концов мирится: не чужие ведь люди — хоть и продажная любовь, но была! В общем, из любой ситуации можно найти выход — «общество-супермаркет» тоже можно перехитрить.

Пьер Рендерс снял комедию, и законы жанра требуют счастливого финала. Но на современную европейскую жизнь режиссер смотрит вовсе не так оптимистично: «Цель здорового общества — культура. Это емкое понятие: культура одежды

и питания, спектакли, концерты, книги... По идее, задача эконо­мики — служить культуре. Но неолиберальное неокапита­листическое общество на первое место поставило средство, забыв о цели. И все, что было культурой, становится не более, чем средством для производства денег. Этому подчинено все. Болезнь общества в том, что мы как бы заключены в клетку бизнеса, отлучены от культуры, а наша жизнь целиком подчи­нена круговороту денег».

Диагноз беспощадный и не обещающий выздоровления. Рендересу вторит молодой французский режиссер Нильс Та­вернье, представивший на конкурс «Перспективы» фильм-сказку «Аврора». Кстати говоря, сказка эта весьма грустная, и в чем-то перекликается с фильмом Николаеску — обветшалый замок, безвольный король, утрата аристократических тради­ций, а вместо будущего — тупик... Размышляя о современно­сти, Тавернье поделился творческими планами: он хочет снять документальные картины о тюрьмах и психбольницах. В этом нет ничего неожиданного: «Они у нас худшие в Европе — по условиям и медицинскому обеспечению». (Вот вам и благо­словенный западный социализм!)

Представители так называемого «среднего класса» тоже во Франции не жируют, если судить о них по картине Бертра­на Люмье «Сколько ты стоишь?». Фильм посвящен взаимоотно­шениям между немолодым офисным служащим (он случай­но выиграл в лотерею крупную сумму) и «дамой полусвета». Оставим в стороне так называемую «любовную линию» — она до крайности банальна и предсказуема, а фильм донельзя скучен и претенциозен. Но — интерьеры, в которых живут герои! Обшарпанные подъезды («Петербург Достоевского»), убогие лестницы, тесные, грязные квартир­ки. А муниципаль­ный врач, друг главного героя?! Как не похож он на тот благо­получный «образ» домашнего доктора, который нам рисовали демократические СМИ! Одет Бог знает во что, а о себе гово­рит: «Я — бедный врач...».

Но, может быть, это только во Франции такой «отстой»? В других странах лучше? Бедно живут, судя по испанскому фильму «Велосипеды» (режиссер Зигфрид Монлеон), и в сол-

нечной Валенсии. Финальные кадры этой, в общем-то, оптимистичной картины, показывают нам такие трущобы, каких в Москве уж точно не сыщешь. А вот реалии шведского социализма (фильм «О Саре», режиссер Отман Карим). Первые кадры: в благополучной семье, состоящей из отца, матери и совершеннолетней дочери, внезапно умирает глава. Их весьма скромный одноэтажный домик (даже во многих русских деревнях можно увидеть строения гораздо более роскошные) уходит за долги, и начинаются злоключения девушки Сары, вынужденной идти работать и содержать заболевшую от горя мать. Спрашивается: а что же нажил за свою 45-летнюю жизнь благополучный швед?! Оказывается, ничего, кроме несчастной дочери.

Поневоле вспоминается статья из барнаульской газеты «Голос труда». Передовица, посвященная встрече стран «большой восьмерки», начиналась так: «Российский капитал в очередной раз обнажил свой волчий оскал...»

* * *

Капитал безудержно скалится и в других «благополучных» странах. Вот современная Германия. Страховой агент Бурхард Вагнер мечется по дорогам страны, чтобы продать как можно больше полисов (фильм «Страхование жизни», режиссер Бюлент Акинчи). Из фильма следует, что цена человека на Западе (где так много талдычат о его «правах») не так уж и высока — 5000 евро. Именно за эту сумму женщина, ждущая ребенка, готова убить Бурхарда, когда он, измотанный бессмысленностью своего труда («все люди — товар»), просит будущую молодую маму застрелить его. Рука не дрогнула, но в револьвере не оказалось патронов.

Кинокритик Сергей Сычев так оценивает эту картину: «Бурхарды бродят по всей Германии, а возможно, и по всему миру... Фильм ведет к страшному обобщению. Растерявшиеся плебеи продают себя, лишившись жилья и личной жизни, заточив себя в неуютные раковины: грязные фургоны (в одном из них едут в Германию эмигранты из России — Авт.), старые

грузовики, пустые мотели, выпивающую жизненную энергию работу». В одном из эпизодов Бурхард беседует с водителем-дальнобойщиком: у того к середине жизни ничего нет — дом в кредит, грузовик в рассрочку, и никакого просвета впереди. Вагнер советует своему клиенту обставить дело так, чтобы его смерть выглядела именно несчастным случаем — например, водитель заснул за рулем, поскольку родственникам самоубийц страховки не выплатят.

Любопытно, что эту, в общем-то, обличающую картину, снял немец «турецкого происхождения». То есть турки, в отличие от казахов, не ободряются Западом... И, опять же, если лучшие русские — это евреи, лучшие французы — румыны и алжирцы, то лучшие немцы — это турки. А лучшие шведы на вид вовсе не «норманны» и «викинги», а типичные негры — режиссер Отман Карим, который снял фильм «О Саре», родился в Уганде. И, кстати, настоящую любовь белокурая Сара в картине находит не с европейцем, а с «афрошведом». Карим этим эпизодом вовсе не отдает дань «толерантности», а просто констатирует факты: в отсутствие «коренного» мужского населения «свято место» занимают энергичные пришельцы. Прочитую Владимира Базарного: «Народ, в котором угасает мужское начало — поработается и истребляется. Ну а женщина-то как? Она и под немцем, и под китайцем, и под негром всегда была, есть и будет женщиной и матерью. Такова природа жизни. Все корни трагедии народа в Иванушках-козленочках!»

* * *

Надо сказать, что толерантность, видимо, окончательно доконает Запад. Уж такая это зараза — один раз примирился с безобразным, другой, а на третий и самому жить на захочется.

...В поезде северного направления бабушка, везущая внуку в деревню погостить, все пытается отвлечь девочку от внимания к слишком откровенно милующейся паре. Наконец «ортодоксальная», «отсталая» старушка не выдерживает:

— Что вы делаете? Как вам не стыдно?! Здесь же ребенок!

— Молчи, бабка! — срезал её кавалер убийственным доводом. — По телевизору люди такое за деньги выдают, а мы тебе — бесплатно...

Это — картинка из российской действительности. А вот европейская реальность. Фильм «Билеты» (совместное производство Италия-Великобритания-Иран) пронизан сквозным сюжетом — на поезде через всю Европу едет (на этот раз не в Париж, а в Рим) семья беженцев. Политкорректность — но избирательная: беженцы, разумеется, албанцы, а не сербы. (Остается только догадываться, появился бы замысел этой ленты после взрывов в Лондонском метро и французских волнений? Все ж-таки «международный терроризм»!) Своим копошением многодетная мусульманская семья всем мешает: профессору, который пытается с помощью ноутбука написать письмо понравившейся женщине, троице шотландским парням, едущим в Рим на футбольный матч.

Помимо всего прочего, фильм является прекрасной иллюстрацией современного «клипового сознания», присущей части творческой интеллигенции. Настала эра информации, сложенной из «кусков», время компиляции идей, образов. Фильм «сшит» режиссерами из клочков-случаев, а некрасивый профессор примерно также пытается «слепить» своё чувство из чужих, мертвых слов. Беженцы отвлекают его от этого трудоемкого занятия, и тогда он заказывает у проводника стакан молока для голодного ребенка.

Перед более сложным выбором поставлены дружелюбные болельщики-шотландцы: у одного из них мальчик-албанец украл билет (многодетной семье не хватило денег). У туповатых парней, работающих в супермаркете, со средствами тоже туго — они должны либо «сдать» воришку контролёру, либо распрощаться с возможностью побывать на любимом зрелище. (Типично русский вариант — дать «на лапу» проводнику — в законопослушные головы не приходит). В конце концов, закон таки нарушается в гораздо большей степени — на вокзале в Риме безбилетные болельщики убегают от кон-

тролёра. Счастливый финал, и из зрительного зала, видимо, нужно выходить, обогатившись гуманистической идеей — ради благополучия албанцев можно изменить «обычный порядок вещей» (разбомбить Сербию), нарушить закон, и даже претерпеть некоторые бытовые неудобства.

А что же несет толерантность («терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению») в художественном плане? Картина густо населена маленькими людьми, которым можно сочувствовать, но которых не за что любить (да и некого). Убиение любви — такова плата за пребывание «общеевропейском доме», краеугольным камнем жизнеустройства в котором стала идея терпимости. Так что ничего у профессора с любимой женщиной не получится — для любви нужна сила духа, сопереживание, нетерпимость к подлецам, по вине которых люди покидают родные места и могилы предков...

* * *

И ещё кое-что о толерантности. Уж кто не позволяет себе такой роскоши, так это Израиль. Бомбить ливанских детей? Пожалуйста. Укорять других в «неумении жить» — сколько угодно. Много лет собачиться с соседями — палестинцами — и так и не найти мирных решений — это в порядке вещей. Но при всём этом «богоизбранному народу» и на «святой земле» (вроде бы дома!) неймётся. На свете счастья нет...

Израильский фильм «Полурусская история» (режиссер Эйтан Аннер) без прикрас открывает взгляду зрителя «землю обетованную» — пески, жалкие кустики растительности, провинциальный грязный городишко и «местные», кричащие «приедем»: «Русские свиньи! Убирайтесь домой!». В картине нет жесткой социальности, но она весьма любопытна как «очерк нравов» современной еврейской глубинки. Одиннадцатилетний Чен — на стыке национальных и социальных противоречий, отец у него еврей, мать — русская. А тут еще и первая любовь, и балльные танцы, которыми занимается Натали — девочка, которая часто «не чувствует своего лица». Потеряли себя в здешней глубинке и танцоры Рабиновичи — муж и же-

на. Тоскуют в этой «дыре» о Москве и о Стокгольме. Жалеют, что уехали.

Ну и правильно, кто они «дома», каков их здешний статус? Танцы в этой дыре не кормят, приходится подрабатывать в парфюмерном магазине продавцами. А, допустим, в Москве? В течение недели или больше по государственному каналу «Россия», телевидение гоняло рекламу-анонс: перечислялись 7 космополитов-сатириков, которые будут веселиться на юбилее (!) Семёна Альтова (!). С ума сойти — событие государственного масштаба!.. Как сказал поэт, «у нас не только Гоги и Магоги, и Гитлер не проскочит мимо синагоги»...

* * *

Невольно задаешься почти некрасовским вопросом: кому же на Земле жить хорошо? Если судить по кинематографу, то двум странам — Белоруссии и Китаю.

Фильм китайского режиссера Чен Кайге «Клятва» — один из дорогостоящих проектов в истории Поднебесной, в нем применены самые современные кинотехнологии. Ну что же, у нас «Ночной дозор» с вампирами, у них «Клятва» — с красотой и романтикой. Если дело так пойдет и дальше, то вслед за китайскими товарами мы начнём импортировать источники положительных эмоций. Если, конечно, нам позволят...

Действие в фильме происходит «3000 лет назад, где-то в Азии», но картинка на экране, безусловно, отражает и настоящее — всю мощь миллиардного (с огромным миллионным «хвостиком») современного Китая, космической державы, которая «обгоняет время». Казалось бы, какое отношение нынешние социально-экономические реалии имеют к костюмированному любовному треугольнику (главные действующие лица: раб, полководец, принцесса, а также князь, император, колдунья)?! Но цель искусства всегда состояла в разрешении дилемм «добро и зло», «судьба и жизнь», «время и бессмертие». Ответы — в душе и в сердце художника, который, обращаясь к «высокому», просто вынужден прочно стоять на земле

— иначе в его мировоззренческих концепциях не будет достаточной прочности и убедительности.

Чен Кайге в годы культурной революции был отправлен в провинцию на сельхозработы и рубку леса (сам он из семьи интеллигенции, сын кинорежиссера). На радио «Культура» журналисты в беседе с ним затронули эту тему, вполне предсказуемо ожидая осуждения давнишней «ссылки». Чен Кайге, на удивление, оказался весьма сдержан: «То время позволило мне ближе узнать жизнь простого народа... Я был бы другим, если бы не прошел эту школу жизни».

Не хотел, а срезал! Сказать такое у нас, где одно из тяжчайших преступлений советской власти — высылка за тунеядство Иосифа Бродского...

Другое «светлое пятно» на кинематографической карте мира — республика Белоруссия. Фильм режиссера Сергея Сычева «Я помню», откровенно говоря, весьма слаб. Схематичный сценарий (борьба хорошего с очень хорошим), неорганичная, зачастую лишённая художественности, игра большинства актёров, особенно Владимира Гостюхина (это называется — халтура). Но при всём этом, как ни странно, окрашенный светлым чувством, эмоцией, очень динамичный, фильм замечательно смотрится (трудно оторваться!) и вызывает, несмотря ни на что, зрительское сопереживание.

Главный герой картины — молодой художник (Анатолий Кот отлично сыграл эту роль). Он узнает, что болен лучевой болезнью, и... уезжает из Минска на родину — в деревню, находящуюся в Чернобыльской зоне. Там, где похоронены его родители, получившие при взрыве реактора смертельную дозу. Без родной земли нет счастья, да и, пожалуй, смысла жить, — утверждают авторы. И это, пожалуй, одна из самых сильных сцен в фильме.

Но как разительно отличается этот вывод от представлений тех «интеллигентов», кому в среднеазиатских песках грежится Париж, а в ближневосточных колочках чудится Москва и Стокгольм! А ведь в мировом зомбированном сознании Белоруссия рисуется не иначе как «территория зла»...

* * *

На XIII Минской международной книжной ярмарке Россия — Почетный гость. У некоторых русских писателей появилась возможность «своими глазами», а не лукавым оком телевидения увидеть то, что происходит в соседней славянской стране.

Как живут люди в «тоталитарном государстве»? Телевизионный сигнал российских каналов в Белоруссии «ловят». Интернет — без контроля. На экранах минских кинотеатров можно увидеть отечественных «Сволочей». На книжной ярмарке — полная свобода выбора. (А в России члены Общественной палаты потребовали от правительства «утвердить список националистической экстремистской литературы»).

Белоруссия — вполне европейская страна, открытая современным веяниям (в книжных магазинах — московский ассортимент, в продовольственных — тоже). Но каким-то непостижимым образом народ здесь не потерял ориентиров, он четко различает «черное» и «белое», нравственное и безнравственное. Это особенно ярко проявилось на встречах белорусских читателей с писателями из России.

В магазине «Светоч» должен был состояться поэтический вечер. К литераторам подошла благостная пожилая женщина.

— Вы писатели из Москвы?

— Да, мы.

— А поэтессы К. среди вас нет?

— Нет, она заболела, не приехала.

— А... Жаль как. А я специально из-за нее пришла.

— Мы передадим, что вы приходили.

— Да, передайте, что я пришла ей сказать: она — убийца, в 93-м году расстрельные письма подписывала. На ней — кровь!..

— Ой, ой, ужас какой! — воскликнули некоторые лирики.

— Да, и я ей, если бы она приехала, дала бы ей пощёчину!..

Порадуемся за белорусов: молодцы! Ценят слово, понимают его значимость, всё и всех помнят и благодарят деятелей культуры по заслугам. Как говорится, «нужные заветы не забудем, грубые обиды не простим». Не то, что мы, рёхи...

Да, слабость духа, подорванность национальной традиции как раз и порождают нравственную неразбериху в государстве, когда за непотребство вешают орден на грудь или присваивают титул «советника президента по культуре». В политике легче, чем в любой другой сфере (например, в самолетостроении), имитировать деятельность. Под такую схему подбирается «сопровождение» из «дружелюбных» СМИ и соответствующего лагеря «творческой интеллигенции». И, напротив, опора на идею, традицию, нравственные ценности, и, в конечном счете, на народ, как раз и придает устойчивость политику и стране. Ничего с «батькой» сделать ни смогли — ни Госдепартамент, ни европейские подпевалы, ни наши космополиты — триумф на выборах! И это — без нефтегазовой трубы, среди болот и лесов, в стране с огромным чернобыльским пятном, со всего лишь 10-миллионным населением! Вот так надо писать историю — честно, не размениваясь на тридцать серебряников...

* * *

Ну а что же Россия? Каков её путь в эпоху современного великого переселения народов? Каково её будущее?

Исчерпанность «западного пути» и неолиберальной идеологии для многих сегодня очевидны. В обществе потребления «человек духовный» вынужден превращаться в «человека конвейерного», и неважно — работник он или покупатель. Казалось бы, глупо шагать по этому пути — уж очень плачевен ожидаемый результат.

Но слишком много у нас было в послеперестроечное время потерь. Главная из них — утрата идентичности.

Кто такие сегодня «мы»? Единого народа больше нет. Есть его осколки, островки выживания. «Сверху», прямо скажем, духовное единение «не приветствуется». Напротив, мы

видим целенаправленное формирование двух «культур» — для «пипла, который всё схавает» и для «элиты». А подобное разделение возможно только в том случае, когда в обществе количество представителей подлинной, без кавычек, элиты (нравственно безупречные люди) падает до трагически низкого уровня.

Киновед Дмитрий Комм пишет: «Я верю, что качество фильма зависит исключительно от наличия идей у его создателей, а не от состояния экономики в стране или бюджета картины. Утверждение, что существует прямая связь между количеством денег в кошельке режиссера и качеством идей у него в голове, оскорбительно для самого режиссера и не подтверждается фактами. Германия после первой мировой войны, Италия и Япония после второй находились в худшем экономическом положении, чем Россия сегодня, что не мешало их кинематографистам создавать достойные фильмы».

Искусство невозможно без любви к человеку. Именно эта, главная идея, почти напрочь отсутствует в отечественных фильмах (театральных постановках, книгах, песнях), претендующих на нечто большее, чем коммерческая поделка. Наша «новообретенная элита», похоже, смирилась с Россией как страной проживания (здесь тоже можно делать деньги!), но никакой духовной общности с «электоратом», «пиплом», «биомассой» не ощущает. Более того, представители творческой интеллигенции зачастую даже не дают себе труда понять «население», проживающее за оградой их «дворянских гнезд». Зачем? Они и так о нем всё знают...

О чем бы ни было произведение искусства — о Великой Отечественной или о послевоенном труде — оно, прежде всего, повествует о времени, в котором живет и творит художник. Кинокартина «Судьба» Евгения Матвеева, снятая по одноименному роману Петра Проскурина, показывает нам весьма неоднородный мир русской деревни военного времени — тут и полицаи, и метания главного героя Захара Дерюгина между двумя семьями, и трагический выбор его сестры-врача между собственной жизнью и беспомощными пациентами... Та цельная правда жизни, которая еще сохранялась при советской

власти и позволяла создавать такие полотна, как «Судьба» (как в литературном, так и в кинематографическом плане), теперь кажется навсегда утраченной. Эта цельность больше даже, чем художественная правда и красота (фильм, да и роман не во всём совершенны). Но есть какая-то могучая связь между нашими сердцами и даже этими несовершенствами, не говоря уж о сильных страницах и сценах. Главная общность — в этой невольно чувствуемой цельности, в силе, в доброте.

Для создания схем достаточно умствований, а для создания живых образов нужна животворящая любовь. А она рождается, только в случае, когда художник чувствует свою неразрывную связь с народом — истинное искусство всегда национально и народно. Забвение человека приводит к страшным последствиям. Об этом в одном из своих интервью говорит Андрей Кончаловский: «Конкурентными сейчас становятся фильмы вроде «Антикиллера», который снял мой сын. Я считаю, что это чрезвычайно вредная картина, и я ему говорю это, не скрывая, но такие фильмы могут конкурировать с американцами. «Антикиллер» — фильм, сделанный по законам Голливуда — плохие с хорошими бегают друг за другом. Там нет сложности мысли, которая свойственна русскому человеку... Мой сын — продукт и жертва того, что происходит в мире. Маркетинг ведет к производству коммерчески успешных картин, а не к высоким образцам искусства. В маркетинге важно не качество товара, а качество рекламы».

* * *

Раз такое дело, то у нас всегда найдутся «интеллектуалы», которые подведут под «обстоятельства» соответствующие «объяснения». Кинокритик Даниил Дондурей, например, заявил, что «настоящее искусство способны воспринимать только 3 процента населения». Ну, правильно, а потом можно сделать вывод, что «настоящие люди — это те, которые понимают настоящее искусство». А раз они «не настоящие люди», то и пусть хлеблют смехаческое телепойло, которым их «угощают» каждый вечер...

Режиссер Алексей Мурадов, снявший фильм «Червь», несомненно, представитель 3-х процентного населения — деньги на производство картины ему выдал сам Швыдкой из бюджетного кармана Роскультуры. Крайне невнятная лента повествует зрителю о некоем полковнике спецслужб, который скрывается от коллег (что-то он натворил, но что — понять за полтора часа невозможно). Главный герой скитается по России, встречая на своем пути разных людей — в основном представителей простонародья. В их числе: две продажных женщины, одна студентка в очках, девушка-охранник, два дальнбойщика, один буддист, парень, косящий от армии, кашляющий старик, шайка мошенников (ловит раззяв на «потерянный кошелек») и большая группа мужчин-энтузиастов, занятых постройкой парусного судна.

Видимо, по замыслу авторов, зрителю в фильме должна явиться панорама современной России — страны парадоксальной и экзотичной. Цель благородная, но, во-первых, для того, чтобы снимать «про народ», надо жить в нём, а не ездить «в люди» на экскурсии; во-вторых, никакая умственная социология (да еще такая безыскусная) не заменит взгляда художника, его озарения, открытия мира. В общем, творческий результат истории про «туманное бегство человека из мертвого кибер-пространства в реальность», оказался более чем скромным. И это при том, что режиссеру не на кого жаловаться, кроме как на самого себя: «Я очень благодарен продюсерам проекта, они позволили мне делать абсолютно всё, не ставляя при этом нуждаться ни в чём».

Казалось бы, у страны появился материальный ресурс — прекрасно! Теперь бы к этим деньгам еще и голову — к чему приводит бездумный гедонизм одних и тупая готовность служить золотому тельцу других, сегодня убедительно продемонстрировал кинематограф западных стран... Пятнадцать миллионов рублей — средняя «цена вопроса» — на дороге не валяются, и, может быть, попади они в руки более талантливого человека, творческий результат был бы иным. Понятен риск, когда средства «господдержки» дают дебютанту. Но А. Мурадов — человек немолодой (1963 г.р.), и к такому возрасту

иметь в качестве основной заслуги звание «ученика Алексея Германа», в общем-то, маловато. Кроме того, никому не приходится в голову поддерживать, допустим, талантливых писателей-дебютантов — пусть даже не 15 миллионами, а 50 тысячами рублей (на издание первой книжки), а ведь основа любого фильма — сценарий. «Литературный провал», характеризующий последнее десятилетие, потащил на дно все жанры: эстраду, кино, театр, телепродукцию... Да, конечно, вслед за спадом неизбежен подъем, только пик «нового искусства» может напоминать кочку по сравнению с горой. И понять подобный «эстетизм», возможно, смогут только 3 процента населения страны — те, кто раздает деньги из бюджета и те, кто их увлечённо тратит.

* * *

В начале любого образа лежит слово. Мастера кино это хорошо понимали. Андрей Тарковский: «...Перед сценаристами стоят очень важные задачи, выполнение которых требует настоящего писательского дара. Я говорю о психологических задачах... Сейчас в кинематографе нет ничего более запущенного и поверхностного, чем психология. Я говорю о понимании и раскрытии глубинной правды тех состояний, в которых находится характер».

Речь идет о слове как о пережитом образе. И о слове, где образ непережит, а просто воспринят и затвержен извне. Книга, сценарий или кинофильм, где есть живые образы, соединяется с чувством читателя, его воображением. И здесь неважна форма, стиль и «направление». Важна, пожалуй, нравственность художника.

Образность и нравственность — это вопрос для будущих размышлений.

Но: истинное искусство — это вынос на суд читателя пережитых образов (слов, звуков, красок). Честность художника состоит в самоограничении, в требовательности к себе — не пользоваться непережитым образом.

Между тем, эпоха распространения «мертвого слова», не сопряженного с образом (т.е. массового образования) породила множество людей, прекрасно владеющих мертвым (полу-мертвым словом). Их письмо (кинофильмы, телепередачи, музыка) не требует сверхусилий и страдания — требует только трудолюбия. Люди все реже (и художники, и зрители) воспитываются в процессе переживания образа. Слова оторваны от людей и образов. Мировая шизофрения? И тут уже «культура» не ищет смыслы, не будит человеческое в человеке, а существует в форме особой сервисной услуги — «досуг и развлечения». Подвиды сервиса — вариации для «элиты» и «пиπλα».

Высочайшего мастерства нового вида «безобразия» — безобразности — достиг корейский режиссер Ким Ки Дук в фильме «Натянутая тетива». Пересказывать сюжет этой картины не имеет смысла — она не о людях и не о явлениях природы. (Хотя на первый взгляд может показаться, что перед нами восточная любовная экзотика — старик, юная девушка, которую он готовит себе в жены, влюбленный юноша — традиционный любовный треугольник.) Но если присмотреться внимательно, то можно увидеть, что перед нами чётко выверенная схема, демонстрирующая «геометрию поступков» неких заданностей, похожих (внешне) на людей.

Знаменитый супрематизм Малевича получил в картине прекрасное развитие — беспредметность заменена «людьми-предметами», размещенными в пространстве пейзажа, «картинки». И всё это преумножено высочайшей техникой съёмки, мастерством. Конечно, самый красивый, современный корейский автомобиль не заменит кривое, кособокое, но живое дерево. Только вот вопрос: нужна ли современному человеку природа? Или достаточно «технических радостей»? Мира, где властвует новая мораль — без религии и чувств. Где вместо логики жизни — компьютерные «варианты развития».

Образ зрительный (в отличие от слова), зачастую наднационален. Движущийся, скомбинированный образ (это вам не живопись!) — тем более. Кино — любимая забава биороботов. Фильм Ким Ки Дука — это не культура биороботов-варваров (вроде нашего «Ночного дозора» или «Антикиллера»), это

продукция более высокого порядка. Здесь властвует новая мораль — эстетика вне религии и чувств, которая опирается на произвольно сконструированную притчу или отголоски мифа. И в результате — «вселенская объективность»: Бог равен дьяволу, добро — злу, жизнь — смерти.

Это идея, отличная от западной толерантности и американского практицизма, круто восходит на востоке и грозит перекинуть «мост» общечеловеческих ценностей в Европу. Последствия могут быть весьма печальными для «людей природных».

* * *

Пока гром не грянет... Долго запрягаем... Авьось... Наш век хватит... И т.п.

А выбор, между тем, остается невелик.

История народов всегда была историей борьбы идей, воплощенных в культурных достижениях, способе госстроительства и экономическом прогрессе.

Славянская идея дежурно вспоминается один раз в году — в День Славянской письменности и культуры. Этот государственный праздник, появившийся во времена ельцинской России, занимает странное место в иерархии «красных дат». Одними славянство трактуется как синоним русскости, другими как некий религиозный византизм (Москва — третий Рим), наконец, многими это понятие воспринимается как почти утраченная «этнографическая данность».

По большому счету, славянская идея давно уже списана «в архив». Но не рановато ли? «Против славянских народов идет и физический, и духовный геноцид. Мы должны защищать православие, армию и кино — то, что является образом нашей духовной жизни», — заявил болгарский кинематографист Маргарет Николов. И он, в общем-то, не одинок — уж слишком разительно славянская всеотзывчивость отличается от западной толерантности...

Константин Леонтьев, певец византизма, считал, что Европа может заразить Россию «либерально-эгалитарным про-

грессом». Противопоставить этой беде можно только старые культурные элементы, заимствованные из Византии. Византизм в государстве значит самодержавие, в религии — православие, в нравственном мире — устойчивость собственной чистоты, способность к полному нравственному совершенству.

Можно много размышлять на тему: когда Россия была ближе к византизму — в эпоху СССР или сегодня. Но и тогда, и сейчас наша страна (в лице её отдельных граждан) всё ещё является носительницей некоей отличной от западного либерализма идеи. И она наиболее явно просматривается не в сфере экономики или политики (тут мы, увы, скорее подражатели). Идея эта имеет глубочайшие корни в национальной культуре, и корни эти, в наши дни уже изрядно иссеченные, всё же иногда дают «боковые побеги». Это уже, конечно, не византизм, и не панславизм. Но отличие от западного биомодернизма — разительное.

Потому-то и тянутся к нам бывшие среднеазиатские республики — не велик выбор: тухлый Париж или дикий Афганистан. Потому и поволжские татары, кинувшиеся было в объятия Турции, в последнее время «сникли» — выгоднее требовать нефтяных и налоговых «преференции» в России, чем драться за «кусочек» с нищими «единоверцами», снискавшими в Германии статус «московских азербайджанцев».

Конечно, гораздо выгоднее жить по принципу «моя хата с краю». Но у России так не получится. И не в мессианстве тут дело, а в стечении обстоятельств — другого пути, чтобы уцелеть, у нас просто нет. Нужна планомерная культурная консолидация стран СНГ и бывших стран соцсодружества вокруг Москвы. Без нажима, без бюрократии и без имитации бурной деятельности. Начать можно с малого — там, где меньше денег, меньше грязи и воровства. Но начать можно с основного — со слова. Тогда и всё остальное будет наше.

На Форуме интеллигенции стран СНГ поэт Валентин Сорокин, в прошлом известный издатель, заявил: «Нужно вернуть прежнее значение книги, составить из лучших произведений серии «Роман СНГ», «Поэзия СНГ», «Эпос», «Исторические личности». Нам необходимы три издательства — одно

для европейской части (Россия, Украина, Белоруссия), второе для Кавказа и Закавказья, третье для стран Средней Азии. Все они должны быть связаны между собой, и финансироваться заинтересованными странами. Жесткий финансовый контроль, отчетность перед писательскими организациями, настойчивая пропаганда в СМИ сделают эти издательства не только полезными, но и весьма успешными со всех точек зрения. Нам нужно соединить историю народов, которые века слышали друг друга, говорили на понятном языке, нужно вернуть память, растоптанную этими 15 годами безмолвия, и вернуть уважение к самим себе тем, что мы воскрешаем эту свечу озарения».

А если подтянуть к этому проекту (пусть пока только культурному!) европейских «сочувствующих»?! Болгар, сербов, чехов, словаков. Не для «копеечки», коммерческой выгоды, а для единения на подлинно духовных началах. Только, конечно, не Кобзон должен стать «главным славянином», не Швыдкой и не Рамзан Кадыров. Тут уж, как говорится, кто на кого учился и кто чему жизнь посвятил.

Сегодня славянская идея всё ещё остается жизнеспособной. Возможно, она единственная, кто может противостоять «новому искусству» «электронных людей»...

2006

СОДЕРЖАНИЕ

В плену у биороботов	3
Во имя любви и жизни	25
История ничему не учит	47
Писатель и революция	60
Вожделения телеэлиты	74
Славяне в России: просвета пока не видно	82
Похитители времени	94
Запад обречен	102
Год Тишины	115
Славянская идея и великое переселение народов	127

Лидия Андреевна Сычева
Эх, славяне!..
Статьи о культуре

ISBN 5-86829-006-X

Редактор Сергей Семенко
Корректор Ольга Михальская
Рисунки на обложке Дмитрия Дмитриева
Оригинал-макет Виктор Крамаренко
Технический редактор Игорь Лазутин

Отпечатано в МНЦ МГО СП России